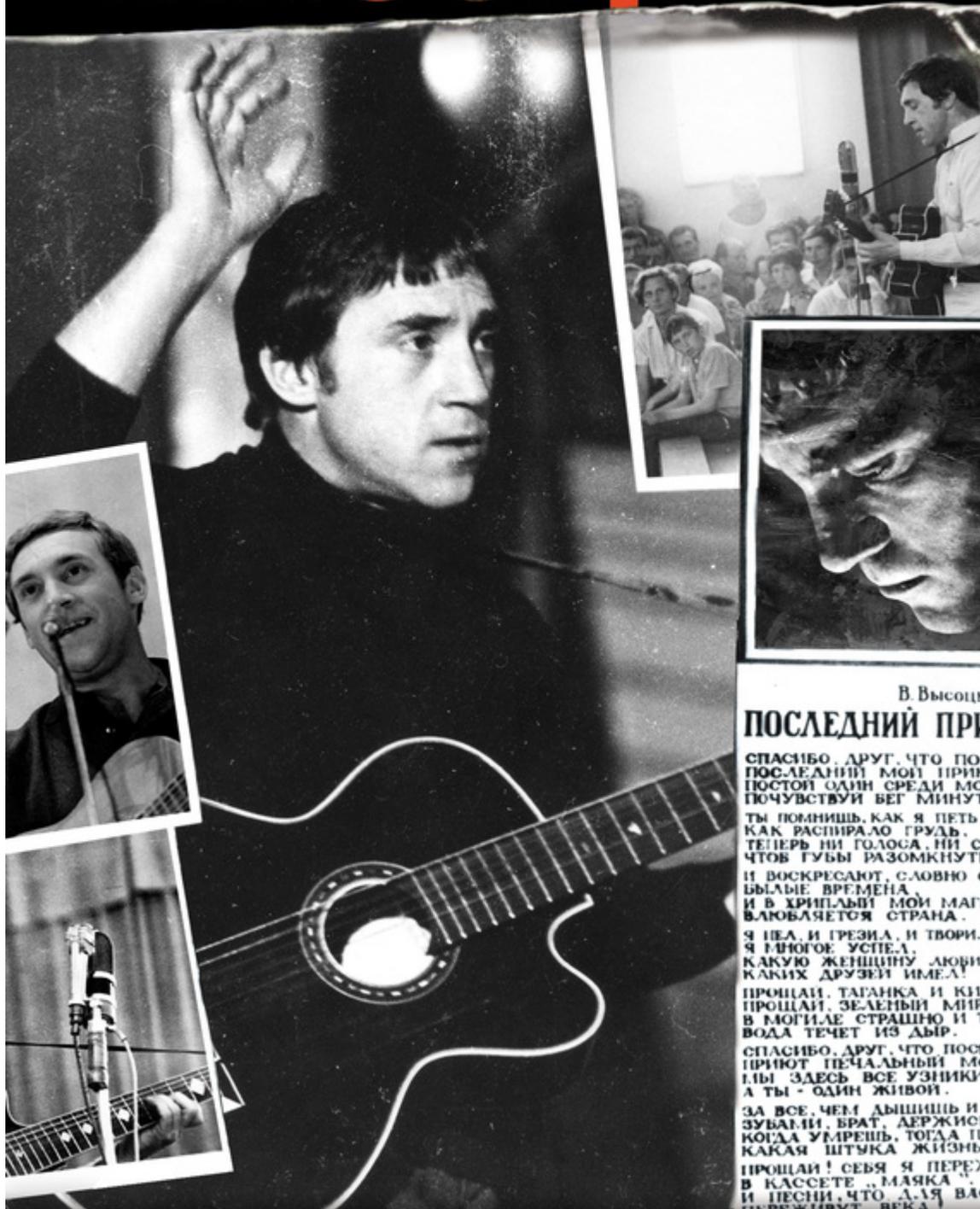

Лев Годованник
Тайные гастроли. Ленинградская биография Владимира
Высоцкого

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

тайные гастроли

В. Высоцкий ПОСЛЕДНИЙ ПРИ

СПАСИБО, ДРУГ, ЧТО ПОСЛЕДНИЙ МОЙ ПРИН
ПОСТОЯН ОДИН СРЕДИ МО
ПОЧУВСТВУИ ВЕГ МИНУТ
ТЫ ПОМНИШЬ, КАК Я ПЕТЬ
КАК РАСПИРАЛО ГРУДЬ,
ТЕПЕРЬ НИ ГОЛОСА, НИ С
ЧТОВ ГУБЫ РАЗОМКНУТ
И ВОСКРЕСАЮТ, СЛОВНО С
БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА,
И В КРИПЛАВЫ МОИ МАГ
ВЛЮБЛЯЕТСЯ СТРАНА.
Я ПЕЛ, И ГРЕЗИЛ, И ТВОРИ
Я МНОГОЕ УСПЕЛ,
КАКУЮ ЖЕНЩИНУ ЛЮБИ
КАКИХ ДРУЗЕЙ ИМЕЛ!
ПРОЩАИ, ТАГАНКА И КИ
ПРОЩАИ, ЗЕЛЕНЫЙ МИР
В МОГИЛЕ СТРАШНО И Т
ВОДА ТЕЧЕТ ИЗ ДЫР.
СПАСИБО, ДРУГ, ЧТО ПОС
ПРИНОТ ПЕЧАЛЬНЫЙ МО
ГЛЫ ЗДЕСЬ ВСЕ УЗНИКИ
А ТЫ - ОДИН ЖИВОЙ.
ЗА ВСЕ, ЧЕМ ДЫШИШЬ И
ЗУБАМИ, БРАТ, ДЕРЖИС
КОГДА УМИРЕШЬ, ТОГДА П
КАКАЯ ШТУЧКА ЖИЗНЬ
ПРОЩАИ! СЕБЯ Я ПЕРЕЖ
В КАССТЕТЕ „МАЯКА“,
И ПЕСНИ, ЧТО Д-ЛЯ ВАС
ПЕРЕЖИВУТ ВЕКА!

Лев Годованик

Тайные гастроли. Ленинградская биография Владимира Высоцкого

Предисловие

Для меня ощущение свободы наступило в конце 1986 года, когда я закончил школу и поступил в Ленинградский политехнический институт. Позади были выпускные и вступительные экзамены, а заодно все то, что к тому времени еще казалось связанным с детством. Появилось свободное время, я думал, оно никогда не кончится, и все вокруг представлялось наполненным бесчисленными сказочными перспективами.

Я занялся изучением ленинградской биографии обожаемого мною поэта Владимира Высоцкого. Теперь я понимаю: это было первое в моей жизни журналистское расследование.

Но тогда я это так не называл. Просто общался с людьми, которые когда-то лично знали моего кумира. Начал, естественно, со знакомых, знакомых знакомых и родителей однокурсников. Думаю, у большинства источников информации моя кипучая деятельность вызвала усмешку. Но в то время мне на это было абсолютно наплевать – такова особенность юношеского возраста: очень легко не замечать того, что не нравится, когда делаешь то, что хочется.

«Индивидуальная трудовая деятельность» продолжалась недолго – в еще не ставшем Петербургом Ленинграде появился клуб любителей творчества Высоцкого. По-моему, это произошло в 1988 году. Я сейчас точно не могу сказать, предполагаю лишь по названию: «Клуб 88». Помню только, что тусовка высококолюбов собиралась в актовом зале Ленинградского электротехнического института имени Бонч-Бруевича (в простонародье «Бонч») на набережной Мойки.

Я предложил создать в клубе поисковую группу. Мое предложение с восторгом приняли, но сбором фактов я занимался в основном один – за редким участием бестолковых девочек, которые пытались мне помочь, но быстро остывали – из-за непереносимости рутины (они рассчитывали на интервью со знаменитостями) и моего скверного характера. Поисковую группу я назвал независимой.

Помнится, клуб любителей творчества Высоцкого довольно быстро раскололся, потом были еще расколы, ссоры, примирения – все в лучших традициях непродуктивной тусовки, состоявшей в основном из довольно немолодых людей, которые нашли себе товарищей по хобби, но не совсем понимали, как именно формировать с ними отношения. Что поделаешь, Интернета тогда не было, следовательно, виртуальные социальные сети, располагающие к безответственному общению, отсутствовали.

Я помню двух лидеров разделившегося клуба: это Виталий Жуков и Владимир Румянцев. Одно время в соответствующих тусовках высококолюбов их действительно считали лидерами, хотя лично я не знаю, что именно полезного они сделали. Впрочем, не исключено, что на их счету неизвестные мне великие открытия.

Я сошелся с Румянцевым. Не могу сказать, чтобы он мной руководил, – но, безусловно, поддерживал. Как минимум, делился опытом и житейской мудростью – Володя лет на 20 меня старше. При необходимости поддерживал и материально. Например, он познакомил меня с фотографом-коллекционером Семеном Товгером. Этот странный человек всегда вызывал у меня ассоциации с итальянскими мафиози, но свои обязательства исполнял безупречно: я находил интересные фотографии Высоцкого, приносил их Семену Фомичу, тот делал классные копии себе и мне.

А однажды Володя Румянцев даже дал мне, по-моему, 120 рублей. Такую сумму попросил фотограф гатчинского Института ядерной физики за комплект фотографий с двух концертов Высоцкого, прошедших в этом институте. Деньги я передал в конверте, а фотограф вручил мне сразу два конверта. В одном были снимки с концертов, в другом красивая девушка – обнаженная, в разных позах. Сказал, что это его хобби, предложил купить. Я смущенно отказался, хотя снимки мне понравились.

В конце концов, я как-то отошел от тусовок высококолюбов и до 1993 года поисковой

работой занимался самостоятельно. В 1988-м я отправился служить в армию, откуда в сентябре 1989-го благополучно вернулся – спасибо первому и последнему советскому президенту Михаилу Горбачеву, решившему, что студентам в наших вооруженных силах делать нечего.

В армии со мной произошел интересный случай. Я служил в Забайкальском военном округе, вокруг гарнизона лишь сопки и степь. Там располагался военный аэродром, а рядом с ним различные объекты, в том числе котельные. В одной из них служил чеченец Рашид. Классический горец: дерзкий, сильный, прекрасно разбирающийся в оружии и в рукопашном бое. Думаю, что место в котельной он получил именно благодаря этим своим личным качествам – к таким местам стремятся многие.

Рашид пренебрег традициями кавказского гостеприимства. Когда мы с напарником-телефонистом зашли к Рашиду «на огонек» (при температуре в минус сорок это было актуально), он смотрел программу «Время», в которой как раз сообщалось о развитии вечного арабо-израильского конфликта. Узнав, что я еврей, Рашид пообещал зарезать меня, если узнает, что израильская армия одержит новую победу над его единоверцами. Это было не смешно – до первой чеченской войны оставалось около четырех лет. Но я тогда это, естественно, предположить не мог, зато хорошо помнил песню Высоцкого «Я сам с Ростова, а вообще подкидывш» – про судьбу чеченского народа. Когда зашел разговор об увлечениях, я рассказал про Высоцкого. С тех пор при каждой встрече мы с Рашидом обнимались как единоверцы.

Осенью 1989-го я возобновил свое первое журналистское расследование с удвоенным напором – так мне, во всяком случае, казалось. С членами клуба любителей Высоцкого, к тому времени окончательно между собой разругавшимися, я практически не общался.

Впрочем, с Володей Румянцевым мы еще какое-то время сотрудничали – но так, вяло. Иногда при необходимости подготовки официальных запросов он ставил мне печать «Клуба 88». А если источники информации спрашивали, какую я представляю организацию, я говорил, что возглавляю независимую поисковую группу из клуба любителей творчества Высоцкого. Название не уточнял – в то время это всех устраивало.

В 1993 году многое изменилось. Я получил диплом инженера-механика и оказался перед необходимостью поиска стабильного заработка. Как использовать для этого диплом и уже немалое к тому времени количество материалов, связанных с ленинградской биографией Высоцкого, я не знал. Единственное, что мне нравилось, – это общение с людьми и получение от них интересной информации. Я понял, что это называется журналистикой. Таким образом, Высоцкий сыграл решающую роль в моем выборе профессии. Трудно сказать, гордился бы он этим, – вряд ли. Я и сегодня не уверен, что выбор был правильным.

Как пользоваться дипломом Политеха, я не знаю до сих пор. Зато почти 20 лет в журналистике помогли мне ответить на один вопрос: кажется, теперь я знаю, как довести до массового читателя результаты моих изысканий в области ленинградской биографии Владимира Высоцкого, – перед вами целая книга.

Но до того, как вы откроете ее, хочу кое-что уточнить.

Я уверен, что эта книга будет тщательно и небеспристрастно изучена людьми, считающими себя «высоцковедами». Специально для них позволю себе акцентировать внимание на нескольких нюансах.

1. Я не считаю себя «высоцковедом». Я просто поклонник творчества Владимира Высоцкого, и мне довелось собрать довольно большой объем материалов, связанных с его ленинградской биографией. Как журналисту мне показалось интересным опубликовать то, что я собирал лично для себя, потому что мне это нравилось.

2. Эта книга исключительно документальная, но она ни в коем случае не претендует на «точку» в исследовании ленинградской биографии Владимира Высоцкого. Я опубликовал лишь те истории, которые мне показались интересными, – в моих архивах осталось еще довольно много материалов. Но и эти материалы касаются лишь тех фактов ленинградской биографии Высоцкого, на которые я в свое время набрел в ходе поисков. Я запросто мог

проскочить мимо чего-нибудь, что-нибудь не заметить. Собственно говоря, я никогда и не стремился узнать про все, что связывало Высоцкого с Ленинградом. По-моему, это и невозможно. Рискну предположить, что всего не знал даже Высоцкий. Так что я готов, чем смогу, помочь всем исследователям ленинградской биографии Высоцкого, если таковые отыщутся.

3. При написании этой книги я не придавал особого значения датам, мне казалось важным совсем другое – КАК это происходило, и КАК проявлял себя Высоцкий в тех или иных ситуациях. А точные даты и адреса, по-моему, не имеют особого значения. Впрочем, я старался не забывать об основных принципах журналистики: в определенной степени все описанные тут события имеют привязки ко времени и к пространству. Для этих целей, в частности, в конце каждой главы имеются справки. Но, повторяю, это не научный труд, а журналистский материал, для которого важна суть, а не «галочка».

4. В этой книге Высоцкий может кому-то показаться не только «хорошим». Уверяю вас, он был разным, как и все мы. А я старался честно передать те впечатления, которые остались от общавшихся с ним моих источников информации.

Успехов нам всем.

**ВНИМАНИЮ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ :**

**ВСЕМ, КТО НАЧИТАЛСЯ
ДЕТЕКТИВОВ
И ХОЧЕТ ИСПЫТАТЬ СЕБЯ В РОЛИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ!**

**ПОИСКОВАЯ ГРУППА КЛУБА «88», РАССЛЕДУЮЩАЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРЕБЫВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ**

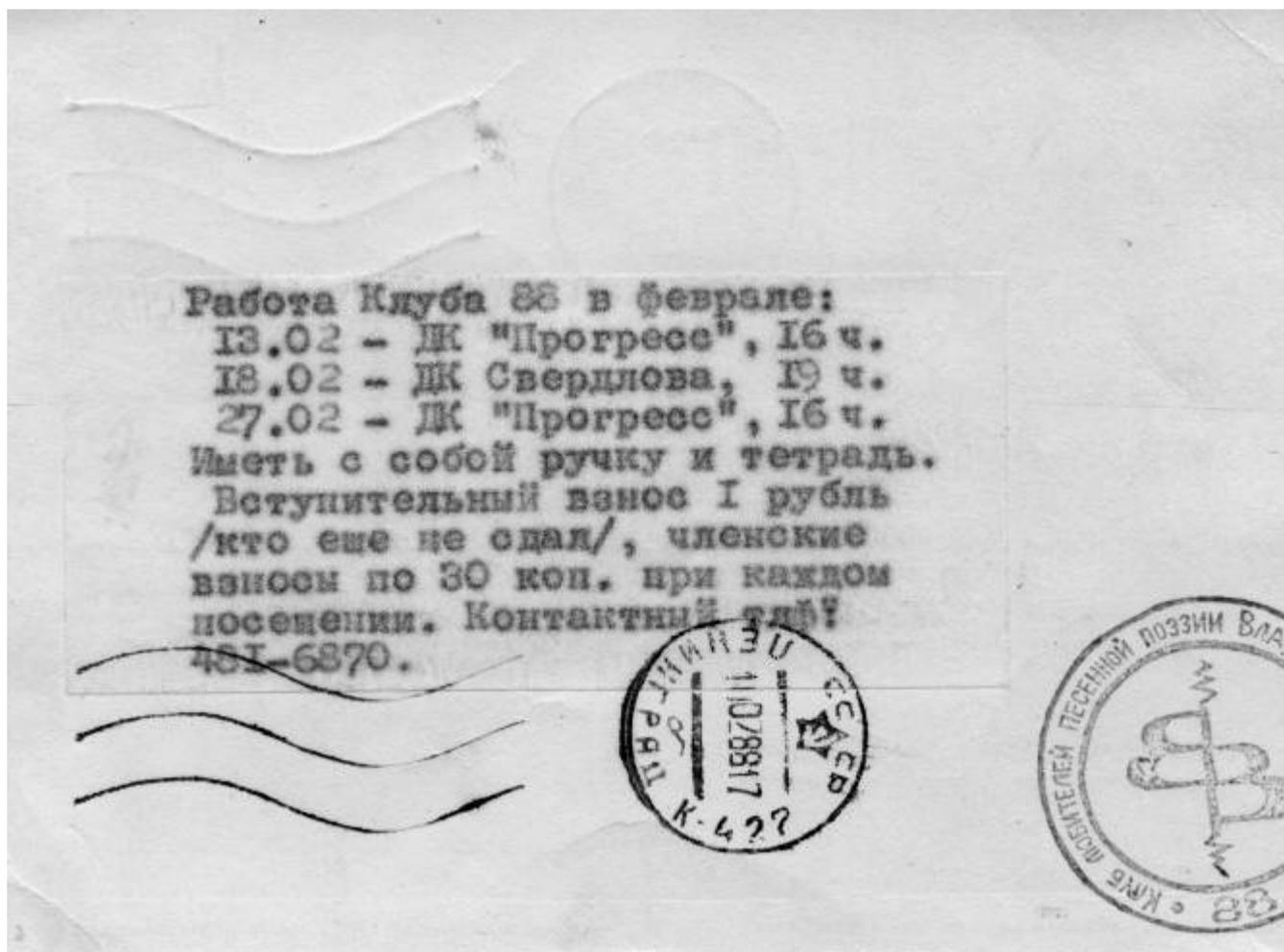
В.С. ВЫСОЦКОГО,

**ПРИГЛАШАЕТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ЭТОМ ОЧЕНЬ ВАЖНОМ ДЕЛЕ.
КОНЕЧНО, МНОГО БУДЕТ БУДНИЧНОЙ, РУТИНОЙ РАБОТЫ
В БИБЛИОТЕКАХ И ТОМУ ПОДОБНОЙ, ТАК ЧТО НАЛИЧИЕ НЕ-
КОТОРОГО СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ - ОБЯЗАТЕЛЬНО.
ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕСЬ, ТО ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛ. 555-80-90
РУКОВОДИТЕЛЮ ГРУППЫ ГОДОВАННИКУ ЛЬВУ (ЛИШЬ ВЕЧЕРОМ)
О МЕСТЕ И ДАТЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
ВЫ УЗНАЕТЕ В ХОДЕ ЭТОГО СОБЕСЕДОВАНИЯ.**

ДОБРА ВАМ!

**ПОИСКОВАЯ ГРУППА КЛУБА «88»
ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО.**

С помощью таких объявлений я пытался найти единомышленников

Такие открытки администраторы «Клуба 88» рассылали своим членам

На этом снимке мы вместе с Рашидом (на снимке слева), который принципиально изменил свое ко мне отношение, когда узнал, что я увлекаюсь творчеством Высоцкого

№	ДАТА	КОНЦЕРТ	№	ДАТА	КОНЦЕРТ	№	ДАТА	КОНЦЕРТ
1	60-е	у Демянченко А. пр Смирнова	38	67.04.25	ЛТИ	75	72.06	НПО "Вектор"
2	60-е	ЛМЗ : клуб (2 к-та)	39	67.05.06	ВАМИ : кафе	76	72.06.16	ЛОМО
3	60-е	НИИ в р-не ЛИСИ-ЛПИ (вчл)	40	67.05.09	у Рахлина Г.М. + Зол, Сп, Черл	77	72.06.16	ВАМИ + акт. Тит
4	60-е	в Тайцах (?)	41	67.05.09	ЛТИ	78	72.06.29	ЛОМО
5	60-е	гастроли с Музыкин Ю по обл	42	67.05.27	ЛИЯФ	79	72.06.26	у Толмачева Г.П.
6	61.09	у Копеляна Е. (?)	43	67.06	Дом актёра ВТО	80	72.06.26	ЛИЯФ + Дикт.
7	64.	ЛФ : кп "Бол. руды" + Е Урбл.	44	67.06.08	ДУ на Неве	81	72.06.27	у Мурашевского В.Т. (А)
8	65.	ДК Сталлит. з-д на Неве в ВП	45	67.06-68.10	у Мазурова Ю.С.	82	72.06.30	ЛИЯФ
9	65	у *** на Неве пр (р-н ул. Фрунзе)	46	67.06.06	у Володина А., Драм. ?	83	72.02.01	оз. Лампушки (Соснов.)
10	65.04	ЛПЦ шк. 121 на 2 ^б Мурин пр.	47	67.10.03	ФТИ	84	72.02.03	у Попова Н.П. на Неве
11	65.04	ЛТИ	48	67.10.03	ДК РПП	85	72.02	ДК Кировс. (ВАМИ)
12	65.04	лекторий "Знания" на Литей. пр + Тит	49	67.10.18	НИИ ЯП (Ленинградпроект)	86	72.09.20	ЛОМО
13	65.04.20	НИИ ВПС : кафе "Молекула"	50	67.10.22	ЧНИИС + Зол, РЧ, Мезл, Эс.	87	73.	ЛФ : сз Зр "Знания з-д"
14	65.09.10	ЛВМИ	51	67.10.	ДК ПО им. Свердлова	88	73.08.30	шк. 213 на ул. Лычкова
15	65.09.10	ЛТИ	52	67.11.01	клуб з-д "Красный Выборжач"	89	73.02.06	у Толмачева Г.П.
16	65.10	у Клячкина Е. + Я. Горюхиной	53	67.12.02	ЛФ сз кч "Интервенция"	90	73.02.21	кн. клуб-магазин "Эврика"
17	66.03	ЛГУ : а.з. (2-е отд.)	54	67.12.20	ЛТИ	91	73.02.23	Вектор на Невском пр
18	67	у Свонимского, Б., композит.	55	67.12.20	ДК РПП	92	73.02.28	ДК РПП
19	67	БДТ	56	67.12.31	у Мурашевского В.Т.	93	73.03.22	НИИ Гипроциат
20	67	Дом писателя им. Маяковского	57	68.02.20	ЛТИ	94	73.03.22	ВАМИ : кафе + Р.Сав.
21	67	кафе "Светочел" на Энг. 96 + Кр. Лоск	58	68.03	ЯТИЦБП (?)	95	73.08.10	Кировск. столовая СТ-4
22	67	ЛенНИИМин на ул. А.Невск. 9 + Кр. (?)	59	68.03	НИИ ТВЧ Шуваловский двор	96	73.09	НПО "Вектор"
23	67	ЛИБТ	60	68.03.06	НИИ ЭСП	97	74.	ЛенЗНИИЭП
24	67	Текстильный инст	61	68.03.06	ДК связи Газ	98	74.	ЛенТВ кч "Моя история"
25	67	Электросила (2 к-та) (?)	62	68.03.05	у Крайновского М. на Спичк	99	74.	ЛНИРИ на Волков
26	67	ЛПЦ : а.з.	63	68.04	у Михайлова Я. на Гродовские	100	74.03.19	ДК Павловск
27	67	ЛВМИ	64	68.07.06	у Смирнова Н. на работе (?)	101	74.03.19	ДК Павловск
28	67.01.18	г. "Астория" для Кривж.	65	69.	у Володина А., Драм.	102	74.10	Дом актёра ВТО (пр)
29	67.01.18	ДК РПП + Вых.	66	69.06-09	Зимний стадион (?)	103	74.10	Завод "Кр. Октябрь" : клуб
30	67.01.18	ДК РПП кафе (возле конторы)	67	69.12.	ДК ПО им. Свердлова	104	74.10	ЛГУ (уход)
31	67.03	*** для медиков (т.к. "Результат")	68	70.06.26	у Толмачева Г.П. ("22 км")	105	74.10	ЛГУ (вечер)
32	67.03.06	ДК им. Газ	69	70.03.12	Пивбар "Пункар" (?)	106	74.10	ЛенТВ (2-я. востр) + ЮП
33	67.04	ДУЛ (?)	70	71.	у Авербаха И.	107	74.10	НИИ Гипроциат
34	67.04.15	ЛЭТИ	71	72.	ЛенЗНИИЭП	108	74.10.06	ЛЭТИ а.з. кафе
35	67.04.22	НИИ-49 : шк. 156 + Соснов	72	72.06	у Яковлева (?)	109	74.10.12	ДК Павловск
36	67.04.22	СКБ АПАМ СССР (проект ТМЗ) (?)	73	72.06	НИИ ТВЧ Шуваловский двор	110	74.10.18	ВЭМИ (а.з.) кафе
37	67.04.23	у Рахлина Г.М. + Зол, Сп.	74	72.06	шк. 52 на Боев. пр. ПС. -18	111	74.10.16	ВАМИ (а.з.)

© Лев Годованник, Валерий Басин, Владимир Румянцев

Так выглядел поисковый список концертов Высоцкого в Ленинграде, которым я пользовался в своей работе

«Хранишь — это
дело негласное
тоже...»
Ленин

Very important but we are
obliged to control it "out-der"
V. Lenin
to Armand

Распространению не подлежит!

ИНФОРМАЦИЯ ОТ "ДРУГА", или "ПОМОЙКА"

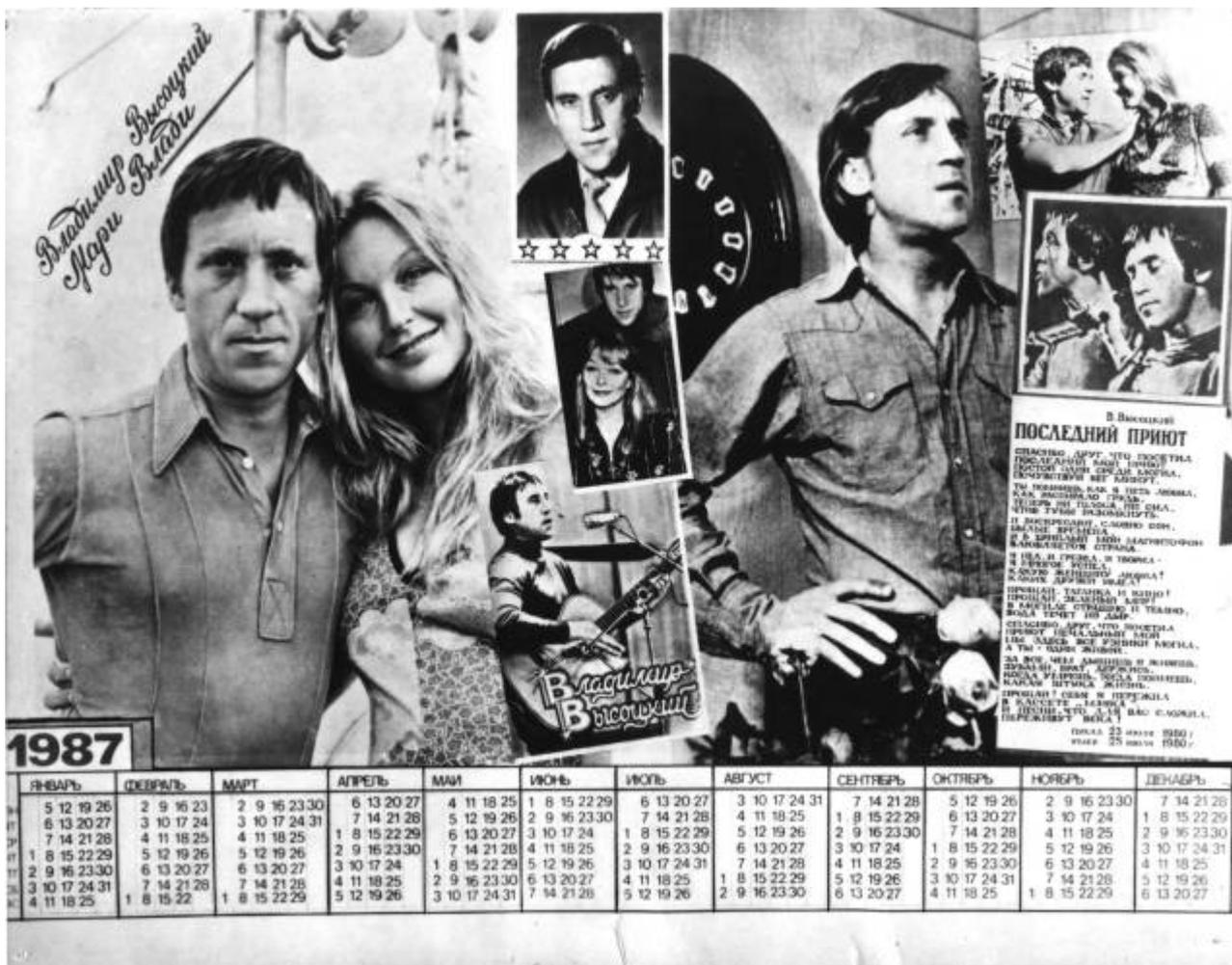
Ленинград (Третья и Александровская
1985 - ... (СЛЕДОВАТЕЛЬНО))

Под этим шифром идет неперIODическая, выходящая отдельными выпусками по мере накопления, информация от разных информантов. Основу ее составляет информация от Виталия Виторгана; его же источники указываются не всегда. Все остальные информанты оговариваются.

Нумерация двойная: внутрисерийная и через косую черту - сквозная. Каждая серия разбита на пункты /кроме первого выпуска, с.1-8/. Последующие ссылки на данный источник идут как на конкретный обобщенный пункт /типа: 25:5/, так и на конкретные строки соответствующей страницы /типа: 25.39-41/. В первом случае между цифрами ставится двоеточие, во втором - точка.

Информация печатается в двух экземплярах и в силу своей фрагментарности и тенденциозности распространению не подлежит.

А это обложка самодельного справочника, который Володя Румянцев составил сам, обобщая всю поступавшую к нему информацию про Высоцкого. Мы называли его «Помойкой»

Так выглядел один из многочисленных самодельных календариков, пользовавшихся популярностью у любителей Высоцкого в 80-х

Тайные гастроли

Высоцкий мог стать ленинградским актером 1960 год

Действительно, Высоцкий вполне мог стать ленинградцем. В 1960 году Владимир Семенович, еще будучи молодым студентом Школы-студии МХАТ, пытался устроиться в один из ленинградских театров. Главный режиссер Театра комедии Николай Акимов готов был взять его к себе, но помешало отсутствие ленинградской прописки. А на последовавшее вслед за этим предложение Ролана Быкова работать в «Ленкоме» Высоцкий почему-то ответил отказом.

Ленинградская биография Высоцкого началась с полного творческого провала. Было это в феврале 1960 года, Владимир Семенович сдал предпоследнюю сессию и во время каникул решил на рискованное мероприятие. Вместе с тремя сокурсниками – Валентином Никулиным, Романом Вильданом и Розой Савченко (двое последних – ленинградцы) – он приехал в наш город, чтобы попробовать договориться с кем-нибудь из главных режиссеров ведущих театров о возможном трудоустройстве. В то время это был весьма смелый поступок, потому как вообще-то каждый советский выпускник вуза после получения диплома должен был несколько лет отработать по так называемому распределению. Распределение – это значило, что закончившему школу-студию МХАТ ленинградцу могли предложить место актера, скажем, в новосибирском театре. Или в ереванском – разница для ленинградца не шибко существенная. Розе Савченко, например, предложили поехать в

Кемерово. Видимо предчувствуя нечто подобное, она и инициировала поездку на берега Невы.

Информацию о поездке хранили в строжайшей тайне – студийное начальство таким вещам не радовалось. Распределение весьма жестко контролировалось Министерством культуры, поэтому будущим выпускникам предстояло не только суметь понравиться руководителю какого-нибудь театра, но и убедить его прислать в студию соответствующую заявку так, чтобы это выглядело случайностью. Хочу, дескать, видеть на подмостках своего театра ваших выпускников Романа Вильдана и Розу Савченко! Такие заявки оформлялись в рамках общего распределения, главное – позаботиться о том, чтобы они были и чтобы начальство раньше времени ни о чем не узнало: в Кемерово же ехать все равно кому-нибудь придется!

Не вызывает сомнений, что заинтересованными в ленинградском трудоустройстве были именно ленинградцы Роман Вильдан и Роза Савченко. Но действительно ли привлекала москвича Высоцкого перспектива работы в одном из ленинградских театров? Роза Владимировна призналась мне, что она буквально упростила его ехать. Во время совместной учебы они хорошо сработались как партнеры, и, само собой, в паре с проверенным и привычным партнером Савченко было легче продемонстрировать свое мастерство.

– Я всячески соблазняла Володю перспективой устроиться в одном из наших ведущих театров, хотя, если честно, прекрасно понимала, что Высоцкий неотделим от Москвы, что в Ленинграде он работать не будет, – рассказывала Роза Савченко. – Просто мы дружили, и мне очень хотелось, чтобы именно он мне подыгрывал. Думаю, ему это тоже было интересно – с точки зрения самооценки: вот так вот сразу возьмут или не возьмут? Высоцкий ведь тогда еще смутно представлял свое будущее, не определился с амплуа, у него были незаурядные, но очень сложные данные, которые впоследствии оформились и развились благодаря песням, а песен в то время не было. И, наконец, не забывайте, что в Театр на Таганке Высоцкий попал только осенью 64-го, а студию мы закончили летом 60-го. Четыре года он маялся в поисках своего места...

– То есть для Высоцкого ваша поездка была скорее пробой сил, нежели попыткой трудоустройства?

– Я не могу ответить однозначно. Володя относился к нашим показам очень серьезно, но о своих планах на будущее шибко не распространялся. Поэтому все, что я вам наговорила, – мое личное мнение. В душу Высоцкому я не лезла – ни к чему мне это. Кроме того, судьба – штука коварная. Вдруг тот же Акимов принял бы Володю с таким восторгом, что он взял бы и согласился тут остаться. Вот вся дальнейшая его жизнь и сложилась бы по-другому...

Но по-другому жизнь не сложилась, потому что молодому Высоцкому не удалось тогда заинтересовать практически никого из ленинградских режиссеров. Насколько это было важно в то время для Владимира Семеновича? На такой вопрос уже никто не сможет ответить – слишком много лет прошло. Роза Владимировна, например, даже не сумела вспомнить, в каких именно сценах они с Высоцким подыгрывали друг другу, показываясь главным режиссерам ленинградских театров. Более того, теперь точно не установить, в какие театры они показывались: в 90-х годах, когда я интересовался этим вопросом, она называла один список, Роман Вильдан – другой. К тому же Роман Мечеславович утверждал, будто Высоцкий с Никулиным приезжали тогда в Ленинград, чтобы подыгрывать именно ему. То же самое, напомним, только про себя сказала Роза Владимировна. Вряд ли тут стоит говорить о банальном «перетягивании одеяла» – просто прошло слишком много времени, что-то забылось, а в чем-то оба правы: Высоцкий с Никулиным могли подыгрывать и обоим.

Но Высоцкий, в отличие от Никулина, действительно тогда активно показывался в ленинградские театры. Зачем ему это надо было, мы, по большому счету, можем лишь предполагать.

Владимир Семенович показывал сцену из своего дипломного спектакля «Преступление

и наказание» (роль Порфирия Петровича), Роза Владимировна – сцену из пьесы Лавренева «Разлом» (роль Ксении). Высоцкому подыгрывал Роман Вильдан, Савченко подыгрывали опять же Вильдан и актриса нашего ТЮЗа Елена Неверовская. Так что слова Розы Савченко о том, что она уговорила Высоцкого поехать с ней в Ленинград в качестве вспомогательного актера, вроде как бы и не выдерживают критики – как партнеры по сцене они друг другу были не нужны.

Роман Вильдан показывал тогда сцену из своего дипломного спектакля «Жених и папенька» (по произведению Чехова), Никулин играл папеньку, Высоцкий – доктора. Видимо, они показывали сцены из еще каких-то спектаклей, но – увы – время сделало свое черное дело, об этом уже никто никогда не узнает. А может, Высоцкий поехал тогда в наш город просто так – погулять, развеяться? Такое бывало и на предыдущих каникулах, он останавливался тогда (как и в этот раз) у Вильдана на 7-й Красноармейской, они вместе посещали музеи, театры и веселые компании.

Они пробовались в четыре или пять театров, среди которых, судя по всему, были ТЮЗ, Театр комедии (нынешний акимовский) и Театр имени Комиссаржевской, – и везде для Высоцкого неудачно. Мар Сулимов, например, главный режиссер «Комиссаржевки», вообще не понял, на что рассчитывает этот низкорослый малоприметный юноша. «У вас, молодой человек, голос старческий, а внешность какая-то уж совсем несолидная, – сказал он Высоцкому. – Кого ж вы играть-то будете?»

Правда, позже Мар Владимирович, по словам Розы Савченко, признался ей, что на самом деле один такой характерный актер, как Высоцкий, ему был нужен, просто место это уже занял Владимир Карасев (муж знаменитой Алисы Фрейндлих). Ныне драматург Карасев, скорее всего, так и не подозревает, что когда-то составил конкуренцию аж самому Высоцкому (за которым, впрочем, в то время никакие достижения не числились).

А в ТЮЗ, как оказалось, они пришли и вовсе зря. Вот что рассказал нам по этому поводу бывший актер этого театра, ныне профессор Академии театрального искусства Анатолий Шведерский:

– Я не присутствовал тогда при попытке устроиться в ТЮЗ Высоцкого и его друзей, но совершенно точно знаю, почему Александр Брянцев отказал, в частности, Высоцкому. Брянцев был особенным режиссером, он был одержим идеей служения детству, как он сам это называл, и требовал такой же одержимости от своих актеров. Ему достаточно было почувствовать, что в человеке нет этой черты, чтобы отказать в трудоустройстве. Думаю, Высоцкий просто не знал об этом, иначе он и не пытался бы к нам попасть. А если Брянцев видел, что приехали москвичи, чтобы устроиться в какой-нибудь любой известный ленинградский театр, например в ТЮЗ, то люди были заранее обречены на провал. А уж если бы он узнал, что они еще где-то пробуются, – ну это вообще!

Повезло только Розе Савченко, она сразу понравилась Мару Сулимову и через полгода вернулась в Ленинград с дипломом Школы-студии МХАТ уже в качестве молодой актрисы «Комиссаржевки». Роман Вильдан рассказал мне, что, в принципе, весьма благоприятное впечатление произвел тогда Высоцкий на главного режиссера Театра комедии Николая Акимова. Но сотрудничество не состоялось, потому как у Владимира Семеновича не имелось ленинградской прописки – в те времена с этим было строго. Правда, мэтр тогда якобы сказал Высоцкому: «Если будут проблемы с трудоустройством в Москве, звони, чего-нибудь придумаем». То ли Высоцкий не звонил, то ли Акимов «ничего не придумал» – о дальнейшем развитии их отношений мне неизвестно.

Другие попытки связать свою судьбу с нашим городом Высоцкий вроде бы не предпринимал. Хотя такая возможность у него была, и появилась она все в том же 1960 году как раз в связи с описанной поездкой.

Оказывается, пока наши герои безуспешно (не считая Розы Савченко) пытались устроиться актерами в ТЮЗ, Театр комедии и Театр имени Комиссаржевской, другому ленинградскому театру – Театру имени Ленинского Комсомола – срочно требовались как раз такие актеры. Тогдашний главный режиссер ленинградского «Ленкома» Ролан Быков

буквально через пару месяцев после описанных событий приехал в Москву, в Школу-студию МХАТ с интересным вопросом: «Кто из вас хочет работать в Ленинграде?» Желавших не нашлось, зато Ролану Быкову рассказали про поездку на берега Невы трех мхатовцев.

«Так шли бы ко мне!» – сказал Быков Высоцкому, Вильдану, Никулину и Савченко.

Савченко уже дала слово Мару Сулимову, а Высоцкий, Вильдан и Никулин отказались.

В общем, основной вопрос: Высоцкий ездил в 1960 году в Ленинград просто с друзьями за компанию и чтобы подыграть кому-нибудь из них или же чтобы действительно стать актером одного из ленинградских театров, – остается без ответа. Когда такая возможность представилась, он ею не воспользовался. Хотя Роман Вильдан утверждал, что Высоцкий перед поездкой говорил ему, что если Акимов или Товстоногов его возьмут, то – почему бы нет – можно перебраться и в Ленинград.

Эта глава частично опубликована в газете «Ваш тайный советник» («Высоцкий мог стать ленинградским актером», № 2 (33) от 21.01.2002).

Мы из УБХСС...

В Ленинграде Высоцкий нашел жену, первую песню и понимание милиции

Ленинградская биография Владимира Высоцкого, столь неудачно начавшись в 1960 году, на этом вовсе не закончилась.

В 1961 году он снимался на «Ленфильме» в картине «713-й просит посадку», где познакомился со своей будущей второй женой и будущей матерью своих детей Людмилой Абрамовой. Тогда же, в 1961-м, если верить самому Владимиру Семеновичу, проезжая в одном из ленинградских автобусов, он увидел на груди у стоявшего рядом с ним человека татуировку «Люба! Я тебя не забуду!», после чего написал первую в своей жизни песню под названием «Татуировка», где вместо Любы поставил для рифмы Валю. Получается, что великий Высоцкий первую свою песню написал в нашем городе!

Не исключено, что произошло это по адресу 7-я Красноармейская, дом 9, квартира 10. Там проживал в то время еще один ленинградский студент мхатовской студии Роман Вильдан, у которого Высоцкий останавливался в конце 50-х – начале 60-х, когда оказывался в нашем городе. Скептики, правда, говорят, будто дело вовсе не в автобусе, а в месте, где это было сказано. 18 января 1967 года Владимир Семенович выступал в клубе авторской песни «Восток», выступал там впервые, был очень рад, что его пригласили, а потому вполне мог попросту выдумать историю с ленинградским происхождением песни про татуировку, чтобы сделать такой своеобразный комплимент аудитории, состоявшей в основном из представителей тогдашней ленинградской интеллигенции. Вполне, кстати, может быть – ко всему, что говорят актеры на сцене, следует относиться критически.

Правда, Роман Вильдан утверждал, будто все это произошло прямо на его глазах, будто сначала Высоцкий восторженно рассказывал о поразившей его татуировке, потом написал стихотворение, потом подобрал на пианино к нему мелодию (гитары у Вильдана не было), и так вот получилась первая песня. Еще Роман Мечеславович рассказал мне, что черновик «Татуировки» много лет хранился у него дома, а несколько лет назад он передал его в музей Высоцкого. Последний факт очевиден, поэтому вполне вероятно, что первая песня Высоцкого все-таки действительно родилась в нашем городе.

1964 годом датируются и первые, в большинстве своем еще совсем нелегальные, концерты Высоцкого в нашем городе.

О так называемых подпольных концертах, которые Высоцкий проводил в Ленинграде до того, известно крайне мало и, в основном, на уровне слухов, проверить которые практически невозможно. Рассказывают, например, как оперуполномоченный 2-го отдела Управления БХСС по Ленинграду и Ленинградской области Петр Старостенко получил в то

славное время оперативную информацию про некоего московского артиста, собиравшегося провести «левый» концерт в одной из дач, расположенных на территории Карельского перешейка.

Артистом оказался Владимир Высоцкий. Его задержали у калитки и доставили на улицу Каляева – в здание Управления. Там с ним провели разъяснительную работу: мол, так и так, Владимир Семенович, ваши действия подпадают под статью 153 Уголовного кодекса РСФСР. Называется эта замечательная статья «Частнопредпринимательская деятельность» и предусматривает, кстати, наказание вплоть до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества. А вы, Владимир Семенович, человек молодой, перспективный, так что будьте любезны, следите за тем, чтобы ваш курс совпадал в дальнейшем с курсом партии и правительства.

Говорят, будто Высоцкий и оперативники расстались почти друзьями – под коньяк и первые песни будущего великого поэта.

Признаться, я не особенно верю в правдоподобность этой истории. Однако мне представляется правильным привести ее как пример устойчивых слухов, циркулировавших среди тех людей, которые интересовались творчеством Высоцкого. Обращу внимание: эти слухи дошли до меня в самом начале 90-х годов, причем с весьма приличной конкретизацией – с фамилией и именем оперативника.

Здесь, наверное, уместно привести две легенды, которые мне неоднократно доводилось слышать во время изучения ленинградской биографии Высоцкого.

Говорят, будто бы все неприятности у Высоцкого начались после его поездки на дачу к отправленному в отставку бывшему первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву, чтобы познакомиться с ним, засвидетельствовать ему свое почтение как инициатору «оттепели» и спеть несколько песен. Дескать, после этого Леонид Ильич Брежнев возненавидел Высоцкого на почве политической ревности, и будто бы с тех пор первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов стал всячески препятствовать ленинградской концертной деятельности Высоцкого.

Есть еще одна легенда: будто бы когда-то, совсем давно, главный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов выгнал из труппы театра по причине профнепригодности сына председателя КГБ СССР Юрия Андропова (тот якобы не представился)! Говорят, главный советский кагэбэшник так этому обрадовался, что после всячески поддерживал Таганку и лично Высоцкого, песни которого ему очень нравились. Вот якобы почему региональные подразделения советского КГБ и их «младшие братья» из милиции старались не замечать Высоцкого и не пытались чинить ему препятствия.

Естественно, проверять эти легенды я даже не пытался, что не мешает просто иметь их в виду – для разносторонности восприятия весьма разноплановой информации, которая касается ленинградской биографии великого поэта.

Эта глава частично опубликована в газете «Ваш тайный советник» («Высоцкий мог стать ленинградским актером», № 2 (33) от 21.01.2002).

Розе Савчен-
ко, в период,
когда мы
друг к дру-
гу снисхо-
димся
Вовка Выс

Фотография для студенческого билета. На обороте Высоцкий написал: «Розе Савченко в период, когда мы друг к другу снисно относимся. Вовка Выс». Периоды «несносных отношений» у них действительно присутствовали: творческие споры о том, как играть те или иные роли, нередко носили, мягко говоря, слишком эмоциональный характер

Гончаров «Обрыв» 1957. 30ч
Марфинька и Викентьев
(Высоцкий)

† «О чем он поет?»

Вопрос с подтекстом, кото-
рый не доходит ни до парт-
нера ни до зрителя.

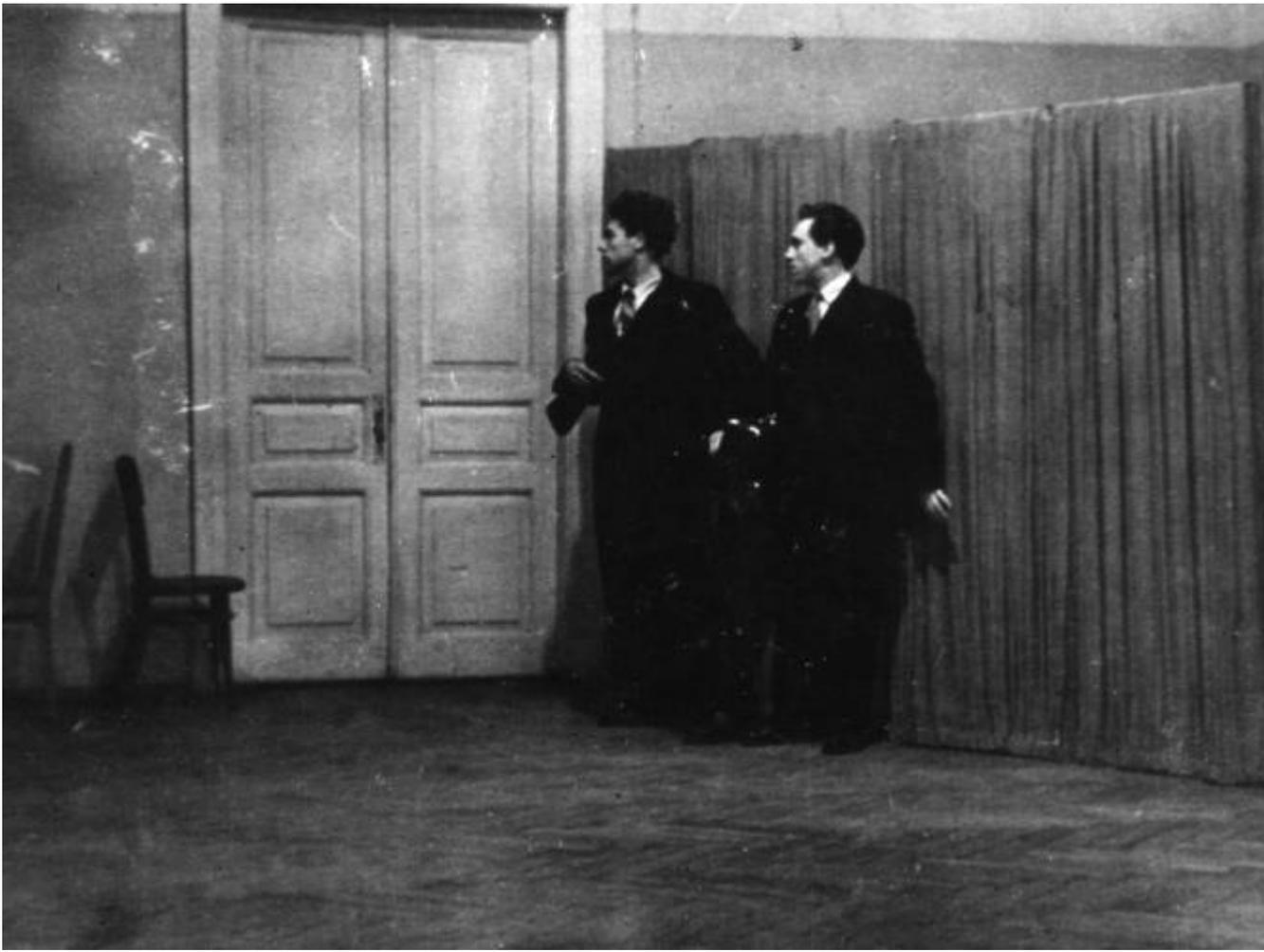
Партнер! Прости за
доставленные неприятности
и помни только хоро-
шее, что было в работе.

Высоцкий - Викентьев.

Сцена «О чем он поет?» из студенческого этюда, созданного на основании отрывка из романа Гончарова «Обрыв» (1957 год). Владимир Высоцкий (на снимке слева) в роли Викентьева, Роза Савченко (на снимке справа) в роли Марфиньки. На обороте подпись Савченко, ниже автограф Высоцкого: «Вопрос с подтекстом, который не доходит ни до партнера, ни до зрителя. Партнер! Прости за доставленные неприятности и помни только хорошее, что было в работе. Высоцкий-Викентьев»

«Нетрадиционный» снимок студенческих лет. На переднем плане Роман Вильдан, с ним Владимир Высоцкий и Роза Савченко пытались устроиться на работу в одном из ленинградских театров. Крайний справа на заднем плане – Высоцкий

Ей-бога в этом этюде не
наигрывал, даже не слы-
шал, что меня фотографи-
ровали. Поэтому фотографию
можно назвать „Высоцкий в нас-
тоящем творчестве!“

На память Розе, чтобы
она знала, что я могу
работать лучше, чем в
„Обрыве“

Студенческий этюд, в котором Высоцкий (на снимке справа) и Анатолий Иванов (на снимке слева) играли партизан, собиравшихся взорвать крупного фашистского деятеля. На обороте автограф Высоцкого: «Ей-бога, в этом этюде не наигрывал, даже не слышал, что меня фотографировали. Поэтому фотографию можно назвать „Высоцкий в настоящем творчестве!“ На память Розе, чтобы она знала, что я могу работать лучше, чем в „Обрыве“»

Справка

...

Остается добавить, что про ленинградские концерты Высоцкого на большую аудиторию до 1965 года включительно мне ничего не известно. В поисковом списке, которым я пользовался в конце 80-х – начале 90-х годов, по этому поводу тоже не сказано ничего путного.

Я думаю, что в то время если Высоцкий и выступал – то исключительно на частных квартирах в небольших компаниях.

О том, как происходили первые нелегальные концерты Высоцкого в Ленинграде, можно судить по истории, рассказанной в следующей главе. Я «набрел» на нее совершенно случайно и сейчас очень этим горжусь – она по-своему уникальна.

В обстановке глубокой конспирации

Предположительно 1964 год

Мне в свое время удалось найти женщину, присутствовавшую в 1964 году на одном из «домашних» ленинградских концертов Высоцкого. Она очень хорошо вспомнила фактические подробности, и, самое, как мне кажется, главное, ее рассказ отлично воссоздает атмосферу того времени, позволяет понять, как начиналась ленинградская биография Высоцкого. История эта интересна еще и тем, что произошла она до того, как его песни стали действительно популярны, и до того, как началась так называемая «официальная ленинградская биография» поэта, – до апреля 1965 года, когда Театр на Таганке впервые приехал на гастроли в наш город.

В 1964 году Алла Константиновна была молодой, эффектной студенткой Политехнического института, в воспитании которой самое активное участие принимала бабушка. Бабушка говорила внучке, чтобы та вышла замуж обязательно за молодого человека еврейской национальности, потому что в январе 1964-го Алла имела роман с юношей исключительно славянского происхождения – бабушке назло. Роман закончился скандалом – ухажер стал слишком обходителен с девушкой с радиофизического факультета. Бабушка торжествовала (так казалось Алле), а самой Алле в какой-то момент подумалось даже, что бабушка права. В то самое время она возвращалась из института домой, в вагоне метро к ней подошел молодой человек – как раз такой, как говорила бабушка. Очкастый, тощий и чрезвычайно изысканный. Не хотите ли, говорит, девушка, сходить со мной на концерт одного московского певца? Алла видела этого юношу впервые, но согласилась сразу – на этот раз назло предыдущему ухажеру-изменнику. А Володя (так звали нового поклонника) доверил Алле страшную тайну.

– Знаете, – сказал он ей, – об этом концерте нельзя никому рассказывать. Московский актер жутко засекречен, его преследует комитет (ну вы, Алла, сами понимаете!), поэтому о концерте – никому, адрес забудьте, а потом я провожу вас домой необычным путем – чтобы избежать слежки...

Когда Алла спросила Володю, а какая, собственно, фамилия у преследуемого артиста (она подумала, что, может быть, попадет таким образом на концерт Окуджавы), юноша сделал страшные глаза и, подозрительно близко склонившись к щеке девушки, сказал, что этого не знает даже он.

Когда они вышли из вестибюля станции метро «Парк Победы» и зашли во двор обычного многоквартирного дома, расположенного на углу Московского проспекта и улицы Фрунзе, Алла предполагала самое худшее. «Ну и пусть, – думала она. – Не убежать же теперь, когда почти пришли!» Вслух она поинтересовалась, где же тут зал, в котором будет проходить концерт. Володя удивленно посмотрел на нее: «Неужели вы думаете, Алла, что такому человеку дадут выступить на большую аудиторию? Концерт будет дома у моих друзей».

У подъезда к ним подошел высокий сутулый юноша, Володя отошел с ним от Аллы на несколько шагов, и минуты три они о чем-то таинственно шептались. «Пойдем, он уже здесь», – сказал Володя Алле, и они двинулись вверх по темной лестнице.

Маленькая прихожая была завалена одеждой, сумками и обувью. В углу на тумбе стояла перевернутая мужская шляпа, Володя сунул туда «трешку» – за двоих, как сказал он встретившей их хозяйке квартиры. Войдя в комнату, Алла попала в атмосферу мужской комнаты студенческого общежития. Женщин там практически не было, дым дешевых сигарет щипал глаза и мешал дышать, несколько парней были с гитарами, один из них пел что-то блатное хриплым голосом, между песнями все наперебой о чем-то спорили, причем, не стесняясь, использовали ненормативную лексику.

В центре компании был парень с хриплым голосом, про которого Алла в тот момент успела подумать только одно: «Не Окуджава!» Блатные песни ей не нравились, манера исполнения «гонимого» московского певца тоже, тем более что ее внимание все время переключалось на царившую в комнате атмосферу.

А атмосфера была, по словам Аллы Константиновны, что надо – именно так мы сейчас

представляем себе диссидентские тусовки того времени. Большинство молодых людей, находившихся в той квартире, периодически ее покидали – как шепотом объяснил Володя Алле, сменяли «часового» у дверей подъезда, чтобы вовремя увидеть «гэбэшную слежку». Телефон был выключен из розетки – чтобы не прослушивали. Расходились, видимо, тоже в лучших традициях конспирации – по одному и в разные стороны. Но этого Алла не видела – не выдержав атмосферы возбужденного напряжения, она попросила Володю проводить ее до метро.

Фамилию ничуть не заинтересовавшего ее московского певца Алла тогда так и не выяснила.

Потом с Володей они встречались только один раз.

– Я в нем разочаровалась, – призналась нам Алла Константиновна. – Через несколько дней после того «концерта» он позвонил мне и предложил прогуляться в Приморском парке Победы. Я согласилась. Во время прогулки Володя достал меня требованиями соблюдать строжайшую секретность в связи со всем, что было связано с обстоятельствами нашего знакомства. Еще он заставил меня выучить наизусть придуманную им историю о том, где я была в тот вечер, когда мы ходили слушать московского певца. Эту историю я должна была, по словам Володи, изложить на допросе в КГБ! А мне все это тогда казалось ребячеством. Я была далека от политики и блатных песен, я была глупой девочкой, любила цветы и комплименты!

На этом романтическое знакомство с интеллигентным очкариком Володей у Аллы закончилось. Она получила диплом инженера, устроилась работать в конструкторское бюро производственного объединения имени Свердлова, где благополучно вышла замуж за одного из своих коллег. С этим человеком она живет до сих пор, причем Алла Константиновна призналась мне, что ее муж очень ревнивый, а потому знает историю о «подпольном» концерте Высоцкого в несколько иной версии: вместо Володи, подошедшего к ней в вагоне метро, там фигурирует случайно встреченная школьная подруга.

Так что фамилию нашей собеседницы я не называю не случайно, что, впрочем, не имеет особого значения, – к сожалению, Алла Константиновна так и не смогла вспомнить адрес, по которому располагалась квартира, где проходил один из самых первых нелегальных концертов (можно ли это так назвать? Наверное, да, раз входивший в квартиру должен был сунуть в перевернутую шляпу полтора рубля) великого русского поэта. Координаты неудачливого ухажера у нее также не сохранились, поэтому теперь выяснить дополнительные подробности этого маленького фрагмента самой ранней ленинградской биографии Владимира Семеновича вряд ли возможно.

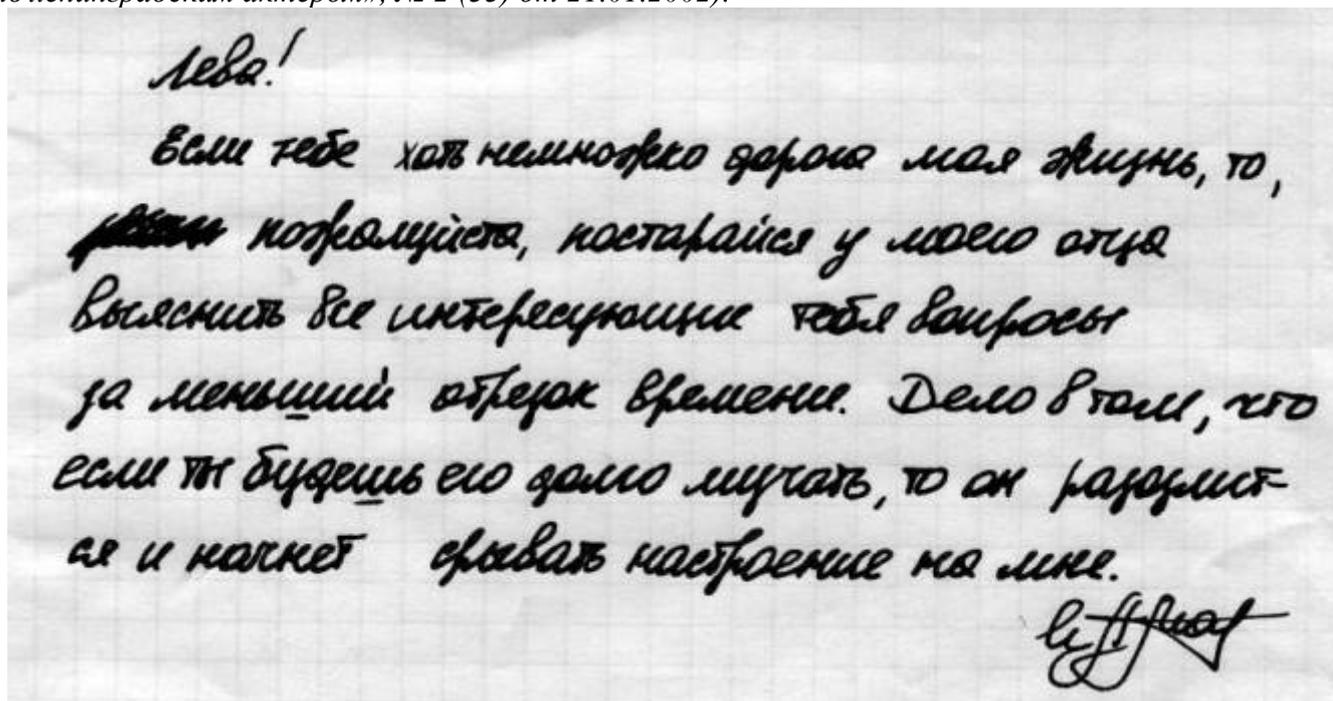
Зато атмосферу тех дней, понимание того, как это происходило, Алла Константиновна передала весьма колоритно – казалось, видимо, обостренное восприятие напуганной девушки, готовой в тот момент подозревать своего случайного знакомого в самых худших намерениях, но решившей победить страх.

Интересно, правда, каким образом наша собеседница узнала про то, что присутствовала именно на концерте Высоцкого. Это случилось в декабре 1969 года, через полтора года после того, как семейная жизнь Аллы Константиновны приобрела стабильные очертания. Как-то раз на доске объявлений Дома культуры ЛПО Свердлова (где они с мужем работали) появилась афиша с сообщением о концерте актера Театра на Таганке Владимира Высоцкого. Конечно же, Алла Константиновна и ее муж не упустили возможность своими глазами увидеть в то время уже очень известного московского автора.

Когда Высоцкий вышел на сцену, наша героиня вспомнила романтическое знакомство в метро с интеллигентным очкариком и строго законспирированный концерт в квартире одного из домов на углу Московского проспекта и улицы Фрунзе пятилетней давности.

Про концерт Владимира Высоцкого в ДК ЛПО имени Свердлова у меня также сохранились весьма любопытные воспоминания людей, которые принимали участие в его организации. Но о них – чуть позже.

Эта глава частично опубликована в газете «Ваш тайный советник» («Высоцкий мог

Эта случайно сохранившаяся записка наглядно показывает сложности, с которыми мне приходилось сталкиваться при поисковой работе. Записку написала моя политеховская однокурсница Инга, дочь Аллы Константиновны, после того как я пытался расспросить ее папу про обстоятельства знакомства с Аллой Константиновной — чтобы более точно установить дату того странного домашнего концерта Высоцкого

Справка

...

Сведения о каких-либо иных творческих проявлениях Высоцкого в Ленинграде в 1964 году у меня отсутствуют.

Также у меня мало сведений о других домашних концертах Высоцкого в Ленинграде. Среди людей, с которыми мне доводилось говорить об этом, бытовало мнение, будто Высоцкий избегал их и под разными предлогами отказывался. Не могу данное утверждение ни подтвердить, ни опровергнуть, но знаю наверняка: один раз Высоцкий точно от подобного предложения отказался.

Впрочем, сначала, как мне рассказали, он согласился, а отказ последовал после того, как Высоцкому передали условие, выдвинутое хозяйкой квартиры, где все должно было произойти: участники мероприятия, включая Высоцкого, должны были прийти со своими тапочками...

«Нинка» и «Антисемиты»

На первом публичном ленинградском концерте Высоцкий был неpolitкорректен 20 апреля 1965 года, НИИ высокомолекулярных соединений

Первый имеющий четкую дату ленинградский концерт Высоцкого на большую аудиторию произошел 20 апреля 1965 года в кафе «Молекула», располагавшемся на территории режимного НИИ высокомолекулярных соединений. Этот концерт имел одну

особенность, кардинальным образом выделяющую его, пожалуй, из всех прочих выступлений Высоцкого в Ленинграде: он спел там совершенно неполиткорректную песню «Антисемиты». Я не слышал, чтобы Высоцкий еще хоть раз исполнял ее на широкую аудиторию.

Кстати, каким-либо негативным образом на развитии ленинградской биографии поэта эта столь шокирующая для тех времен откровенность не сказалось – он продолжал успешно выступать в нашем городе, чем дальше, тем чаще. И хоть запись концерта в «Молекуле» быстренько разошлась среди любителей авторской песни того времени, что не могло не попасть в поле зрения соответствующих органов, я все равно не слышал о том, чтобы в связи с этим у кого-то возникли хоть какие-то неприятности. Речь же идет о концерте в очень закрытом заведении, в то время находившемся под весьма серьезным контролем профильных органов, в чьи функции входило обеспечение обороноспособности государства. Достаточно сказать, что на это выступление пытались проникнуть активисты ленинградского клуба самодеятельной песни «Восток», но им это не удалось – пришлось довольствоваться копией сделанной на концерте аудиозаписи. Впрочем, на дальнейших своих концертах Высоцкий, насколько мне известно, подбирал репертуар политкорректнее.

Интересно, что старейшему ленинградскому коллекционеру Николаю Курчеву концерт в «Молекуле» (он сам туда не попал, хотя сохранил в своем архиве запись) запомнился совсем другим. Его почему-то поразила насквозь блатная песня про Нинку («Сегодня я с большой охотой распоряджусь своей субботой...»). А запомнилась она Николаю Федоровичу в связи с курьезным случаем.

В его архиве хранились записки легенды советской самодеятельной песни Александра Городницкого. Николай Федорович зачитал мне под диктофон один фрагмент:

– С Высоцким мы подружились и встречались неоднократно и в Ленинграде, и в Москве. Кстати, на первой же встрече у Жени Клячкина (еще один легендарный ленинградский автор-исполнитель. – Авт.) мы договорились встретиться на завтра, чтобы посидеть и попеть друг другу новые песни – в театре в воскресенье был выходной. Однако минут через пятнадцать Володя дозвонился до какой-то Нинки и назначил ей свидание на это же самое время. «Ребята, извините, – смущенно пояснил он, – никак не могу такой случай упустить!» И, махнув рукой, сокрушенно добавил: «Ну и дела же с этой Нинкою!..»

Не могу сказать, кто тут что сочинил – Николай Курчев или Александр Городницкий, – я в данном случае просто воспроизвожу фрагмент из своего разговора с Николаем Федоровичем. Впрочем, может, действительно все так и было?

Лично меня позабавило, что у столь опытного человека, как Курчев, сохранились о первом публичном ленинградском выступлении Высоцкого именно такие воспоминания.

Справка

...

Сведений о других внятно датированных апрелем 1965 года концертах у меня нет, за исключением концерта, прошедшего в 121-й школе на 2-м Муринском проспекте, о чем я напишу позже: этот концерт интересен тем, что некоторым его организаторам Высоцкий запомнился отнюдь не с лучшей стороны.

Кроме того, в составленном в конце 80-х годов поисковым списке присутствует упоминание о выступлении Высоцкого с коллегами из Театра на Таганке в лектории общества «Знание» на Литейном проспекте в апреле 1965 года. Я слышал об этом выступлении от участвовавшего в нем театрального критика Татьяны Ланиной, которой, будучи сотрудником Агентства журналистских расследований, я чуть-чуть посодействовал в работе над замечательной книгой про актера Павла Луспекаева.

Вообще, именно 10 апреля 1965 года Высоцкий впервые приехал в Ленинград в качестве актера Театра на Таганке – это были первые ленинградские гастроли театра. Тогда началась, если можно так выразиться, «официальная» ленинградская биография поэта:

Высоцкий во время гастролей своего театра провел первые в Ленинграде концерты с относительно большим количеством зрителей.

Первый официоз

Слухи о запретах на творчество Высоцкого в Ленинграде сильно преувеличенны 18 января 1967 года. Первый концерт в клубе самодеятельной песни «Восток» (Дом культуры работников пищевой промышленности)

В доме 10 на улице Правды на протяжении многих лет располагался Дом культуры работников пищевой промышленности. С 1961 года и до сравнительно недавнего времени там находился клуб авторской песни «Восток», который заслуженно занимает весомое и очень интересное место в ленинградской биографии Владимира Высоцкого. Достаточно сказать, что клуб «Восток» стал первым в жизни поэта официальным учреждением, руководство которого пригласило Высоцкого выступить на большую аудиторию как автора и исполнителя собственных песен. И именно в «Востоке» была произведена первая официальная видеосъемка поющего Высоцкого, которую потом миллионы советских зрителей смогли увидеть по телевизору.

Разрешить – значит контролировать

50-е годы. Чуть подлечивший раны Великой Отечественной войны Советский Союз начал проявлять интерес к искусству уже несколько шире героической поэтики советского радио. В частности, в среде ленинградской интеллигенции стал модным туризм, в том числе горный – альпинизм. Эта мода полностью соответствовала направленной на здоровый образ жизни коммунистической пропаганде, однако в «бочке меда» образовалась «ложка дегтя»: у походных костров зародилось новое направление народного творчества – авторская песня.

На первый взгляд, для власти в этом не было ничего страшного. Ну поют себе люди, и пусть поют. Однако дальновидные руководители понимали: на фоне унылого господства хорового пения, патриотического пафоса и классической музыки авторская песня способна увлечь умы миллионов, и входящая в моду магнитофонная техника этому поспособствует. А песня – штука идеологически опасная, она может направить мысли людей не только на светлое будущее, но и на кое-какие аспекты реалистичного настоящего. Никто ж не знает, что придет в голову конкретному автору, – костров-то по стране было не сосчитать, особенно после разоблачения культа личности в конце 50-х – начале 60-х, что позже назовется началом «оттепели».

Я думаю, появление в Ленинграде клуба самодеятельной песни «Восток» – это гениальный ход местного партийного руководства, направленный на предупреждение возможных последствий идеологической диверсии, в которую в любой момент могла превратиться зарождавшаяся тогда авторская песня. И, кстати, за примерами вредоносности авторской песни даже в то время идти далеко было не нужно. К заместителю директора Дома культуры работников пищевой промышленности (на базе которого разворачивался клуб «Восток») по политико-просветительской работе Валентине Войнолович (она как член руководства Дома культуры занималась клубом) как-то прибыл инструктор из обкома. Он поделился полученными сведениями о каком-то перелете Александра Галича из одного провинциального города в Москву. Якобы в самолете Галич пел песни, которые иначе как антисоветской пропагандой назвать было невозможно (кстати, у любого, даже сегодняшнего, слушателя песен Галича сомнений нет: почти все его творчество – это чистая

антисоветчина). Валентина Семеновна рассказала мне, что среагировала на рассказ инструктора с пониманием:

– Галича в «Востоке» никогда не было и не будет, – сказала она.

И сдержала свое слово.

Когда туристы поют у своих костров, а потом на кухнях городских квартир – это опасно, потому что не– подконтрольно (костров и кухонь много, за всеми не уследишь). А когда они собираются в Доме культуры, то все на виду, причем контроль над ними не обременителен для наблюдающих и не тягостен для наблюдаемых. Ведь авторы будут сами себя убеждать в ощущении «воздуха свободы»: дескать, им удалось добиться возможности встречаться и петь все, что захочется. Большинству тогда и голову не приходило, что эти «достижения» иллюзорны.

Все случилось в год космонавтики – 1961-й – когда Юрий Гагарин на космическом корабле «Восток» впервые вылетел в космос. Клуб назвали в честь корабля, но ничего другого космического в этом, бесспорно, уникальном для СССР заведении не было. Клуб начал функционировать под зорким оком партийной и комсомольской организаций, что совершенно не помешало возглавить его людям вполне творческим. Они стали приглашать в Ленинград всех мало-мальски интересных самодеятельных авторов. Таким образом, стихийное течение легализовалось и потеряло угрожающую сущность непредсказуемости. Авторская песня стала одним из разрешенных видов искусства. В определенных рамках, естественно.

Высоцкий на сцене «Востока». Фото Галины Лисютнич из архива Аллы Левитан

Известный ленинградский коллекционер, стоявший у истоков организованного зарождения самодеятельной песни в Ленинграде, Николай Курчев рассказал мне о том, что первый в Ленинграде конкурс самодеятельной песни состоялся в 1965 году благодаря увлекавшемуся этим жанром активисту ленинградского горкома ВЛКСМ некоему Артуру Веселову. Никакой, в общем, самодеятельности – все под контролем руководства! В начале 60-х в Ленинграде образовалось два клуба самодеятельной песни: «Восток» и «Меридиан». В каждом из них был свой «главный» коллекционер: в «Меридиане» – Николай Курчев, в «Востоке» – Михаил Крыжановский. При этом Курчев активно общался с руководителями обоих клубов, между которыми, кстати, существовала весьма серьезная конкуренция. В конце концов сложилось так, что «Меридиан» стал ориентироваться больше на молодежь, а «Восток» – на серьезных взрослых авторов-исполнителей. Впрочем, сегодня Курчева в «Востоке» также считают «своим».

Общение со связанными с «Востоком» людьми представлялось мне крайне интересным. Они разделялись на два типа. Одни рассказывали, как, преодолевая огромные сложности, администраторы «Востока» добивались легализации самодеятельной песни, описывали невероятные сложности в общении с партийными боссами, к чему сами часто не

имели ровным счетом никакого отношения, смаковали непонятно откуда взявшиеся подробности «пробивания» отдельных концертов и, видимо, чувствовали себя участниками первых демократических преобразований в советском искусстве и посему казались смешными. Но не буду скрывать: таких в моей практике было меньшинство.

Другие – в основном основатели клуба «Восток» – прекрасно понимали: они добивались только того, чего им позволяли добиваться партийные кураторы. Поэтому, в частности, в «Востоке» никогда не выступал Александр Галич, и поэтому в начале 1967 года в «Восток» почему-то пригласили Владимира Высоцкого. Мне представляется, что тогда он не воспринимался еще как источник потенциальной идеологической опасности. Или, наоборот, воспринимался, а потому был подвергнут попытке легализации: мол, пусть прибудет к уже «просвеченной» тусовке, легче будет контролировать. Но это, конечно, мои измышления – я не знаю, какими именно соображениями руководствовались инициаторы первого приглашения Высоцкого на большой концерт в «Востоке», который состоялся 18 января 1967 года.

Срочно требуется песня

Думаю, не ошибусь, если предположу: это было первым в жизни Высоцкого официальным приглашением от официальной организации, связанным с его увлечением – песнями. «Восток» пригласил Высоцкого не как актера Театра на Таганке и, тем более, не как киноактера, а как автора-исполнителя. Причем заметим: «Восток» того времени позиционировался исключительно как клуб туристической песни. То есть песня называлась самодеятельной, но никто не сомневался: она – туристическая. Так сложилось, что самодеятельная песня в Ленинграде начиналась у костров туристов.

Высоцкий к тому времени, надо полагать, про туристов слышал исключительно из тех же туристических песен, причем, в большей степени, ленинградского происхождения – в Москве пользовалась популярностью блатная песенная романтика. Некие общие представления о песнях у костра у него могли появиться еще и благодаря съемкам нашумевшего фильма «Вертикаль», в котором он играл и для которого написал серию замечательных вещей, прогремевших в 60-х на всю страну. Этим, я думаю, туристический кругозор Высоцкого на тот период времени исчерпывался. Кстати, снятая на Одесской киностудии в 1966 году «Вертикаль» вышла в прокат лишь в 1968 году – через год после появления Высоцкого в «Востоке».

Тем не менее совсем «не туриста» Высоцкого официально пригласили выступить в насквозь туристическом «Востоке», причем приглашение было обставлено невероятно пышно для в общем-то рядового московского актера. Например, встретить его попросили двух ведущих тогда авторов самодеятельной песни и одновременно основателей клуба «Восток» – Бориса Полоскина и Юрия Кукина. О том, как это происходило, мне рассказывал Борис Полоскин.

По его словам, «Восток» снял для Высоцкого номер люкс в «Астории» – один из самых дорогих с шикарными старинными интерьерами и с видом на Исаакиевскую площадь. Высоцкого проводили в этот номер, увидев который, он был несказанно обрадован и удивлен – говорят, даже как ребенок, попрыгал на кровати. Борис Павлович очень доступно объяснил причины столь пышного приема: руководство клуба, по его словам, уже тогда увидело в Высоцком восходящую звезду самодеятельной песни и хотело, чтобы он полюбил их клуб, приезжал в дальнейшем – в общем, чтобы стал одним из самых частых их гостей.

Наслышанные про слабости московской знаменитости Полоскин с Кукиным встречали Высоцкого во всеоружии – с бутылкой коньяка – и после знакомства с прелестями ленинградской гостиницы достали ее, откупорили и предложили отметить знакомство. Но оказалось – не вовремя. Высоцкий категорически отказался, объяснив, что он сейчас вообще не пьет – завязал в общем. По словам Бориса Полоскина, им с Кукиным пришлось выпить коньяк самим прямо там, в люксе «Астории» – жалко было ценный напиток, а оставлять

нельзя – он же откупорен.

Еще раз уточню: это происходило в середине января 1967 года – тогда не было «Места встречи изменить нельзя», не было «Гамлета», большинство песен, которые Высоцкий написал к тому времени, исследователи его творчества называют «ранним Высоцким». В Москве он смотрел снизу вверх на Булата Окуджаву и, видимо, даже мечтать не мог о таком почете, с которым столкнулся в Ленинграде. О таком ОФИЦИАЛЬНОМ почете – с шикарным номером в лучшем отеле и с приглашением выступить для тысячной аудитории.

Это случилось именно в Ленинграде – кто бы что ни говорил о господствовавшем тогда в городе тоталитарном режиме Григория Романова. Впрочем, та же Валентина Войнолович в разговорах со мной неоднократно подчеркивала, что клуб «Восток» поддерживал не горком, а обком – вышестоящая партийная инстанция. Не исключено, что за этим нюансом скрывалась какая-то неизвестная мне внутривнутрипартийная интрига.

Как исследователю ленинградской биографии Владимира Высоцкого мне этот факт представляется чрезвычайно интересным: его первый легальный концерт как автора и исполнителя песен состоялся в Ленинграде под четким руководством (и даже по инициативе) местных партийных органов!

Более того, в ленинградском клубе «Восток» была сделана первая съемка поющего Высоцкого. Не кадры из фильма, не сцена из спектакля, не кинопроба, а именно съемка Высоцкого, который поет свою песню. Речь идет о документальном фильме «Срочно требуется песня», снятом в 1967 году. Высоцкий в этом фильме поет песню «Парус» на сцене «Востока» и с вполне увесистым юмором рассказывает про свое видение отличий самодеятельной песни от эстрадной. Все любители хорошо помнят этот рассказ:

«Песни, которые мы поем, ну, самодеятельные, они в основном играют. Во всех же песнях эстрадных, которые поют, в большинстве – я не хочу хаять, огульно охаивать все, – но дело в том, что в тех песнях, когда слушаешь, не воспринимаешь абсолютно текста. Ну, например, эта песня: „Я случайно забежал за поворот“. Это же просто кошмар! Хотя у нее хорошая мелодия. Там „на тебе сошелся клином белый свет“ повторяется пять раз, а потом „мелькнул за поворотом какой-то след“ поется. И два автора текста...» – шутил тогда Владимир Семенович.

Вообще, с этим фильмом связана отдельная история, которая в том числе характеризует отношение ленинградской цензуры к творчеству раннего Высоцкого. Про создание фильма «Срочно требуется песня» мне также рассказал Борис Полоскин.

*Борис Полоскин в зрительном зале клуба «Восток», 1967 год. Фото Галины Лисютнич
из архива Аллы Левитан*

Высоцкий на третьем своем концерте в «Востоке» 20 декабря 1967 года. За столиком на сцене – та самая Наталья Смирнова-Кане, которую многие считали организатором нескольких ленинградских концертов Высоцкого. Крайний слева – известный «востоковский» коллекционер Михаил Крыжановский. Фото Галины Лисютнич из архива Аллы Левитан

По его словам, этот фильм задумывался как полнометражный (часа на полтора), и его целью было всесторонне показать развитие самодеятельной песни в СССР. Однако потом что-то изменилось, и на экраны фильм вышел, мягко говоря, с купюрами – всего на 20 минут. Из многочисленных авторов-исполнителей там остались Булат Окуджава, Борис Полоскин, Ада Якушева и Высоцкий. Фоном звучала песня Юрия Кукина. Окуджава и Полоскин спели песни на военно-патриотическую тему, Якушева – в традиционном для себя жанре женской лирики. Высоцкий спел «Парус», в котором ни лирики, ни патриотизма – сплошная квинтэссенция активной жизненной позиции и обеспокоенности происходящим. Лучше Бориса Полоскина, как мне кажется, по этому поводу никто не выразился. Он сказал, что, попав в окончательный вариант этого фильма, он выиграл самый серьезный в своей жизни конкурс. Высоцкий такого, насколько мне известно, не говорил, но он этот конкурс тоже выиграл. Без всяких, кстати, трудозатрат (я не считаю того, что, исполняя на сцене «Востока» свой «Парус», он, как обычно, полностью выкладывался).

Впрочем, мне рассказали, что довольно скоро после выхода на экраны этого фильма его режиссер Вячеслав Чаплин эмигрировал за границу, в связи с чем фильм на долгие годы был обречен пылиться в одном из кинематографических архивов. Зато сегодня его может посмотреть в Интернете любой желающий, причем выложен он там частями и полностью в очень многих местах: люди сами решили, что им нужно.

Стоит ли после этого удивляться, что ленинградская биография Высоцкого превратилась в отдельную книгу, охватывающую временной промежуток с 1960 по 1980 год (практически всю творческую жизнь поэта) и совершенно не похожую на биографические

описания его жизни, касающиеся той же Москвы?

Обратим внимание на еще один значимый факт: после первого выступления 18 января 1967 года Высоцкого продолжали приглашать в «Восток». Он выступил в клубе еще три раза: 3 октября 1967 года, 20 декабря 1967 года и 28 февраля 1973-го.

Замечу: ни одна из дат выступлений Высоцкого в «Востоке» не совпадает с периодами ленинградских гастролей Театра на Таганке. Поэтому можно предположить, что Высоцкий приезжал выступить в «Востоке» специально, а не ради побочного заработка в свободные часы между какими-то другими важными делами в Ленинграде.

Порядок на некоторых концертах в «Востоке» обеспечивали сотрудники милиции.

Известен даже курьезный случай, когда 28 февраля 1973 года во время выступления в «Востоке» Высоцкого милиционер насильно вывел из зала зрителя, который вышел в проход и стал фотографировать актера. Говорят, Владимир Семенович даже прервал пение и просил милиционера не относиться к нарушителю порядка слишком строго, но это не помогло.

Описываемые события начинали развиваться в то время, которое мы сегодня называем «оттепелью» (ориентировочно с середины 60-х по начало 70-х), и успешно развивались в то самое время, которое мы сегодня называем эпохой застоя.

Поэтому, я думаю, стоит договориться: все то, что мы привыкли слышать про гонения на Высоцкого, может быть, имело отношение к Москве, к каким-то другим городам и событиям. Но в Ленинграде он фактически делал все, что хотел, если это касалось его песенного творчества (съемки в кино и публикации – совсем другая история).

Достаточно вспомнить еще раз тот случай с «неполиткорректной» песней. 20 апреля 1965 года Высоцкий дал один из первых своих ленинградских концертов на большую аудиторию в кафе «Молекула», расположенном на территории закрытого Института высокомолекулярных соединений. На этом концерте, проходившем в настолько режимном объекте, что туда не пустили даже представителей администрации «Востока», Высоцкий спел очевидно «не советскую» песню «Антисемиты» (об этом мне стало известно от Николая Курчева). И я ни разу не слышал, чтобы у него из-за этого в дальнейшем были какие-то неприятности. Впрочем, справедливости ради стоит заметить: мне неизвестно, чтобы Высоцкий часто исполнял эту песню на широкую аудиторию даже в нашем городе.

Наверное, поэтому именно ленинградская биография поэта столь длинна и многообразна. Думаю, не ошибусь, если предположу: в нашем городе Высоцкий дал самое большое количество сольных концертов и именно благодаря нашему городу до сегодняшних дней сохранились записи многих песен Высоцкого, в свое время тиражированные на магнитофонах ленинградских коллекционеров и любителей.

Операция «Свадьба»

Интересным для отдельного исследования мне представляется вопрос о роли администраторов «Востока» в организации ленинградских концертов Высоцкого.

Есть мнение, будто большинство таких концертов организовали именно «востоковские» деятели, причем в связи с этим называется прежде всего Наталья Кане (в девичестве Смирнова). Ее муж, Михаил Кане, достаточно известен среди любителей авторской песни в связи с тем, что на протяжении многих лет он выступал вместе с легендарным Александром Городницким в качестве гитариста. Мне рассказывали, что у Натальи Владимировны сформировались достаточно доверительные отношения с Высоцким, некая взаимная симпатия, что позволяло ей договариваться с ним о многочисленных выступлениях.

Естественно, такой точки зрения придерживались те мои собеседники, которые тем или иным образом были связаны с «Востоком», – Наталья Кане являлась ключевой фигурой в этом клубе. К сожалению, сама госпожа Кане не сочла возможным найти время для обстоятельного разговора – она уделила мне около получаса всего один раз. Неудивительно, что диалог не состоялся. Поэтому мне трудно судить о том, насколько администраторы

«Востока», и Наталья Кане в частности, влияли на ленинградскую биографию Высоцкого.

Те концерты, подробности организации которых мне довелось исследовать, никакого отношения ни к «Востоку», ни к Кане не имели (за исключением четырех концертов в самом клубе «Восток», естественно, и концерта на берегу озера Лампушка 1 июля 1972 года, о котором будет сказано ниже). Не имели в том смысле, что с Высоцким о проведении этих концертов, как правило, договаривались работники соответствующих учреждений напрямую.

Но при этом я многократно сталкивался с одной интересной особенностью: на многих таких, не связанных, как мне казалось, с «Востоком», концертах присутствовали Наталья Кане, Николай Курчев, Михаил Крыжановский. Не исключено, что они узнавали о выступлениях Высоцкого от него самого и ходили туда просто из любви к его творчеству, из желания сделать очередную качественную запись. Но можно предположить, что их роль в организации таких концертов на самом деле более существенна, чем мне казалось.

В архивах Николая Курчева я, в частности, обнаружил воспоминания про несостоявшийся концерт в клубе завода «Красная Заря» 30 июня 1972 года. «Хозяева» заведения «востоковских» функционеров туда вообще не пустили в отместку за то, что те недостаточно, с их точки зрения, оперативно отреагировали на просьбу помочь им пригласить Высоцкого. Мол, мы его нашли сами, и теперь он «наш». В результате выяснилось, что нашли – но не до конца: Высоцкого прождали до 9 часов вечера, потом все разошлись. Зрителям пообещали вернуть деньги за билеты, но не очень понятно, как это сделали: из архивов Курчева следует, что билеты у посетителей отбирали при входе в зрительный зал – значит, предъявить для возврата денег было нечего.

Не исключено, конечно, что я просто не нашел информации о многих концертах, которые организовывали для Высоцкого администраторы «Востока», – все-таки поэт выступил в Ленинграде около 100 раз. Впрочем, про один концерт, организованный именно «Востоком», мне известно наверняка. Он проходил в лучших туристических традициях: с кострами на берегу озера.

Этот концерт по-своему уникален. Во-первых, я не слышал, чтобы Высоцкий еще раз устраивал выступление на свежем воздухе. Во-вторых, по иронии судьбы, звук на этом концерте обеспечивал действующий сотрудник милиции! Это был бывший работник НИИ телевидения, который к тому времени (концерт состоялся 1 июля 1972 года во время гастролей в Ленинграде Театра на Таганке) устроился на работу в ГАИ водителем мотоцикла. Милиционер по просьбе давно знакомого с ним коллекционера Николая Курчева приехал к месту проведения концерта (озеро Лампушка неподалеку от поселка Сосново в Приозерском районе Ленинградской области) на мотоцикле, который использовался в качестве источника энергии для стереосистемы (бобинный магнитофон с колонками).

При этом организовавшие концерт работники клуба «Восток» решили соблюсти все известные им правила конспирации. В частности, к месту проведения концерта съезжались небольшими группами, некоторые прибыли на место 30 июня и ночевали в палатках. А тех, кто приехал 1 июля, на перроне железнодорожной станции «Сосново» встречал человек с плакатом, на котором было написано кодовое слово «свадьба»!

Тот концерт записывали, эта запись дошла до наших дней, но качество получилось так себе – все-таки мотоцикл дает не совсем удачный фон. Зато все неплохо отдохнули: купались, загорали, ели шашлыки у костров. Высоцкий, видимо проникшись необычной обстановкой, спел на том концерте пару песен неизвестных на тот момент широкой аудитории.

А больше всех повезло случайным отдыхающим – желающие попасть на этот концерт из «востоковской» тусовки скидывались накануне по рублю.

«Хранить – это дело почетное тоже...»

Отдельно стоит сказать огромное человеческое спасибо коллекционерам Николаю

Курчеву и Михаилу Крыжановскому. Эти люди (и другие их коллеги), кто бы что про них ни говорил (к коллекционерам традиционно неоднозначное отношение), сохранили для нас и наших потомков огромное творческое наследие авторов-исполнителей того времени. Без них о существовании многих замечательных песен мы, может быть, вообще никогда бы не узнали.

При изучении ленинградской биографии Владимира Высоцкого мне неоднократно доводилось слышать разные рассказы про обоих коллекционеров – все-таки и Николай Курчев, и Михаил Крыжановский в кругах интересующихся самодеятельной песней были личностями весьма известными. Хотя бы потому, что у них всегда можно было добыть любую запись. Кроме того, этих людей частенько можно было встретить в первых рядах или в радиорубках на ленинградских концертах Высоцкого. Естественно, отзывались о коллекционерах по-разному, причем нелицеприятные отзывы предсказуемо касались, прежде всего, финансовой стороны их деятельности.

Я целенаправленно не занимался изучением этого вопроса, потому что если к ленинградской биографии Высоцкого это и имеет какое-либо отношение, то весьма опосредованное. Однако мне довелось пообщаться с обоими коллекционерами, в связи с чем готов поделиться личными впечатлениями.

Известные петербургские коллекционеры Николай Курчев (слева) и Михаил Крыжановский (справа) записывают один из концертов в «Востоке». Фото Галины Лисютнич из архива Аллы Левитан

С Николаем Курчевым мы встречались раз пять и неоднократно общались по телефону. Он произвел на меня впечатление очень открытого, искренне увлеченного самодеятельной песней человека. Про финансовую сторону его увлечения мы с ним не говорили, однако стоит привести показательный, как мне кажется, пример. По моей просьбе Николай Федорович дал мне довольно приличную пачку документов из своего архива, связанных с

ленинградскими концертами Высоцкого, чтобы я мог сделать любые выписки или полные копии (копировальной техники тогда, к сожалению, не было). При этом никакой личной выгоды с этого он не имел, а пришел я к нему «с улицы» – без всяких рекомендаций. Встретиться же с Михаилом Крыжановским мне не удалось: я предлагал, но он отказался. Михаил Викторович сказал мне по телефону, что информацию про Высоцкого он готов предоставить только сотрудникам КГБ или, в крайнем случае, серьезному, уважаемому изданию. На его вопрос о том, какое издание я представляю, я вынужден был сознаться, что у Клуба любителей Высоцкого «88» нет своего издания, и это, видимо, опустило мой статус в глазах Крыжановского «ниже плинтуса». Он выразился в том смысле, что, раз я никого не представляю, то и разговаривать со мной нечего. А жаль, откровенный разговор с этим человеком мог получиться интересным.

Значимость Михаила Крыжановского, на мой взгляд, наглядно показывает один пример.

В 1987 году начался выпуск первой в России серьезной серии аудиозаписей Владимира Высоцкого (на виниловых пластинках, естественно!). Эта серия называлась «На концертах Владимира Высоцкого» и состояла из двадцати одной пластинки. Так вот, из двадцати одной пластинки четыре были изданы на основании коллекции Крыжановского.

К сожалению, продолжить общение с этими людьми теперь уже не удастся. Николай Федорович Курчев скончался 4 июня 2006 года, чуть-чуть не дожив до своего 96-летия. Михаил Викторович Крыжановский погиб 7 января 1994 года. Он сгорел во время пожара, видимо, вместе с частью своей коллекции.

Мне такая смерть кажется символичной.

Хотя, еще раз повторяюсь: этот человек внес огромный вклад в сохранение наследия авторской песни в нашей стране.

Безусловно, в Ленинграде и, тем более, в Москве были тогда и другие коллекционеры, благодаря которым до нас дошли, в том числе, и песни Высоцкого. Но так сложилось, что чаще всего в поле моего зрения при исследовании ленинградской биографии Высоцкого попадали именно Курчев и Крыжановский. О других мне сказать попросту нечего.

Справка

...

Концерты Высоцкого в клубе самодеятельной песни «Восток» прошли:

- 18 января 1967 года;
- 3 октября 1967 года;
- 20 декабря 1967 года;
- 28 февраля 1973 года.

В этот же хронологический ряд я включил бы концерт у озера Лампушка 1 июля 1972 года, который также организовали активисты «Востока».

«Куда мне бежать от шагов моего Божества...»

Или как Высоцкий не стал автором фильма

В 1967 году в Ленинграде случился самый невероятный, с моей точки зрения, случай, связанный с творческой биографией Владимира Высоцкого. Знаменитый советский драматург Александр Володин отказался написать сценарий по идее Высоцкого, мотивируя это тем, что его смутила популярность поэта. При этом Володин попросил Высоцкого не мешать своим пением его сыну готовиться к экзаменам.

Как говорится: хотите – верьте, не хотите – как хотите.

Женщина звонит по телефону мужчине и заводит с ним разговор на интересную тему. Разговор увлекает обоих, женщина перезванивает еще и еще, мужчина заочно в нее влюбляется, просит о встрече, но женщина не соглашается. Она снова звонит, они снова увлекаются беседой, он снова просит встретиться, она снова отказывается. И вдруг мужчина, благодаря какой-то случайности, узнает, что его таинственная собеседница сидит за соседним столом в заведении, где, оказывается, они вместе работают. Она давно влюблена в него, но он не подозревает об этом и на работе вообще ее не замечает... Такую идею, по словам Александра Володина (буду называть его так, хотя на самом деле Володин – это псевдоним, а настоящая фамилия драматурга Лифшиц), Высоцкий принес ему в мае 1967 года. С ним был некий молодой человек, представившийся режиссером, они вдвоем убеждали драматурга написать по этой идее сценарий, чтобы потом появился фильм «для двух актеров» – мужчины и женщины. Во время нашей встречи в 1991 году Александр Володин считал, будто речь шла о Высоцком и Марине Влади.

Правда, из знаменитой книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» следует, что они познакомились только в начале 1968 года. Но Александр Моисеевич был убежден: события развивались в мае 1967-го. Такого же мнения придерживалась и жена драматурга, Фрида Шалимовна. Привязку к дате они вполне правдоподобно замотивировали: их сын несколько недель спустя женился, а в тот момент, когда развивались события, готовился к экзаменам весенней сессии дома у родителей. Рискну предположить, что словосочетание «Марина Влади» появилось в этой истории намного позже, когда в умах большинства Высоцкий стал прочно ассоциироваться именно с этой женщиной. А сюжет, с которым он пришел к Александру Володину, был просто романтическим – про мужчину и женщину. Впрочем, для данной истории вопрос о том, в каком году она произошла и какую женщину имел в виду Высоцкий, – исключительно третьестепенный.

Александр Володин отказался писать такой сценарий. Мне он объяснил это двумя причинами.

Во-первых, по словам Александра Моисеевича, очень похожий сценарий к тому времени уже якобы был написан неким азербайджанским автором. Более того, якобы сценарий этот появился не просто так, а по мотивам изданной книги.

Вторую причину Володин обозначил самокритично: «Моя собственная глупость». Драматург рассказал мне, будто не мог себе представить, что будет писать сценарий для «самого» Высоцкого!

– Для меня это была недостижимая величина, и я не мог представить, что напишу не хуже, чем он хочет, чем он может сыграть, – сказал мне Александр Моисеевич.

Хочу обратить внимание: об этом сказал человек, который официально считался одним из брендов советского кинематографа, – достаточно вспомнить фильм «Осенний марафон», снятый по его сценарию, написанному на основе его же пьесы. Впрочем, Александр Моисеевич был человеком сложным и, как мне показалось, эмоционально неустойчивым. Например, во время одной из наших встреч он сказал, что единственное его желание – поскорее умереть. Это было, когда я как-то приехал к нему домой сравнительно рано утром. Александр Моисеевич признался мне, что по утрам он вообще плохо себя чувствует – не в физическом смысле, а в плане настроения. Поэтому он обычно, проснувшись, выпивает и садится писать. Так, по его словам, появились «Записки нетрезвого человека» – весьма, кстати, известный сборник.

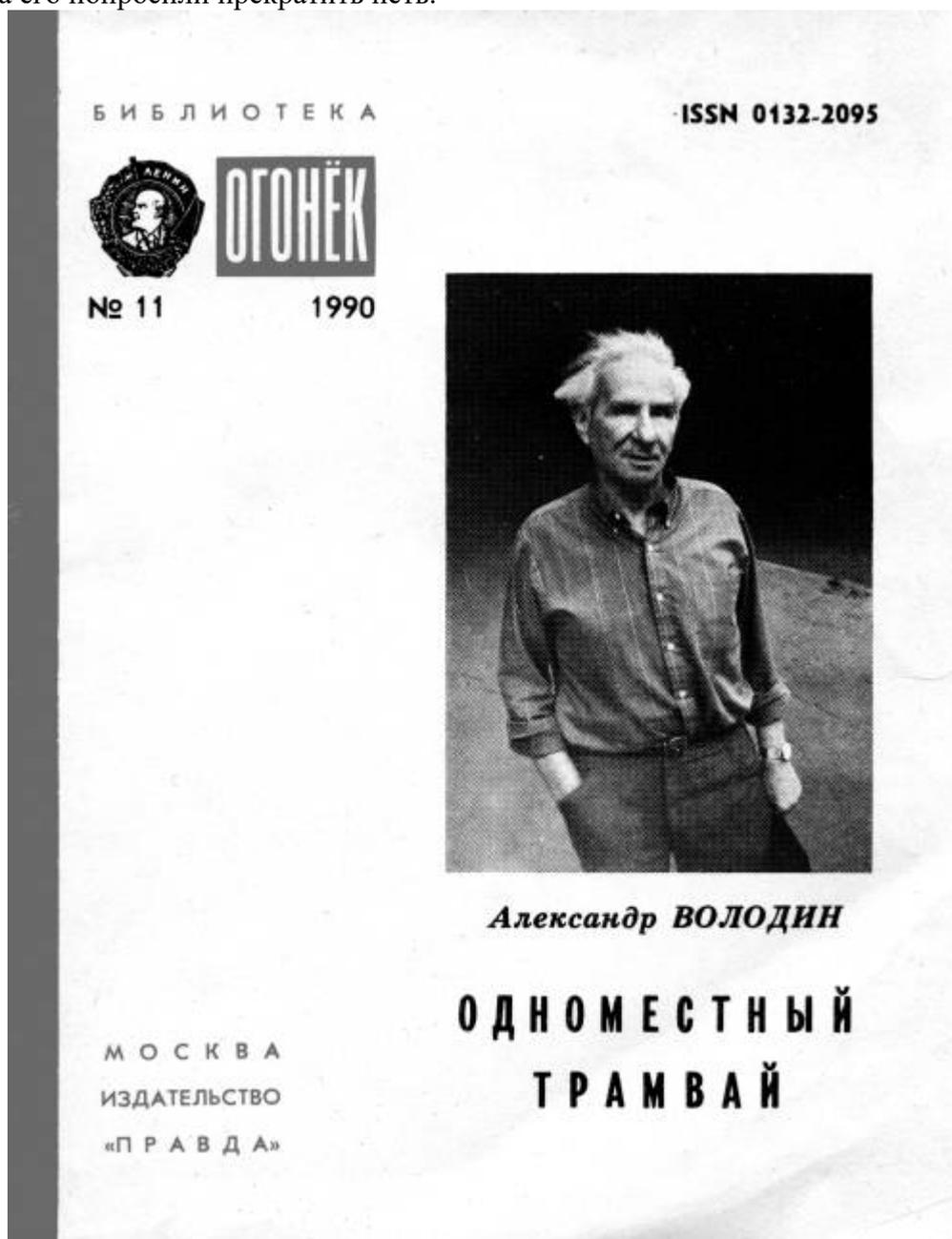
В одной из вещей этого сборника он написал: «Беда в том, что я, когда чуточку не выпью, не человек. То есть вялый, скованный, малоинтересный. Если же немного приму, то становлюсь раскованный, с чувством юмора и любовью к рядом сидящей женщине...» Думаю, такой была кухня его творчества. Если бы я не знал, что это Александр Володин, то решил бы, что такие строки написал среднестатистический больной алкоголизмом...

По словам драматурга, Высоцкий долго его уговаривал и даже сказал, что готов петь сколько угодно – лишь бы согласился.

Дальше события, как следует со слов Володина, развивались самым необычным

образом. Как раз в тот момент в одной из комнат квартиры, где жили тогда Володины, сын Александра Моисеевича вместе с друзьями готовились к экзаменам – они заканчивали 4-й курс университета. Драматург рассказал мне, как он предложил Высоцкому спеть не для него, а для ребят, которым это будет очень приятно. Высоцкому удалось спеть только четыре песни, после чего Володин попросил его прекратить пение, чтобы не мешать молодежи готовиться к экзамену. Правда, мне Александр Володин сказал, будто эта просьба была связана не с необходимостью срочной учебы, а с чувством неловкости, которое он испытывал перед Высоцким из-за того, что тот поет, а он, Володин, все равно не сможет выполнить его просьбу.

Рискну предположить: это единственный в ленинградской биографии Высоцкого случай, когда его попросили прекратить петь.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Издается с января 1925 года

Александр ВОЛОДИН

ОДНОМЕСТНЫЙ ТРАМВАЙ

ЗАПИСКИ НЕСЕРЬЕЗНОГО ЧЕЛОВЕКА

Лёва!
Вы редкий человек,
это чувствуется с первого
взгляда.
Володин

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Эта тоненькая книжка с автографом Александра Володина осталась мне на память о нашей встрече

Кстати, до общения с Александром Володиным мне довелось поговорить с его супругой, Фридой Шалимовной. Она данный эпизод тоже вспомнила, но рассказала о нем с подчеркнутым равнодушием: мол, Высоцкий действительно приходил, действительно просил написать сценарий, но муж отказал, потому что такой сценарий уже имелся. «Пение для студентов» женщина трактовала тоже приземленнее: мол, Высоцкий привык, что за свои песни мог получить все, что угодно, – вот и пел... В общем, нельзя исключать, что про вторую причину (чувство неловкости из-за «величия» Высоцкого) Александр Володин сказал мне из дипломатических соображений. В 1991 году, когда мы с ним встречались, рассказывать о Высоцком не восторженно считалось неуместным. Опять же, в 1967-м Высоцкий еще не пользовался той грандиозной популярностью, как, например, в 70-х.

Интересно, что Володин утверждал, будто та встреча вообще была первой его встречей с Высоцким – якобы раньше они знакомы не были, а Владимир Семенович позвонил, воспользовавшись оказией, – как раз в те дни Театр на Таганке гастролитировал в Ленинграде.

Такое, в общем, вышло неожиданное знакомство.

Кстати, Высоцкий никакого зла после этого на Володина, судя по всему, не держал.

Уже несколько лет спустя, когда Александр Моисеевич проживал в Москве и встретил его после одного из спектаклей в Театре на Таганке, тот предложил подвезти его до дома. Драматург в 1991 году с содроганием рассказал мне, как Высоцкий лет 15 назад отвез его домой «с бешеной скоростью».

* * *

Совершенно неожиданно мы встретились с Александром Володиным в марте 2000 года. Он обратился в Агентство журналистских расследований в связи с очень неприятной историей, в центре которой случайно оказался.

Как писала потом газета «Ваш тайный советник» (издавалась АЖУРом), Володин покупал в железнодорожных кассах на канале Грибоедова билет на поезд в Москву, где ему должны были вручить очередную премию. Когда он вышел из здания касс, к нему подошел человек, назвавшийся представителем японской фирмы «Таймсет», и предложил принять участие в розыгрыше призов. Александр Володин согласился и тут же «выиграл» главный приз – телевизор. Далее все развивалось по известной схеме: тут же нашлись еще несколько претендентов на приз, всем было предложено делать денежные взносы. В итоге «лохотронщики» на такси отвезли Александра Володина к нему домой на Петроградскую сторону, где он взял около пятидесяти трех тысяч рублей (как уверяли близкие драматурга, это была часть премии, полученной им на днях) и отдал их мошенникам, которые тут же скрылись с деньгами.

С тех пор мы с Александром Моисеевичем не общались, а в 2001 году его не стало. Но в моей библиотеке до сих пор хранится маленькая книжка, выпущенная издательством ЦК КПСС «Правда», в которой опубликованы записки Александра Володина под названием «Одноместный трамвай» с его автографом. Этот сборник вышел в 1990 году с политкорректным подзаголовком «Записки несерьезного человека». Хотя Александру Моисеевичу хотелось, чтобы название было первоначальным – «Записки нетрезвого человека».

Справка

...

«Высоцковеды» назвали бы происшедшее «домашним концертом Высоцкого», но у меня язык не поворачивается прицепить к данному событию такое название. По-моему, рассказанная Александром Володиным история вообще имеет чисто случайное отношение к ленинградской биографии Высоцкого – просто так сложилось, что Володин подвернулся Высоцкому именно в Ленинграде. Ни к чему хорошему это, как мы видим, не привело.

Были о небылицах

И о пользе наводнения 18 октября 1967 года, НИИ «Ленгидропроект»

Концерт Владимира Высоцкого в НИИ «Ленгидропроект» имени Жука (институт располагался и располагается на проспекте Испытателей) 18 октября 1967 года, пожалуй, можно считать абсолютным лидером по количеству небылиц, связанных с конкретным эпизодом ленинградской биографии Высоцкого. Небылицы эти имели ярко выраженную политическую направленность, которую я бы обозначил незамысловато: «Да здравствует Высоцкий, долой КПСС!»

Первая небылица

Например, один из бывших сотрудников института приглушенным голосом (мы разговаривали в 1988 году) рассказал, как тогдашнее начальство демонстративно ушло с концерта: мол, мы эту антисоветчину слушать не желаем.

Когда я рассказывал об этом кому-то из знакомых, люди реагировали предсказуемо: дескать, сам знаешь, какие времена были, – в общем, почему бы и нет? Почему бы руководству советского НИИ не продемонстрировать перед своими подчиненными такую вот форму сознательности?

Мне представляется, что это – классический пример того, как бодро произрастают лжеинформационные зерна при попадании на благоприятную почву. В 80-х годах люди видели Высоцкого именно таким – гонимым «начальством». А уж если «начальство» по какой-то причине не могло его выгнать (не успело, например, проявив тем самым идеологическую медлительность), то оно обязательно должно таким вот образом самовыразиться. Скажем, демонстративно уйти из зала во время концерта.

Отчего я так уверен, что на концерте в «Ленгидропроекте» этого не произошло (по моим сведениям, в Ленинграде вообще никогда ничего подобного не происходило)? Все очень просто: я беседовал со многими очевидцами тех событий, в том числе с бывшим секретарем комсомольской организации института Владимиром Докукиным. Он рассказал мне о том, как организовывался этот концерт, – вопрос решался на уровне Куйбышевского райкома ВЛКСМ, по заданию которого Владимир Александрович встречал Высоцкого и вообще занимался организацией концерта. Крайне сомнительно, что тогдашнее институтское начальство демонстративно покинуло зал во время санкционированного концерта.

Кроме того, рассказавший про это человек в конце концов признался, что сам он на концерте не был, а про якобы имевший место демарш начальства узнал с чьих-то слов. Свой рассказ он интонационно окрасил искренним возмущением, разоблачать его я не стал.

Вторая небылица

Вторая небылица, связанная с концертом в «Ленгидропроекте», касается денег. Несколько человек убеждали меня в том, что после этого концерта Высоцкому предложили гонорар, от которого тот отказался. Люди утверждали, будто лично при этом присутствовали и слышали, как Высоцкий говорил, что, мол, не надо мне ничего, я просто очень хотел перед вами выступить.

Такая ситуация в принципе абсурдна: Высоцкий был нормальным человеком, а любой нормальный человек хочет, чтобы его труд оплачивался. Тем более что часовое сольное выступление перед большой аудиторией – труд не из легких. И тем более, что в конце 1967 года Высоцкий был уже очень востребованным и, соответственно, прекрасно знал, что концерты для него – один из самых доступных способов заработать.

Интересно, что мои очевидцы-фантазеры не скрывали: вход на концерт был платным, билет стоил 1 рубль. Интересно, куда, по их мнению, ушли деньги, собранные в тот вечер со зрителей?

К тому же мне не составило труда найти человека, который лично вручил Высоцкому конверт с деньгами, и человека, который в конверт эти деньги положил. За выступление в НИИ «Ленгидропроект» Высоцкому заплатили 400 рублей. Весьма, кстати, приличная для 1967 года сумма, что лишний раз подчеркивает: в Ленинграде творчеством Высоцкого в то время уже очень интересовались.

Значительно позже, весной 1991 года, мне довелось встретить краткую запись про этот концерт в архивах известного среди любителей бардовской песни петербургского коллекционера и одного из основателей клуба «Восток» Николая Курчева. Николай Федорович любезно позволил мне скопировать некоторые фрагменты своего архива. В

частности, там было написано: «Высоцкий приехал в „Ленгидропроект“ по вызову „Гипроникеля“, оплатившего самолет и выступление (200 рублей), а по вызову клуба „Восток“ в тот же день не явился, так как тот больше 30–50 рублей заплатить не мог...»

Почему Николай Курчев считает, что на концерт в «Ленгидропроекте» Высоцкий приехал по просьбе сотрудников другого НИИ – «Гипроникель», я не знаю. Но все остальное, учитывая аккуратность Николая Курчева и его увлеченность авторской песней, у меня сомнений не вызывает.

Третья небылица

Третья небылица вновь из разряда «Долой КПСС!». Одна дамочка мне в красках описывала, как Высоцкого не хотели пускать в здание института некие дружинники, которые находились там для поддержания общественного порядка. Дескать, он, выражаясь современным языком, не прошел фейсконтроль – был слишком неброско одет и вообще якобы, по мнению дружинников, не мог оказаться тем человеком, которого пригласили выступить в столь солидном заведении.

Мне рассказали, как встречавшая актера сотрудница института пыталась убедить дружинников, что перед ними «тот самый» Высоцкий, те якобы не верили, ей пришлось вызывать «начальство», с появлением которого инцидент был исчерпан.

Любопытный факт, если не принимать во внимание одно обстоятельство: по словам комсомольского лидера «Ленгидропроекта» Владимира Докукина, Высоцкий приехал на концерт в сопровождении нескольких работников Куйбышевского райкома ВЛКСМ (с чьего разрешения и организовался тот концерт), о чем с встречавшим актера Докукиным договаривались заранее.

Почему я верю бывшему комсомольскому активисту и не верю женщине, рассказавшей о дружинниках? Все очень просто: на протяжении многих лет изучения ленинградской биографии Владимира Высоцкого я ни разу не сталкивался с ситуацией, чтобы Высоцкий сам приезжал к месту выступления, – всегда был кто-то, кто бы его встретил, например у «Ленфильма», и проводил до места предполагаемого выступления. Почему именно в тот вечер Высоцкий должен был изменить своим привычкам и сам искать незнакомое ему место в незнакомом городе?

Четвертая небылица

Последняя небылица касается самой обсуждаемой среди интересующихся Высоцким темы – его увлечения алкоголем. Оказывается, Высоцкий им не злоупотреблял, да и вообще, если и пил, то совсем чуть-чуть! А все сведения, этому противоречащие, – враки, предназначенные для того, чтобы его опорочить. Таково резюме большинства моих интервью с сотрудниками НИИ «Ленгидропроект» образца 1988 года. Собеседники так и говорили: вы, мол, напишите про здоровый образ жизни поэта!

Приводился и веский аргумент. Некоторое время группа сотрудников их института находилась в Красноярском крае, где принимала участие в строительстве Красноярской ГЭС. И так сложилось, что эти сотрудники проживали в одной гостинице со съемочной группой, снимавшей фильм «Хозяин тайги», в которую входил и Высоцкий. Очевидцы констатировали: легендарный поэт, как и все прочие актеры (!), не пил, а если и пил, то совсем немного, не выходя, так сказать, за рамки приличий. Хотя буфет, как мне рассказывали, был там очень даже ничего. Во всяком случае, сотрудникам «Ленгидропроекта», как мне показалось, понравился – в смысле спиртных напитков.

Кстати, «Хозяин тайги» снимался примерно через год после концерта в «Ленгидропроекте», но этот нюанс мои собеседники, естественно, подзабыли – про Высоцкого мы с ними разговаривали в 1988-м, 20 лет спустя после описываемых событий.

А Владимир Докукин после того, как я выключил диктофон, поведал подробности

неформального общения Высоцкого с комсомольскими активистами после концерта в маленькой комнате у зрительного зала. Первое и единственное, о чем попросил Владимир Семенович, – коньяк. Впрочем, выпили, судя по всему, немного – одну бутылку на четверых. Так что насчет рамок приличий – чистая правда.

Спасибо за наводнение

Огромное количество небылиц, связанных с этим концертом, с моей точки зрения, сотрудники «Ленгидропроекта» полностью компенсировали за счет собственной профессиональной деформации личности. Речь идет о дате концерта, определить которую обычно чрезвычайно сложно, потому что исследуемые мною события происходили в 60 – 70-х годах.

Обычно я с безумным упорством расспрашивал собеседников: не помнят ли они случайно, в какой день недели был тот или иной концерт, не было ли в тот день какого-нибудь праздника, может быть, памятного партсобрания (шутка) или чего-нибудь еще. Когда я добирался в своих вероятностных перечислениях до годовщины смерти любимой тещи или до дня рождения покойного прадедушки, собеседники начинали недвусмысленно коситься на часы. Но в этом случае все произошло само собой: сотрудники «Ленгидропроекта» прекрасно помнили тот день, потому что именно в тот день произошло очередное петербургское наводнение. А список всех наводнений у них, как говорится, наготове в силу профессиональной необходимости – они же гидротехники. Особенно этот нюанс запомнили женщины, которые отпрашивались с работы, чтобы посидеть с детьми, проживавшими на Васильевском острове, а потому попадавшими в группу риска.

Так я выяснил: Владимир Высоцкий выступал в НИИ «Ленгидропроект» 18 октября 1967 года. Приезд Высоцкого в Ленинград в те дни мог быть связан со съемками фильма «Интервенция» на «Ленфильме». Съемочный период картины датируется примерно с июня 1967 года по январь 1968-го.

Впрочем, теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что столь серьезное значение датам я придавал совершенно напрасно: по большому счету, они ни на что не влияли. С другой стороны, даты, конечно, помогают выстраивать реалистичную динамику развития тех далеких событий.

Справка

...

Судя по всему, в октябре 1967 года Высоцкий провел в нашем городе минимум шесть концертов (мне известно про шесть, не исключено, что их было больше). Могу предположить, что в октябре 1967 года Высоцкий оказался в Ленинграде в связи со съемками фильма «Интервенция» на киностудии «Ленфильм». Съемочный период фильма проходил с середины июня 1967 года по конец января 1968-го. При этом, судя по графику съемок, 3 октября 1967 года Высоцкий приезжал специально для выступления в клубе «Восток», а с 10 октября он уже был довольно плотно занят на съемках.

3 октября датируются сразу два концерта: первый – в Физико-техническом институте имени Иоффе, что на Политехнической, второй – в клубе «Восток» (ДК работников пищевой промышленности). Это было второе выступление Высоцкого в «Востоке».

18 октября, в день наводнения, был описанный здесь концерт в НИИ «Ленгидропроект».

22 октября датируется концерт в некоем ЦНИИС (судя по названию, закрытое военное заведение), про который мне ничего не известно. Говорят, в ЦНИИСе Высоцкий выступал вместе с коллегами из Театра на Таганке.

Октябрём 1967 года датируется первый концерт в Доме культуры Ленинградского производственного объединения имени Свердлова, однако более точная дата этого концерта

мне неизвестна.

1 ноября 1967 года Высоцкий выступал в клубе знаменитого ленинградского завода «Красный Выборжец».

Украл гитару!

6 марта 1968 года и 21 октября 1974 года, НИИ «Энергосетьпроект»

Когда я занимался сбором информации, связанной с ленинградской биографией Владимира Высоцкого, несколько раз до меня доходили странные слухи о том, будто «Высоцкий украл гитару». Как-то раз такой слух имел даже множественное число: мол, Высоцкий «крал гитары»!

Проведенное журналистское расследование показало: эти слухи – тот самый дым, которого без огня не бывает.

«Сколько слухов наши уши поражает...»

В ту эпоху всеобщего дефицита можно было поверить во всякое: ну в самом деле, купить, особенно срочно, было сложно все, в том числе музыкальный инструмент. Тем более хороший. Тем более когда этот инструмент был не просто гитарой, а именно инструментом – орудием для работы, средством труда.

И я готов был поверить, что Высоцкий взял у кого-то гитару и не вернул. Ну не в смысле украл – то есть это не «тайное хищение чужого имущества» (юридическая формулировка термина «кража» из Уголовного кодекса). А в смысле взял и забыл вернуть. Или не успел вернуть. Или просто так вышло – в общем, владелец гитары передал инструмент Высоцкому, после чего не видел ни инструмента, ни Высоцкого. Термин «украл» я при этом мысленно трансформировал под эти предположения. Я неоднократно говорил об этом тем, кто доносил до меня такие слухи, а они, смущенно улыбаясь, пожимали плечами: мол, у нас Высоцкий ничего не брал и тем более не крал. Но вот Петр Иванович... Я просил их познакомить меня с Петром Ивановичем, но знакомству все время что-то мешало. Поэтому Петр Иванович, у которого Высоцкий что-то сделал с гитарой, вследствие чего Петр Иванович этой гитары лишился, долго оставался для меня образом собирательным.

Что касается слухов о том, что «Высоцкий в Ленинграде крал гитары», – я до сих пор считаю их из области фантастики. Хотя однажды, когда я обсуждал эти слухи с одним знакомым, тот с иезуитской усмешкой подсказал: дескать, Высоцкий как человек творческий вполне мог взять у кого-нибудь гитару и не вернуть. Более того, он вполне мог поступить так несколько раз с несколькими людьми – вот и получается: «крал гитары». Состав, как говорят милиционеры, налицо...

Пошутили, в общем.

Все это происходило году в 1988-м и долго оставалось на уровне разговоров. Тогда я называл их болтовней – вокруг известных персон много всякой, порой самой невероятной мифологии, почему Высоцкий должен стать исключением? Но в конце 1990-го мне вновь довелось повстречать человека, который рассказал о том, как Высоцкий «украл гитару». От предыдущих носителей подобных сверхценных сведений этот человек отличался существенным образом: он утверждал, будто Высоцкий «украл гитару» лично у него!

Впрочем, слово «украл» он не использовал и относился к происшедшему с юмором. Однако на факте настаивал: великий Владимир Высоцкий взял у него гитару и не вернул.

«Жалко, что гитара не сохранилась, – сказал мне Владимир Алексеевич Сенькин. – Я бы воспринимал ее как музейный экспонат, как реликвию – гитара, с которой пел сам Высоцкий!»

Естественно, я постарался не упустить этого собеседника, благодаря чему узнал интереснейшую историю о том, как рождаются слухи, как они обрастают удивительными подробностями и как в конце концов становятся мифологией. Причем в странной истории про «украденную гитару» мне удалось встретить кого угодно – только не человека, пытавшегося специально ввести меня в заблуждение. Мне показалось, что все собеседники были абсолютно искренни. И, если бы я описал историю со слов каждого из них в отдельности, получилось бы именно так: Высоцкий крал гитары.

Только здравый смысл останавливает: тут не может быть множественного числа, потому что все рассказывали про одно и то же.

Первая гитара

В марте 1968 года Владимир Сенькин был секретарем комсомольской организации НИИ «Энергосетьпроект». Кто-то из равнодушных сотрудников обратился к нему с предложением пригласить выступить в институте уже достаточно известного тогда Владимира Высоцкого. Инициатива совпала по времени с его приездом на «Ленфильм», благодаря чему оказалась легко реализуемой. Кому именно принадлежит ее авторство, сейчас уже сложно вспомнить, да это и не особенно важно. Факт, что договориться с Высоцким попросили тогдашнего фотографа «Энергосетьпроекта» Галину Лисютич, которая была вхожа в круг любителей авторской песни.

Владимир Алексеевич, который рассказал мне про гитару, познакомился с Высоцким в помещении месткома. По его словам, у того, не готового к концерту, инструмента не оказалось, он спросил, не могут ли в институте помочь. Глава комсомольской организации и помог – выдал актеру гитару, которая была казенной, институтской собственностью. Высоцкий провел концерт, о котором у углубленных в проблемы электроэнергетики сотрудников института остались предсказуемо неизгладимые впечатления. А после концерта якобы извинился и попросил у Владимира Алексеевича разрешения взять гитару для следующего концерта: мол, выступление в вашем НИИ спутало все планы, из-за чего он не успеет попасть туда, где находится его гитара...

Музыкальный инструмент столичной знаменитости, естественно, дали – под обещание вернуть на днях.

Владимир Сенькин рассказал мне, что гитару, принадлежавшую «Энергосетьпроекту», он больше никогда не видел, хотя рассчитывал сохранить ее как музейный экспонат – на ней играл сам Высоцкий!

Впрочем, Владимир Алексеевич, повторим, отнесся к инциденту с гитарой с юмором – тот концерт запомнился ему совсем по другому поводу: дело было перед 8 марта, и Высоцкий, по словам бывшего комсомольского лидера, начал выступление с песни «На нейтральной полосе», посвятив ее женщинам.

Заметим, что в архиве известного ленинградского коллекционера Николая Курчева, с которым он мне любезно разрешил ознакомиться, имеется полная расшифровка аудиозаписи этого концерта. Песни «На нейтральной полосе» там нет, но концерт действительно начинается празднично: «Разрешите поздравить лучшую половину этого учреждения с наступающим праздником. Все песни, которые я буду сегодня петь, посвящаю женщинам...»

Тот концерт Высоцкий начал с «Братских могил» – к слову о метаморфозах памяти.

Но вернемся к «краденым гитарам». Наверное, эта история не стоила бы отдельного описания, когда бы не одно любопытное обстоятельство: другая бывшая сотрудница НИИ «Энергосетьпроект» Зоя Васильевна Терентьева рассказывала мне, что после следующего концерта, который Владимир Высоцкий давал в НИИ 21 октября 1974 года, она тоже дала ему гитару, судьба которой после этого также осталась туманной!

Вторая гитара

НИИ «Энергосетьпроект» располагался в доме № 111 на Невском проспекте (институт и сейчас там находится), в нескольких десятках метров от входа в здание располагается Дом культуры имени Дзержинского. Там до сих пор проводятся всякие «культурные мероприятия» для сотрудников правоохранительных органов, потому как Дом культуры этот ведомственный, некими незримыми связями связанный с руководством петербургских силовых структур. В свободное же от важных мероприятий время сцена традиционно предоставляется всевозможным творческим коллективам и отдельным актерам. Я, например, как-то побывал там на концерте Александра Розенбаума.

Так вот, в октябре 1974 года сцена ДК Дзержинского использовалась как дополнительная площадка для гастролировавшего тогда в Ленинграде Театра на Таганке. Основной же площадкой был недавно снесенный Дворец культуры имени Первой пятилетки.

Именно с географической близостью ДК Дзержинского и НИИ «Энергосетьпроект» и была связана идея второго приглашения выступить для сотрудников института. Инициатива принадлежала Зое Терентьевой. Так, во всяком случае, следует с ее собственных слов, которые никем не опровергнуты. Зоя Васильевна рассказывала мне, будто пригласить Высоцкого она решила спонтанно: в очередной раз по дороге на работу она обратила внимание на афишу у ДК Дзержинского. Потом, согласовав этот вопрос с местной комсомольской организацией (куда без нее!), в обеденный перерыв зашла в Дом культуры и попросила Высоцкого о концерте. Тот якобы сначала отказывался, потому что речь шла о практически немедленном выступлении (чуть не в тот же вечер), а у него были другие планы. Но географический фактор перевесил: по словам Зои Терентьевой, узнав, что его просят выступить в соседнем здании, Высоцкий посмотрел на часы и согласился.

При этом Зоя Васильевна четко помнила: ее визит в ДК Дзержинского и договоренность с Высоцким о выступлении были для актера неожиданными, поэтому в нужный момент гитары не оказалось. Поэтому она позвонила своей сестре, у мужа которой была гитара – семейный музыкальный инструмент, который и вручили Высоцкому. Слово «украл» Зоя Терентьева не употребляла и тоже относилась к данной истории с юмором, но некую долю абсурдности в смысловой вектор «Высоцкий крал гитары» все это, безусловно, вносит.

В данной загадочной истории доподлинно известны лишь два обстоятельства: оба раза на сцене «Энергосетьпроекта» Владимир Семенович играл с одной гитарой, а не с двумя, и оба раза из здания института он тоже выходил с одной гитарой (кстати, странно, если было бы по-другому).

Впрочем, объективная сторона вопроса позволяет предположить, что вечером 21 октября 1974 года Высоцкий мог спокойно давать частные концерты – в тот вечер «Таганка» не представляла спектакли, в которых Владимир Семенович принимал участие.

Но самое поразительное, что список претендентов на роль «жертвы кражи» Высоцким гитары после концерта в НИИ «Энергосетьпроект» Владимиром Сенькиным и Зоей Терентьевой не исчерпывается.

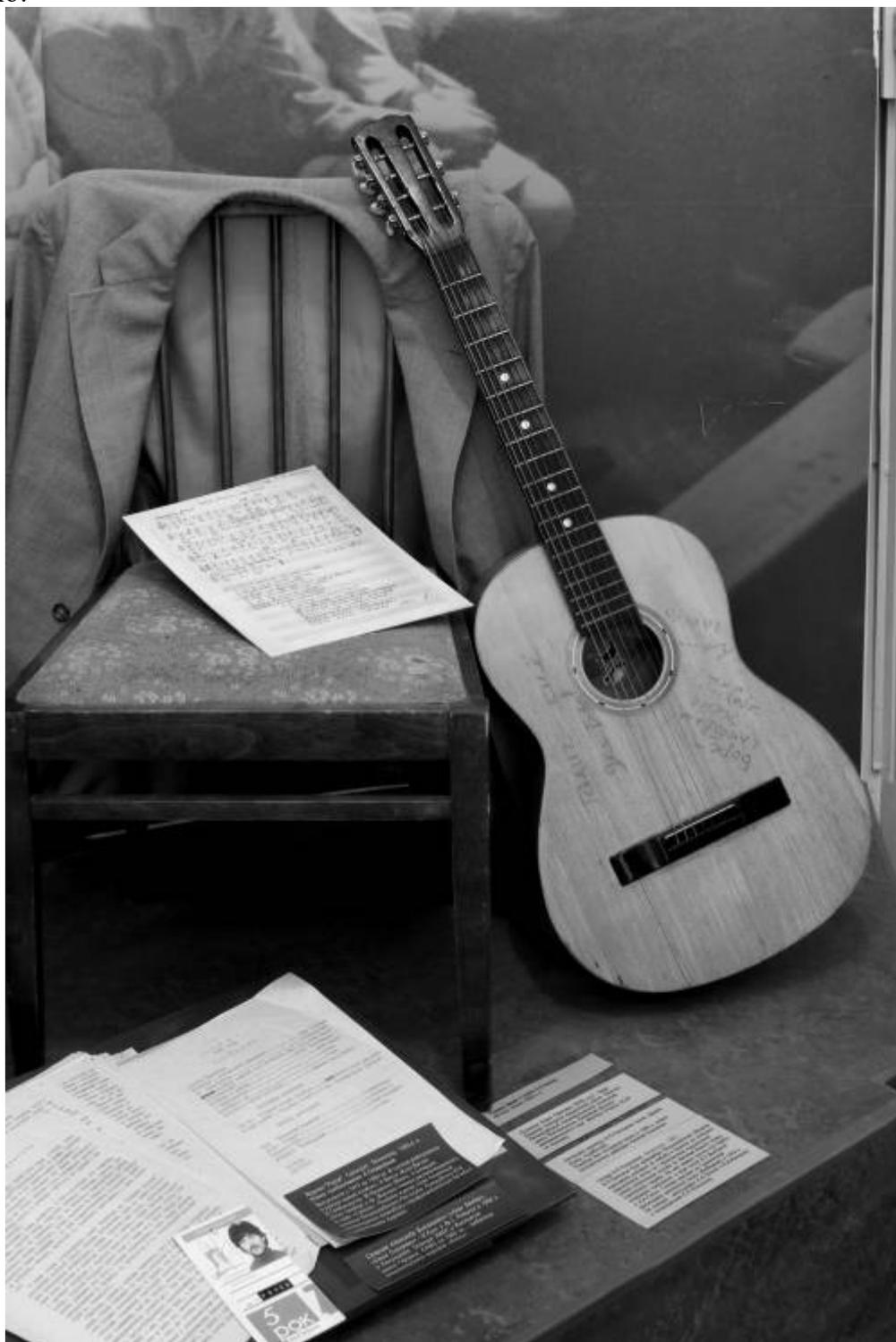
Третья гитара

Претендентом на жертву оказался бывший сотрудник «Энергосетьпроекта» Владимир Степанович Сидоркин, который рассказал мне, будто это он, а не Сенькин встретил Высоцкого в одном из помещений института перед концертом в 1968 году, и, дескать, Высоцкий признался в отсутствии музыкального инструмента, в связи с чем Владимиру Степановичу, как он мне рассказал, пришлось найти гитару.

Владимир Сенькин и Владимир Сидоркин, безусловно, рассказывают про один и тот же концерт, который состоялся 6 марта 1968 года, так что вопрос о том, сколько гитар досталось в тот день молодому Владимиру Высоцкому, так и остался открытым.

Если серьезно, то, скорее всего, в тот день Высоцкий все-таки играл на гитаре, закрепленной за комитетом комсомола «Энергосетьпроекта», которую потом забрал,

закрутился и забыл вернуть. Судя по всему, этот курьезный инцидент широко обсуждался – не из-за материальной ценности гитары, а в силу извечной тяги людей ко всему, что касается неформальной стороны жизни знаменитостей. В конце концов сотрудники института, видимо, так увлеклись этой историей, что в 1990 году, спустя 16 лет после уже второго визита Высоцкого в «Энергосетьпроект» (когда я с ними встречался), их воспоминания настолько трансформировались, что и вышло, будто Высоцкий «крал гитары» в больших количествах, причем по несколько штук сразу у разных сотрудников института одновременно!

У Бориса Полоскина сохранилась гитара с автографами Александра Галича и Евгения Клячкина. Сегодня эта гитара выставлена в Государственном музее политической истории России. Руководство музея любезно предоставило мне право опубликовать фотографии этой гитары. На спинке стула, к которому гитара прислонена, – пиджак Галича.

Фото предоставлены Музеем политической истории России

Перевязь Полоскина

Похожую «гитарную байку» в феврале 1992 года рассказал мне один из патриархов ленинградской авторской песни Борис Полоскин.

Как-то Борису Павловичу довелось побывать в Германии в составе группы творческой

молодежи Ленинграда. Там он купил себе понравившуюся ему перевязь для гитары, которую по возвращении домой надел на свой инструмент. А к гитаре Полоскин, как и многие барды, относился по-особенному, он рассказал мне про нее целую историю.

Оказывается, его гитара была куплена за 25 рублей, выделенных Борису Полоскину ленинградским горкомом комсомола. И выбрал ее с третьей попытки легендарный советский бард Евгений Клячкин. Позже на этой гитаре играл Александр Галич, когда записывался в домашней студии известного петербургского коллекционера Михаила Крыжановского. После записи Галич по просьбе Полоскина сделал на инструменте памятную надпись: «Галич: сие для Бори». Позже, в самом начале 90-х, когда Евгений Клячкин уезжал в Израиль, и он по просьбе Полоскина оставил на этой гитаре свой автограф. Так что в феврале 1991 года, когда мы встречались с Борисом Павловичем, гитара с двумя автографами безусловных брендов советской авторской песни, по его словам, хранилась у него дома.

Кстати, мне рассказывали про еще один случай, когда Высоцкий аккомпанировал себе на гитаре, которой до того пользовался Галич, – это произошло в редакции ленинградского журнала «Аврора» в октябре 1974 года. Но это совсем другая история...

Так вот, Борис Полоскин после оснащения гитары привезенной из Германии перевязью был убежден, что другого такого инструмента в Советском Союзе попросту нет. Представьте себе его удивление, когда на одном из концертов Высоцкого в клубе «Восток» (Дом культуры работников пищевой промышленности) он обнаружил, что Высоцкий аккомпанирует себе на его гитаре! То есть сначала Борис Павлович решил, что у Высоцкого откуда-то взялась гитара с такой же перевязью. Но потом он узнал некоторые другие особенности своего инструмента. Выяснилось, что Высоцкий оказался в «Востоке» без гитары, Полоскина организаторы концерта не нашли, но нашли его гитару, которую и вручили для выступления Высоцкому.

Впрочем, в данном случае все закончилось благополучно: гитара вернулась к хозяину.

Неистовый поклонник

Еще одну «гитарную» историю мне рассказал один из ленинградских приятелей Высоцкого Валентин Муравский – он подрабатывал в трюках и массовках на «Ленфильме», одно время работал рабочим сцены в Мариинском (тогда Кировском) театре и благодаря личным коммуникативным качествам вполне органично вписался в актерскую тусовку того времени. А с Высоцким он познакомился на съемках «Интервенции» – Муравский там исполнял какие-то трюки.

Видимо, в связи со съемками «Интервенции», в конце 1967 – начале 1968 года Высоцкий довольно много времени проводил в Ленинграде. Со второй половины 1968 года периодически компанию в этих поездках ему составляла Марина Влади – они как раз тогда познакомились. Во время одной из таких поездок Высоцкий и Марина собирались провести вечер у кого-то из ленинградских актеров с участием Валентина Муравского. Тот в подобных случаях выполнял, в том числе, и роль водителя – благодаря финансовой поддержке проживавшей в США сестры у него была личная «Волга» – по тем временам огромная редкость, особенно для невысокопоставленной персоны. Как назло, перед поездкой выяснилось, что у Высоцкого нет гитары. Муравский решил обратиться к своему старому приятелю Виктору Моторину, у которого – он точно знал – было даже две гитары.

Это обращение привело к совершенно неожиданным результатам, о чем Высоцкий, скорее всего, так никогда и не узнал. Но дальнейшие события позволяют увидеть одну из типичных, наверное, моделей поведения ленинградского обывателя и поклонника Высоцкого того времени.

Валентин Муравский рассказал мне, что, когда он пришел к Виктору Моторину за гитарой, то Виктор, естественно, поинтересовался: мол, зачем? – ты же не играешь. Валентин Тихонович объяснил: так и так, Высоцкий, Марина Влади, песни. Приятель среагировал предсказуемо: врешь, такого не может быть!

Виктор Моторин потом рассказал мне, что действительно не поверил Муравскому, потому что, с его точки зрения, у того и Высоцкого не могло быть ничего общего. На протяжении десяти минут один предлагал спуститься и удостовериться, что в машине ждут Высоцкий с Мариной Влади, другой отказывался, потому что не хотел стать жертвой розыгрыша. В конце концов, Виктор Сергеевич выдал приятелю самую плохую из своих гитар и выпроводил его без особо приятных напутствий. На продиктованное вежливостью предложение поехать с ними хозяин гитары ответил, как я понял, некорректным отказом.

Мне Виктор Моторин признался, что не принял приглашение в связи с тем, что в тот момент у него был не- лучший в финансовом плане период, из-за чего он не располагал соответствующей приглашению одеждой. Кстати, Виктор Сергеевич утверждает, будто события развивались вечером 31 декабря, и речь шла о предложении отметить новогоднюю ночь «под елками». Я никогда до того не слышал, чтобы Высоцкий отмечал в Ленинграде Новый год, – но ничего нельзя исключать...

Гитара, по словам Муравского, Высоцкому сразу не понравилась – актер якобы даже спросил: мол, нельзя ли было попросить инструмент получше, не такой раздолбанный. Валентин Тихонович, как я понял с его слов, стал оправдываться в том смысле, что хозяин инструмента не поверил, что это для Высоцкого, решил, что его обманывают, и разозлился. Высоцкий, когда возвращал гитару на следующий день, якобы предложил нацарапать на ней автограф. Муравский на всякий случай спросил сначала об этом Моторина, но тот категорически отказался: мол, нечего хорошую вещь портить.

А после всего этого у Виктора Моторина все-таки проснулось любопытство: вдруг Муравский говорит правду, вдруг он действительно общается с самим Высоцким? Виктор Сергеевич рассказал мне, что он потребовал доказательств. В результате Муравский предложил сходить на один из спектаклей Кировского театра «Дон Кихот» – мол, там будут Высоцкий и Марина Влади. Моторин рассказал мне, как он с большим трудом добыл билет, сел на балконе, вооружился биноклем и нашел-таки в зрительном зале интересующую его парочку. После этого он смотрел не на сцену, а на Высоцкого и в конце концов обратил внимание, что Высоцкий выходит из зала за несколько минут до конца спектакля. Моторин, видимо, решил, что настал как раз тот самый момент, когда пора активно действовать, и незаметно, как ему казалось, отправился следом. Так он узнал, что Высоцкий, как многие галантные мужчины, заранее сходил в гардероб за одеждой, чтобы Марине Влади не пришлось стоять в очереди.

Данный малопримечательный инцидент, судя по всему, активизирующим образом подействовал на воображение Виктора Сергеевича.

Валентин Муравский, например, рассказал мне, что после этого Виктор Сергеевич многократно писал Высоцкому письма, в том числе в стихах, и просил передавать их адресату. Валентин Тихонович говорит, что передавал, но ответа ни разу не было. А намного позже, летом 1972 года, Виктор Моторин, по его словам, умудрился позвонить Высоцкому по телефону в тот момент, когда тот готовился к одному из спектаклей во Дворце культуры имени Первой Пятилетки, где Театр на Таганке давал очередные гастроли. Перед этим Виктора Моторина возмутило выступление по телевизору тогдашнего главного режиссера знаменитого МХАТа Олега Ефремова. Якобы мэтр рассказывал об организации труда актеров, а у Виктора Сергеевича было другое мнение о том, как этот труд следует организовывать. Моторин рассказал мне, что он дозвонился до Высоцкого, представился тем самым человеком, на гитаре которого тот играл в новогоднюю ночь, после чего попросил передать Ефремову свое видение озвученного по телевидению вопроса.

Виктор Сергеевич без всякой обиды сказал, что сначала Высоцкий слушал объяснения, но в какой-то момент повесил трубку. Мой собеседник связал столь невежливое завершение разговора с особенностями тогдашних взаимоотношений между Высоцким и Ефремовым.

Впрочем, таким было его восприятие событий 20-летней давности – мы с Виктором Сергеевичем общались в начале 90-х. К тому времени он уже отключал домашний телефон, чтобы ему не мешали предаваться размышлениям, и много времени проводил в очередях за

дефицитным тогда дешевым спиртным.

Загадочный снимок

Фото Галины Лисютнич

Эта фотография (с. 91) – единственный обнаруженный мною артефакт тех далеких событий марта 1968 года, когда Высоцкий выступал в «Энергосетьпроекте». Причем и тут не обошлось без загадок. Снимок подарила мне автор – фотограф Галина Лисютнич. Галина Владимировна довольно известный человек среди любителей авторской песни 70 – 80-х, ее до сих пор хорошо знают в клубе «Восток». А в 1968 году Галина Лисютнич работала фотографом в НИИ «Энергосетьпроект» и уже в то время, видимо, была своей в «бардовской тусовке».

С Высоцким Галина Лисютнич познакомилась 18 января 1967 года перед его первым концертом в «Востоке». Администрация клуба, как и сама Галина Владимировна, были тогда

увлечены московским актером, в частности, она рассказала мне, как сделала для Высоцкого эксклюзивный фотомонтаж: он на сцене с бутылкой в руках, из которой вылезает джинн.

Бутылку Галина Владимировна «вставила» поэту в руку вместо гитары – говорят, получилось очень симпатично, без всяких, надо сказать, компьютерных технологий. По свидетельствам очевидцев, Высоцкому было приятно, он с удовольствием принял этот подарок в формате 24 x 30. Так Высоцкого в нашем городе поздравили с днем рождения – 25 января 1967 года ему исполнилось 29 лет.

Говорят, именно с вхожестью Галины Лисютич в «востоковскую» тусовку и связано первое появление Высоцкого в институте – тогдашний глава комсомольской организации Владимир Сенькин попросил ее договориться о выступлении, что Лисютич и сделала.

Интересно, что у самой Галины Владимировны от этого концерта остались большей частью физиологические воспоминания (про «украденные гитары» она не в курсе). По ее словам, Высоцкий был тогда сильно простужен, и у него банально «лило» из носа. Галина Владимировна рассказывала, что непосредственно перед концертом, когда зал был уже полон, а Высоцкий сморкался за кулисами, она объяснила коллегам ситуацию и попросила всех, кто может, скинуться платками – потом прошлась по рядам и собрала их целый мешок.

Выступление актера она «обеспечивала» с помощью двух мешков: из одного доставала платки и передавала их Высоцкому, в другой скидывала использованные.

Но это – лирика. Загадочным представляется другое обстоятельство: Галина Лисютич утверждает, будто этот снимок сделан 21 октября 1974 года, то есть во время второго концерта Высоцкого в «Энергосетьпроекте». Что крайне странно, потому что, во-первых, непонятно, как она оказалась на втором концерте, – если я не ошибаюсь, она к тому времени в институте не работала. А во-вторых, изображение не вызывает сомнений: на фотографии молодой Высоцкий. Это может быть 1968 годом, но не может быть 1974-м. Чтобы данное обстоятельство не вызывало сомнений, можно посмотреть на другую фотографию, где Высоцкий запечатлен на сцене в Ленинградском институте ядерной физики в Гатчине 19 октября 1974 года – за 2 дня до второго выступления в «Энергосетьпроекте». На этом снимке у Высоцкого короткая стрижка, при которой сделать такую прическу, как на снимке Галины Лисютич, было бы невозможно.

Более того, к 21 октября 1974 года Галина Лисютич и Владимир Высоцкий были в ссоре! Они разругались на съемках фильма «Плохой хороший человек» (съемочный период на киностудии «Ленфильм» датируется с августа 1972 года по февраль 1973-го). Так сложилось, что они встретились на съемочной площадке этого фильма, и Высоцкий попросил Галину Владимировну несколько раз его сфотографировать. Лисютич категорически отказалась, потому что не хотела нарушать принципы корпоративной этики: на съемочной площадке фотографировать могут только «свои» фотографы. Но Высоцкий к отказам не привык, скорее, наоборот – его буквально преследовали с просьбами пофотографироваться. В результате возник конфликт, который, видимо, сразу бы и забылся, когда бы не одно обстоятельство.

Как раз в тот день на съемочной площадке присутствовала Марина Влади, с которой Высоцкий непосредственно перед этим познакомил Галину Лисютич. И его фотограф отказалась снимать в присутствии молодой жены, к тому же являвшейся звездой кинематографа мирового уровня! Может быть, сегодня в это трудно поверить, но Высоцкий на такие вещи всегда крайне болезненно реагировал.

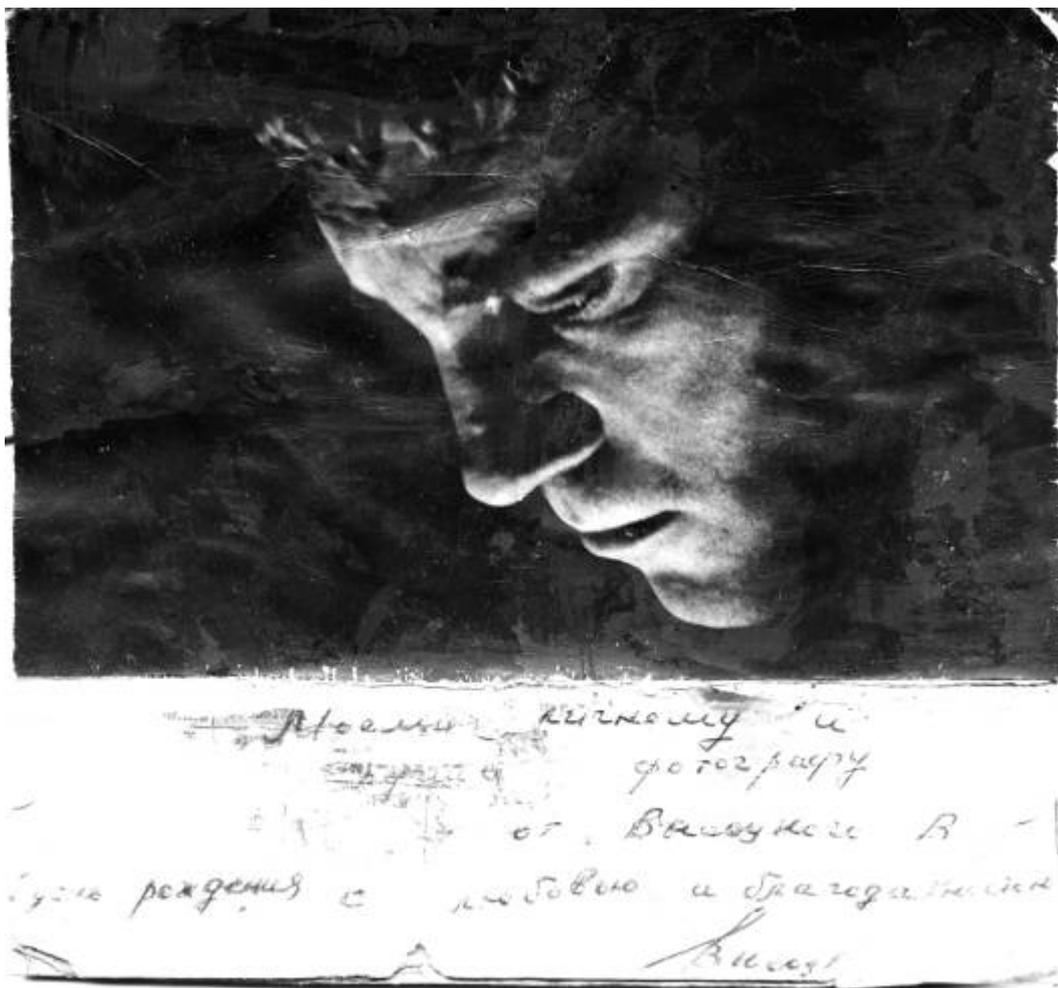
Интересно, что Галина Лисютич тогда, по ее собственным словам, на Высоцкого тоже сильно обиделась.

Так что ее утверждение о дате съемки, как говорил Глеб Жеглов, запишем в загадки. Тем более что, учитывая специфические рассказы очевидцев тех событий, уместно предположить, что в любом случае Высоцкий на этом снимке сфотографирован почти «на месте преступления» – с одной из «украденных» гитар!

Часть данной главы была опубликована в интернет-газете «Фонтанка. ру» («Высоцкий любил гитары» от 25.01.2011).

Фотограф Галина Лисютнич внесла огромный вклад в фотофиксацию целого этапа зарождения российской авторской песни. Фото из личного архива Галины Лисютнич

До ссоры Высоцкий был очень дружен с Галиной Лисютнич. Как-то он даже подарил ей на день рождения собственную фотографию с автографом: «Моему личному и лучшему фотографу Галине от Высоцкого В. в день рождения с любовью и благодарностью». Из личного архива Галины Лисютнич

Справка

...

Выступление Владимира Высоцкого в НИИ «Энергосетьпроект» 6 марта 1968 года, в отличие от многих ленинградских концертов актера, не было связано с гастролями Театра на Таганке – «Таганка» гастролеровала в Ленинграде в 1967 и 1972 годах. Если я не ошибаюсь, тот приезд Высоцкого в наш город был связан со съемками на «Ленфильме» картины «Интервенция» (съемочный период картины к тому времени уже закончился, но продолжался монтажно-тонировочный).

Согласно составленному в 90-х годах поисковому списку концертов в Ленинграде, в тот приезд, в начале марта 1968 года, Высоцкий дал в нашем городе три концерта на большую аудиторию: в НИИ токов высокой частоты (что в Шуваловском парке), в НИИ «Энергосетьпроект» и в Доме культуры имени Газа на проспекте Стачек, куда Высоцкий и поехал 6 марта 1968 года с «украденной» гитарой из «Энергосетьпроекта». Еще в старой редакции поискового списка написано про якобы прошедший 5 или 7 марта 1968 года концерт в школе на набережной Фонтанки, однако мне про этот концерт ничего не известно.

Кроме того, 5 марта 1968 года датируется так называемый домашний концерт Высоцкого, который прошел в квартире у известного петербургского коллекционера Михаила Крыжановского.

Первый самиздат

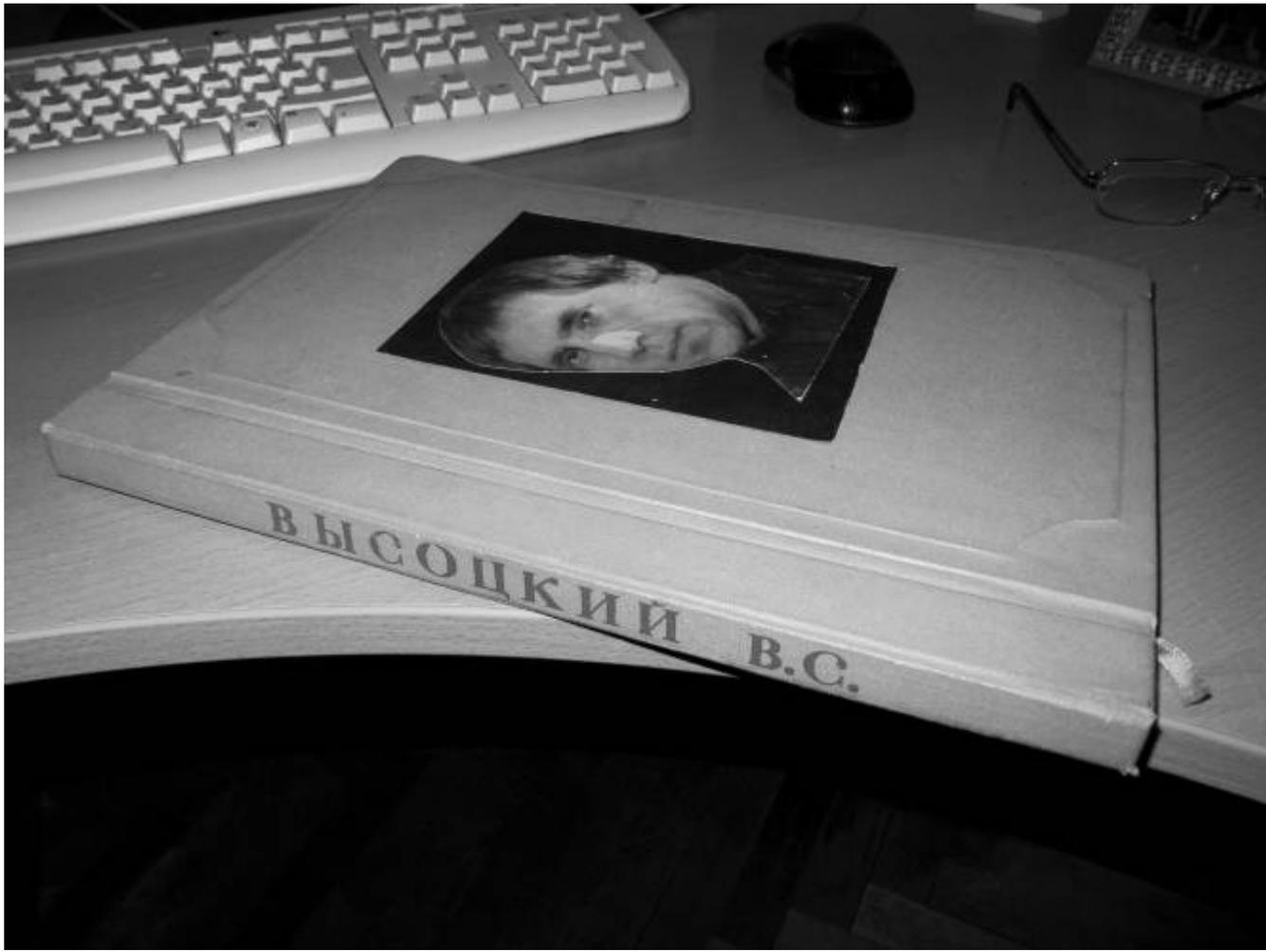
Декабрь 1969 года, Дом культуры ЛПО им. Свердлова

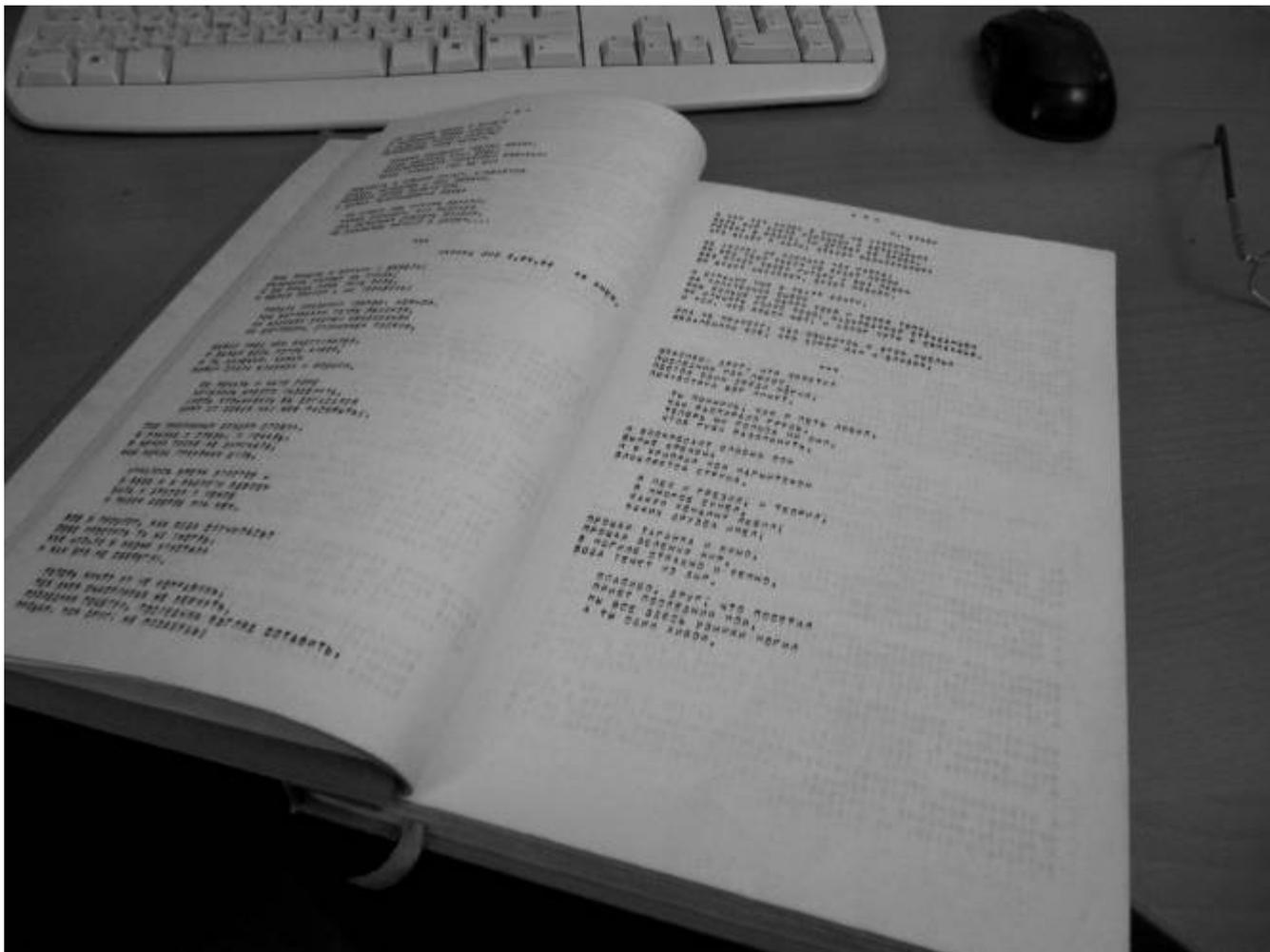
В Доме культуры Ленинградского производственного объединения имени Свердлова Высоцкий выступал предположительно дважды: в октябре 1967 года и в декабре 1969 года. Про концерт в 1967 году мне известно с чьих-то слов, зато с очевидцами второго концерта довелось пообщаться лично. Из этого общения я сделал вывод: судя по всему, в объединении Свердлова тогда работали очень предприимчивые люди. Во всяком случае, именно там был изготовлен первый из известных мне ленинградских самиздатовских сборников стихов Владимира Высоцкого.

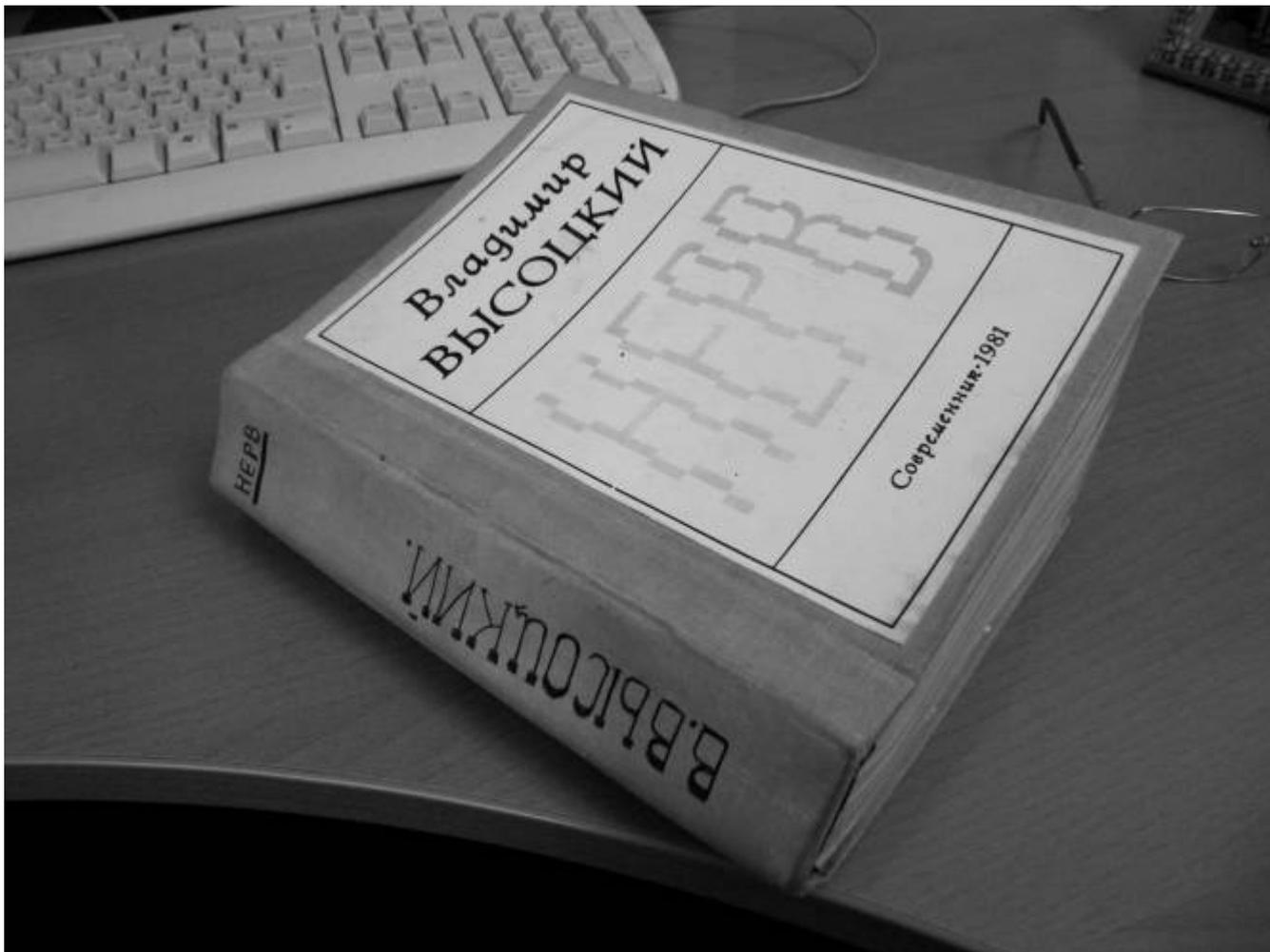
Декабрь 1969 года, концерт в Доме культуры производственного объединения имени Свердлова. В тот день Алла Константиновна поняла, что Владимир Высоцкий, которого она видит перед собой на сцене, и парень, блатные песни которого она слушала в квартире друзей своего случайного знакомого в 1964 году – одно и то же лицо.

Фото Исаака Куписка

Самиздатовский сборник стихов Высоцкого начала 80-х годов. В июле 2011 года я передал его на хранение в Государственный музей политической истории России

Фотокопия первого сборника стихов Высоцкого «Нерв», которую я купил на «черном» рынке в начале 80-х

В 1969 году перед концертом они заранее собрали с желающих послушать песни столичной знаменитости по рублю – на круг получилась по тем временам весьма приличная сумма. Потом в радиорубке актового зала за шторой, прикрывавшей электроцит, спрятали магнитофон, чтобы записать концерт «запрещенного» поэта. Причем Высоцкий перед началом выступления специально заглянул в рубку, дабы удостовериться, что там не пишут. Его успокоили: мол, не пишем, все в порядке. На самом деле писали, однако судьба записи концерта теряется в лабиринтах истории. Мне, во всяком случае, неизвестно, чтобы коллекционеры располагали фонограммой с названием «концерт в ДК Свердлова». Впрочем, нельзя исключать, что запись за шторой – плод чьего-то воображения. Но этим предприимчивость работников завода не ограничилась. В административном корпусе предприятия располагался вычислительный центр, в котором был множительный участок – находившееся тогда под особым контролем специальных служб помещение с копировальной техникой, прабабушкой сегодняшних ксероксов. И вот в этом центре в обстановке глубокой секретности и конспиративности был отпечатан в нескольких десятках экземпляров сборник стихов Высоцкого – якобы тех самых, которые он исполнил на двух концертах осенью 1967 и зимой 1969 года в ДК.

Говорят, эти сборники были сшиты в обложки и неплохо оформлены, благодаря чему шустренько разошлись среди интересующихся. Не исключено, что выпущенные предприимчивыми инженерами ЛПО им. Свердлова сборники были первым ленинградским самиздатом Высоцкого. Может быть, это предположение слишком смелое, но мне почему-то кажется, что его никто не сможет опровергнуть.

Зато я знаю наверняка, когда и каким был последний ленинградский самиздатовский сборник стихов Высоцкого. Это был даже не совсем самиздат, а сшитая в самодельную

книгу полная фотокопия первого официального сборника. Он вышел под названием «Нерв» в 1981 году в издательстве «Современник» каким-то смешным для огромного Советского Союза тиражом. Хватить его, естественно, не могло, а ксероксов тогда еще не имелось. Зато фотооборудование было общедоступно, равно как и переплетные мастерские. Когда вышел «Нерв», я учился в 6-м классе. Насколько я помню, сборник такой был только у одного нашего ученика, его звали Коля Струков. На переменах он щеголял им наравне с пацанами, в руках которых были только вошедшие в моду кубики Рубика и магнитофоны с отломанными крышками кассетных отсеков.

К Коле выстраивалась очередь.

Потом мы с папой сходили на Муринский ручей, в ту его часть, которая располагается на углу Северного и Тихорецкого проспектов. В те далекие времена там не было модного торгово-развлекательного комплекса «Родео-Драйв», там вообще ничего не было, кроме травы (зимой – снега) и редких деревьев. В пойме Муринского ручья периодически размещался «черный» рынок. Там папа купил мне сшитую в формат книги полную фотокопию «Нерва». Это был 1982 год. Думаю, с тех пор самиздатовских сборников Высоцкого больше не было: во-первых, стали куда-то пропадать запреты, во-вторых, приближалась перестройка. Высоцкий пользовался стабильным спросом, а потому его стали издавать в огромных количествах – по законам рыночной экономики.

Но тот фото-самиздатовский «Нерв» я храню до сих пор.

К сожалению, до меня не дошел ни один из выпущенных в ЛПО имени Свердлова самиздатовских сборников стихов Высоцкого. Но, скорее всего, они выглядели примерно так, как этот сборник, выпущенный умельцами в начале 80-х годов (на снимке). Думаю, обложка была поскромнее, да и сам сборник, наверное, был потоньше – как мне рассказали, он состоял из нескольких десятков стихотворений.

Зато с одного из тех концертов сохранились два снимка довольно хорошего качества. Владимиру Высоцкому почти 31 год. Установленный перед ним микрофон намного моложе – ему всего несколько недель. Радист Аркадий специально ездил за новым микрофоном в ЛОМО, чтобы качество звучания столичной знаменитости было на уровне.

Кстати, в ЛОМО про Высоцкого знали не понаслышке: он выступал там дважды.

Эта глава частично была опубликована в журнале «Город 812» («Что-то девушка попалась привередливая», № 25 (89) от 17.07.2010). Справка

...

В моем поисковом списке ленинградских концертов Высоцкого нет больше ни одного, датированного концом 1969 года. Почему Высоцкий оказался тогда в Ленинграде – загадка. Впрочем, хочу признаться: мне не удалось найти организаторов того концерта, поэтому я не могу сказать, каким образом тогда вышли на Высоцкого. Рискну не престижно для себя предположить: хоть несколько человек и утверждали, что этот концерт произошел в декабре 1969-го, нельзя исключать, что на самом деле он случился, например, в 1967-м, когда в Ленинграде гастролировала «Таганка», или в 1968-м, когда Высоцкий ездил в Ленинград из-за съемок «Интервенции».

Не вызывает у меня сомнений лишь одно: на сделанной во время того концерта фотографии Высоцкий достаточно молод. Этот концерт точно произошел не позже конца 60-х.

Устный журнал

**На Высоцкого произвела впечатление смерть космонавта
Комарова Апрель 1967 года, Ленинградский технологический**

институт имени Ленсовета

В конце 60-х годов Высоцкий несколько раз выступал в актовом зале Ленинградского технологического института имени Ленсовета. Эти выступления состоялись благодаря известному сатирику Семену Альтову, который, будучи студентом этого института, организовал там культурную программу «Устный журнал».

С этими концертами связано немало курьезов.

Сохранившаяся с апреля 1967 года программка «Устного журнала» Ленинградского технологического института им. Ленсовета (в простонародье «Техноложка») уникальна дважды. Во-первых, она отвечает на вопрос о дате концерта, во-вторых, она – музейный экспонат сама по себе. Ведь в большинстве других многочисленных ленинградских вузов, где Владимир Высоцкий нелегально или полуполюгально (смотря какой смысл вкладывать в эти слова) выступал, такие программки не выпускались.

Эти концерты – безусловная заслуга тогдашнего студента «Техноложки» Семена Альтшуллера, который организовал в институте творческое объединение студентов «Устный журнал», куда в том числе приглашались разные знаменитости того времени.

Семен Альтшуллер, к сожалению, не пожелал со мной общаться на эту тему – ограничился лишь коротким телефонным разговором. Что ж, это дело добровольное, опять же, многое изменилось с тех пор. В частности, скромный ленинградский студент Семен Альтшуллер стал знаменитым сатириком Семеном Альтовым, который давно уже привык рассказывать в интервью только про самого себя...

В далеких 60-х Семен Альтов организовал творческую группу «Устный журнал», по приглашению которой Высоцкий выступал в ленинградском технологическом институте имени Ленсовета. В то время он был Семеном Альтшуллером. Фото Михаила Огнева

ЛТИ имени ЛЕНСОВЕТА

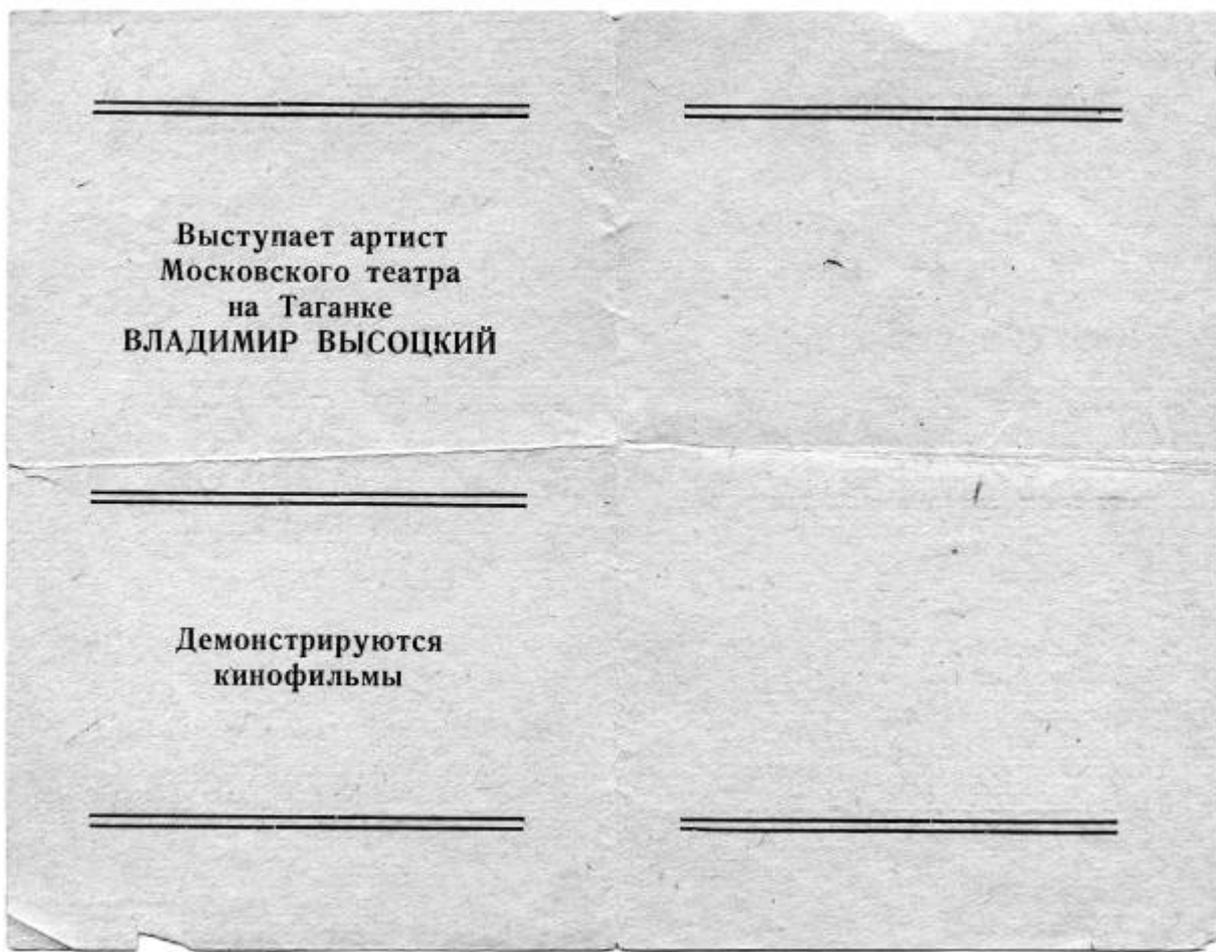
УСТНЫЙ ЖУРНАЛ

Приложение III

25 апреля 1967 г.
Актовый зал. Начало 16.30

М-37680, Тип. № 3 УПД, ф. 2, Зах. 328-600 22/IV-67 г.

И. В. Кобелев

Так выглядела программка вечера в «Техноложке», на котором выступал Высоцкий И, если бы не программка «Устного журнала», привычное использование ассоциативного мышления сыграло бы со мной злую шутку. Дело в том, что, по многочисленным воспоминаниям очевидцев, Высоцкий начал тот концерт со слов: «Сегодня умер мой друг Владимир Комаров». Речь шла о весьма популярном в то время советском космонавте, скончавшемся 24 апреля 1967 года (наглядный пример эффективности советской пропаганды – в 60-е активно пиарилась космонавтика). А концерт проходил 25 апреля, и, скорее всего, Высоцкий как раз перед концертом узнал о смерти Комарова, о чем и сообщил зрителям со словом «сегодня». Что ж, Интернет тогда еще не придумали, потому новости частенько запаздывали. Мне рассказывали, что на том концерте Высоцкий исполнил песню «про звезды» («Мне этот бой не забыть нипочем...»). И якобы в связи с произведенным на него впечатлением от гибели Комарова (если я не ошибаюсь, они незадолго до этого познакомились) вместо строчки «Если б не насмерть, ходил бы тогда тоже героем...» Высоцкий спел: «Если б не насмерть, ходил бы тогда дважды героем...» – на момент гибели Владимир Комаров уже имел одну звезду Героя Советского Союза.

А еще с тем концертом связаны, пожалуй, самые курьезные воспоминания соучастников ленинградской биографии поэта.

Например, говорят, будто один из таких концертов (Высоцкий выступал в «Техноложке» не единожды) происходил во второй части «Устного журнала», а в первой выступала женщина с огромной дрессированной овчаркой, традиционно именуемой Мухтаром. По воспоминаниям очевидцев, Мухтар вместе со своей хозяйкой остались послушать Высоцкого. Они сидели в среднем ряду: хозяйка на крайнем сиденье, Мухтар рядом в проходе. И именно по этому проходу к заранее подготовленному месту в первом ряду направился ректор института. Мухтару он почему-то не понравился, за что был справедливо облаян. Ректор подпрыгнул от неожиданности, весь остальной зал – от восторга.

А один из организаторов концерта Юрий Пугачев (он организовывал «Устный журнал» вместе с Семеном Альтшуллером), удостоверившись, что все в порядке – Высоцкий прибыл и поднимает тост с комсомольским активом за кулисами, публика собирается, – вышел перекусить в кафе на Загородном. Когда он вернулся, то обнаружил у входа в институт толпу желающих попасть на концерт и бдительную милицию, которая на всякий случай не пускала никого. Юре пришлось слушать запись организованного им концерта позже в общежитии. Впрочем, коллекционерам повезло еще меньше – до них эта запись вообще не дошла. Или дошла, но без привязки к месту и времени.

А тогдашняя ведущая «Устного журнала» институтская красавица Люба Мусина столкнулась с творческими муками артиста что называется лицом к лицу. Это случилось в коридорах теперь уже снесенного Дворца культуры Первой пятилетки, где проходили гастроли Театра на Таганке. Люба решила воспользоваться приглашением Высоцкого и после одного из «Устных журналов» в «Техноложке» с его участием отправилась смотреть «Гамлета».

И была шокирована.

«Он прошел мимо со страшными глазами. Я решила, что времена меняются, и он не хочет теперь узнавать меня. Но подошла наша общая знакомая и сказала, чтобы я не вздумала заговаривать с Высоцким, потому что, когда у него „Гамлет“, он и убить может. Когда я шла обратно и увидела его выходящим из туалета, то вжалась в нишу стены – чтобы не убил...»

Фрагмент этой главы был опубликован в журнале «Город 812» («Что-то девушка попалась привередливая», № 25 (89) от 17.07.2010). Справка

...

Из моего поискового списка следует, что Высоцкий выступал в Ленинградском технологическом институте 4 раза:

- 25 апреля 1967 года;
- в период с 8 по 11 мая 1967 года;
- 20 декабря 1967 года;
- 20 февраля 1968 года.

Гарантировать подлинность всех этих дат я не могу – много времени прошло. Кроме того, в поисковом списке содержатся туманные указания на якобы прошедшие два выступления Высоцкого в «Техноложке» в 1965 году. Думаю, что это ошибка, – но ничего нельзя утверждать наверняка.

Дата, не вызывающая сомнений «на все сто», – 25 апреля 1967 года. Мне думается, что тот приезд Высоцкого в Ленинград был связан со съемками фильма «Интервенция».

Девушки и вьетнамские дети

Или как один из организаторов концерта отомстил Высоцкому за невнимание 3 октября 1967 года, Физико-технический институт имени Иоффе

Моя работа строилась на хороших отношениях с источниками информации. В журналистике так всегда: никто не обязан ничего рассказывать, но может и рассказать. Если захочет.

Захочет – не захочет всегда зависит от разных факторов: от текущей занятости человека до той роли, которую он сыграл в интересующих меня эпизодах общения с Высоцким. И случаи в связи с этим происходили порой самые парадоксальные.

Например, однажды узнал я о том, что 3 октября 1967 года прошел концерт Высоцкого в Физико-техническом институте имени Иоффе (в том самом, где всю жизнь проработал нобелевский лауреат академик Жорес Алферов), и что в его организации принимал участие некто Юрий. Якобы он привез Высоцкого на институтской «Волге» и сделал что-то еще, ставшее предметом моего интереса.

Назвать Юрия организатором того концерта было бы бессовестным преувеличением. 3 октября 1967 года Высоцкий был в очередной раз приглашен на концерт в клуб авторской песни «Восток». А в Физтехе работал один из основателей «Востока» и один из безусловных патриархов ленинградской самодеятельной песни Борис Полоскин (по основному роду деятельности он был специалистом в области ядерной физики). Именно он посодействовал тому, чтобы приглашенный в «Восток» Высоцкий еще и заработал (в «Востоке» гонорары для выступающих были небольшими – не в пример гонорарам, которые собирали «в черную» сотрудники НИИ, куда приглашали авторов-исполнителей). Благодаря стараниям Полоскина Высоцкий сначала выступил в ФТИ, где получил вполне приличный гонорар в конверте, а потом поехал в «Восток», где отдал дань клубному официозу. Не лишнюю для него приятности дань – в Москве у Высоцкого никакого официоза в плане его песен и в помине не было.

Следует заметить, что Физтех, даже на фоне других ленинградских научно-исследовательских институтов, куда с удовольствием приглашали того же Высоцкого, отличался особым пристрастием к авторской песне. Там, например, выступал Булат Окуджава, который вообще проводил частные концерты довольно редко, потому что опасался неприятностей со стороны правоохранительных органов, как сейчас, так и тогда боровшихся с необлагаемыми налогами доходами. Дело в том, что с Физтехом был тесно связан академик Арцимович, который в середине 60-х считался чуть ли не ведущим мировым специалистом в области термоядерного синтеза. А Булат Окуджава был женат на его дочери, с которой каким-то образом умудрился познакомиться в Политехе, где та училась (Физико-технический институт и Политехнический довольно тесно связаны, кроме того, они располагаются в непосредственной близости друг от друга). Таким образом, Физтех середины 60-х стал одним из ленинградских центров притяжения авторов-исполнителей.

Но вернемся в 3 октября 1967 года, когда сотрудники Ленинградского физико-технического института с нетерпением ждали первого у них концерта уже начавшего становиться легендой Владимира Высоцкого.

Юрия я нашел, и в первый раз мы даже неплохо поговорили – в том смысле, что он не без оттенка гордости рассказал, как привозил, встречал, отвозил, расплачивался – все вопреки существовавшему общественно-политическому строю. Потом я пообщался с другими участниками тех событий и перезвонил Юрию, чтобы задать пяток-другой уточняющих вопросов. Юрий отвечал с трудом, чем дольше, тем односложнее. Потом разговор прервался, когда я перезвонил через час, на том конце провода слышалось лишь пьяное бормотание.

Немного времени спустя выяснилось, что причиной внезапной забывчивости источника информации стали девочки и вьетнамские дети...

В октябре 1967 года Юрий действительно принимал некоторое участие в организации концерта Высоцкого. В частности, подъехал к зданию «Ленфильма» (в то время снималась знаменитая «Интервенция») на Кировском проспекте, где Высоцкий ждал его с двумя стройными девушками. Юрий представлял себе Высоцкого как рослого красавца с гитарой, из-за чего минут пятнадцать простоял рядом с актером, не замечая его: мало ли парень какой-то с девчонками тусуется. Для Высоцкого и девушек ожидание было дискомфортным – шел дождь. Юрий стоял под зонтиком.

По дороге в институт Высоцкий приставал к девушкам. Они кокетливо сбрасывали его руки со своих коленей. На Юрия никто не обращал внимания.

Перед концертом он спросил комсомольского активиста института, который продавал

билеты и собирал публику:

– Как ты думаешь, Высоцкий жадный?

Активист отмахнулся по причине занятости, а потому эмоцию Юрия, готовившегося отомстить не уделившей ему внимания столичной знаменитости, не «словил».

После концерта активист вручил Высоцкому конвертик со 150 рублями. Поэт кивнул и собрался прощаться. В этот момент появился Юрий. С иезуитской улыбкой он поинтересовался:

– А не могли бы вы, Владимир Семенович, пожертвовать эти деньги детям пострадавшего в борьбе с мировым империализмом Вьетнама?

Очевидцы вспоминают, что Высоцкий ничего не ответил, но как-то обмяк. Девочки из «Ленфильма» прекратили хихикать. Комсомольский активист оттер Юру крепким плечом и в тревожной тишине проводил Высоцкого к машине.

На обратном пути поэта сопровождал только водитель.

Фрагмент этой главы был опубликован в журнале «Город 812» («Что-то девушка попалась привередливая», № 25 (89) от 17.07.2010).

*Высоцкий на сцене НИИ токов высокой частоты в июне 1972 года. Автор неизвестен
Справка*

...

В тот день, 3 октября 1967 года, сразу после концерта в Физтехе Высоцкого повезли на улицу Правды в Дом культуры работников пищевой промышленности, где тогда располагался клуб самодеятельной песни «Восток», по приглашению которого Высоцкий в тот раз, насколько я понимаю, и оказался в Ленинграде. После концерта в «Востоке» Высоцкий, судя по всему, отправился на вокзал и в Москву.

Перед этим Высоцкий, как следует из моего поискового списка, выступал 8 июня 1967 года в Ленинградском Доме ученых (на набережной Невы неподалеку от Эрмитажа) во время гастролей Театра на Таганке в нашем городе.

Следующий ленинградский концерт Высоцкого датируется 18 октября 1967 года в НИИ «Ленгидропроект». Эту дату я установил по прошедшему в тот день в Ленинграде наводнению.

Потеря бдительности

В отношении партийных руководителей учреждений, где выступал Высоцкий, «делались оргвыводы» Июнь 1972 года, клуб НИИ токов высокой частоты (НИИ ТВЧ)

Однажды поэт Василий Журавлев... напечатал в журнале «Октябрь» стихи, которые, оказалось, принадлежали Анне Ахматовой... Когда его спросили: «Вась, зачем ты это сделал?» – он говорит: «Да я не знаю, они как-то сами просочились». А потом подумал и говорит: «Пусть она моих хоть два возьмет!»

В. Высоцкий, фрагмент из выступления в НИИ ТВЧ, Ленинград, июнь 1972 года

В связи с этим концертом рассказывают такую историю. Якобы концерт «запрещенного» в то время Высоцкого состоялся в клубе НИИ с устного разрешения председателя местного парткома. В те дни Высоцкий дал в Ленинграде более десятка концертов, потому что Московский театр на Таганке как раз приехал в наш город на гастроли, проходившие в снесенном ныне Дворце культуры Первой пятилетки. Говорят, такая активная концертная деятельность не понравилась первому секретарю Ленинградского горкома КПСС Григорию Романову, который на очередном (или, может быть, даже внеочередном – история умалчивает) партийном собрании поднял вопрос об утере бдительности работниками парткомов тех ленинградских предприятий, которые проморгали «опасные» концерты. Якобы было предложено поднять руки партийным работникам предприятий, где Высоцкий успел выступить. Исполнительные ответственные работники указание выполнили – лес рук был редким, но равномерно распределенным по залу.

Бывшие сотрудники НИИ ТВЧ утверждают, будто их партийный лидер руку не поднял. И, как оказалось, сделал правильно: оргвыводы в отношении руководства закрытого НИИ сделаны не были. Фамилию героя-коммуниста история, к сожалению, не сохранила.

Билет на концерт стоил 1 рубль.

Кстати, Высоцкий организаторам концерта не понравился – судя по всему, не попал в эмоциональную струю. Его везли на институтской машине от «Астории» и доносили вопросами типа: «Правда, что ваша жена – Марина Влади?» Потом жаловались: мол, Высоцкий оказался совершенно неинтересным и даже грубым чуваком, дальше коротких реплик о погоде разговор не пошел.

Завязать этот непринужденный разговор по дороге от «Астории» до НИИ ТВЧ пытался секретарь институтской комсомольской организации...

В середине концерта на гитаре порвалась струна, пока актер менял ее, местный фотограф стал фотографировать и нарвался на грубость – съемку пришлось прекратить. Потому фотография получилась всего одна и не шибко хорошего качества.

Справка

...

Концерт Высоцкого в НИИ токов высокой частоты состоялся во время ленинградских гастролей Театра на Таганке. Точно датировать этот концерт мне не удалось. Гастроли же Таганки проходили в нашем городе с 16 июня по 6 июля 1972 года.

Война амбиций

Единственное интервью Высоцкого в ленинградской прессе было опубликовано в газете, где работал Сергей Довлатов

27 июня 1972 года в конференц-зале Центрального конструкторского бюро Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) состоялся концерт Высоцкого, оказавшийся в центре целого клубка неудовлетворенных амбиций.

По иронии судьбы, именно после этого концерта Высоцкий дал единственное опубликованное в ленинградской прессе интервью. Его напечатала многотиражка ЛОМО «Знамя прогресса», в которой долгое время работал известный писатель и журналист Сергей Довлатов. А интервью у Высоцкого взяла поэтесса Ольга Бешенковская.

Начнем с амбиций.

Амбиция первая

Один из организаторов концерта, бывший комсомольский активист ЛОМО, рассказал мне, как он предложил тогдашнему корреспонденту «Знамени прогресса» Сергею Довлатову сходить на концерт Высоцкого: мол, тебе понравится. По воспоминаниям этого человека, Довлатов в резкой форме отказался. Мой собеседник решил, что журналист хотел бы сам оказаться на сцене, а не в зрительном зале – оттого и не пошел. Дескать, не позволило самолюбие.

У Довлатова не спросишь – он умер в августе 1990 года в Америке от острой сердечной недостаточности. Но Высоцкий его, судя по всему, действительно не особенно интересовал: в своих книгах он упоминал почти про всех знаменитых современников – кроме Высоцкого.

Зато в «Ремесле» Довлатов выразил свое отношение к работе в «Знамени прогресса»: «Я искал работу. Сунулся в многотиражку ЛОМО. После республиканской газеты это было унижительно. К счастью, работа оказалась временной...»

Организовывал концерт Высоцкого комитет комсомола ЛОМО – к деятелям этой организации Довлатов относился так же, как бывшие уголовники к бывшим воякам. Может, «посланный» Довлатовым организатор концерта перенес на Высоцкого адресованную ему самому эмоцию?

Амбиция вторая

В промежутке между песнями в середине совсем небольшого зала встала девушка –

симпатичная такая, говорят, стройная особа с завитушками. Молча встала и вышла из зала: мол, тьфу на вас вместе с вашими дурацкими песнями. И не осталась незамеченной:

– Жалко, что ушла девушка, – не без иронии сказал Высоцкий.

Зал почему-то заплодировал.

А бывший коллега ушедшей девушки позже рассказал мне, что Высоцкий – не в ее духе, он ей ни до того, ни после не нравился. Но на концерт она зачем-то пришла – не исключено, что из вредности.

С этой девушкой я познакомился сравнительно недавно – лет 10 назад. Ее зовут Ирина Чуди, на момент подготовки этой книги она работала ответственным секретарем журнала «Город 812» (входит в медиагруппу «Агентство журналистских расследований»). Ирина Владимировна сказала мне, что Высоцкого она очень любит, а с концерта ушла просто потому, что ей не с кем было оставить ребенка. И никаких амбиций.

Зато в среде коллекционеров этот концерт с тех пор называется не иначе как «Концерт, где ушла девушка». Так бывает: сделал что-то малозначительное, но в нужный момент и в нужном месте, – и вошел в историю.

Впрочем, концертов с таким «названием» два. Второй произошел в октябре 1974 года в Доме ученых в Лесном.

Кстати, запись концерта в ЛОМО, говорят, сделал известный советский актер и каскадер Александр Массарский.

*Ирина Чуди – та самая девушка, которая ушла во время концерта Высоцкого в ЛОМО.
Фото Павла Маркина*

Амбиция третья

Единственным ленинградским журналистом, опубликовавшим интервью с Владимиром

Высоцким, стала корреспондент многотиражки ЛОМО «Знамя прогресса» Ольга Бешенковская. Высоцкий произвел на нее не шибко приятное впечатление. По словам Ольги Юрьевны, Высоцкий вел себя «несколько заносчиво, вызывающе».

Свои ощущения Ольга Бешенковская описывала так:

«Я сама как лирический поэт воспринимаю его именно так, как он не хотел, чтобы его воспринимали, — как автора-исполнителя превосходного, но не как лирического поэта...»

По словам Ольги Юрьевны, Высоцкий сразу согласился дать интервью, но «неохоту какую-то» она в этом все же почувствовала.

Я поинтересовался: может, Высоцкий представлялся ей по-другому, не таким, каким оказался при близком общении? Бешенковская как отрезала:

— Он никак мне не представлялся. Я его как литератора никогда не воспринимала, он в принципе не занимал мои мысли!

Зато мысли зрителей-мужчин занимала Марина Влади — в смысле кажущейся тогда неправдоподобности просочившихся в среду технической интеллигенции слухов о том, будто она является законной женой Высоцкого. Интерес был оглушительным: говорят, Высоцкому после того концерта пришлось вытащить из кармана паспорт и продемонстрировать штамп. Есть мнение, что сделал он это не без гордости.

Организовавший концерт бывший комсомольский активист ЛОМО признался мне, что заглянул на соответствующую страницу паспорта раньше всех, воспользовавшись служебным положением, — когда оформлял Высоцкому пропуск.

А Ольга Бешенковская лет двадцать спустя стала известной поэтессой. В 2006 году она умерла в Германии от рака легких.

«Гамлет без грима»

...Небольшой рост. В любой рубашке. Революционным жестом с загорелыми губами — вытаскивает прядь... Против дресс-кода, Гамлет «таганский». С гитарой.

— Вам, наверное, часто задавали этот вопрос: почему Вы, «Хозяин тайны», участник «Сидящих зрителей», ладно-ладно в свалке, — Гамлет? Непонятно, куда актеры или эта роль — давно обдуманный шаг с «указкой» гримы?

— Несколько лет назад мы «высидели» из Дубны. Я сидел напротив Любимова, главного режиссера нашего театра, и два часа поэт стучит коленями, объяснял ему, почему хочу играть Гамлета. В процессе происходила как бы «защита» роли.

— И, значит, нужны были все эти документы и польза вообще Гамлету?

— Основной аргумент может, наверно, показаться смешным и странным. Последнее время я слышал от многих хороших актеров, что их мечта — роль Гамлета. Конечно, мечтавая играть в театре тяжелой работой. Не гоняли арматурщи «женского Гамлета». Есть леги Махбет, еще два-три образа — и все... Но, с другой стороны, мне кажется, что раз женщины мечтают о «Гамлете», — значит, он еще не сыгран.

— То есть, не сыгран черными женщинами?

— Грубо говоря, не сыгран «мужскими». Для меня Гамлет не совсем такой, как вы и видите на сцене и как вы от души аплодируете.

Он принял крест, он ждал в жесткое время, когда ели мясо с ножом, аркались на поединках. Он 30 лет варился в этом соку и готов управлять государством. Чингисхан говорил: «Диктатор должен быть человеком с короткой шеей. Мой Гамлет — с короткой шеей».

Сколько раз и, кстати, сегодня — через два часа...

— Но это сообщество, очевидно, нельзя принять как приглашение для труженников ЛОМО? Билеты в этот театр не достать...

— И коллектив театра это обстоятельство, сами понимаете, ра...

тним человеком. Но люблю, когда «меня поют» мои друзья, актеры нашего театра. Это уже совсем другое...

— Сейчас много говорят о мистификациях, бардах, и т. д. и т. п. Фактически об особом жанре в искусстве... когда автор сам, ну...

время ели мясо. Это не полкажется, шатались, справедливые, где бы они были? — Очевидно, на точках главных ганке? — Можете: «Дескать, мир», Последняя такля по Егустушке всего два нал спект фразой Пу вот и хоро — Вла сколько в весь колде бы на скат (Вель зал всех никто — Могу ческий коллашему га особенно в гива для м, в свои ше гастро нал вопро бить?» на Ч — И влелет сбжал стью и бие ного спортез

ИНТЕРВЬЮ ДАЕТ АКТРИСА ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Гамлет без грима

Но это лишь одна грань сложного и тонкого образа. Гамлет учился в университете, вдохнул новые идеи... Он не принимает всего, что происходит вокруг, ему отчуждены эти методы борьбы, но и сам он не может действовать иначе, чем другие, и мучится именно оттого...

И все же мой Гамлет не решает вопроса «Быть или не быть?». Между прочим, у Шекспира нет после этой фразы вопросительного знака. Гамлет — нормальный человек; он понимает, что жизнь все равно прекрасна, хотя ему иногда он доходит почти до поэмателства... Все равно он нормальный человек. Помните: «Кем бы я не стал изображать себя...» Но я, кажется, увлекся. Не стоило так глубоко заплываться. Можно ногу сломать. Да что там ногу. Жизнь можно сломать на «Гамлете».

Мы покажем спектакль еще не...

дует... Но к ЛОМО у нас особое отношение, поэтому и сейчас даю, и не впервые. Дело в том, что рядом со старым зданием нашего театра строится новое, и там бы очень хотелось, чтобы звукоаппаратура для него была подготовлена в ЛОМО. Мы уверены, что все, сделанное здесь, от маленького аппарата до большого телескопа, — со знаком качества...

К сожалению, все группа не могла сегодня приехать: гастроли очень напряженные. И я просто доказал, ну, что ли, свое hobby — новые песни...

— Кстати о песнях. Многие ваши песни звучали в фильмах с вашим участием, исполнялись в восстановленных и других театрах... Но уже были попытки исполнять их с эстрады. Как вы относитесь к последнему?

— Злосць. Это не песни в прямом смысле, так же как я не певец. И я никогда не рискну исполнить песню, написанную дру...

зми и исполнитель в одном лице. Но, видимо, для каждого, кто пробует себя в этом жанре, одна из трех муз все-таки главная. И для Вас, наверное, — стихи?

— Да, я ни в какой мере не причисляю себя ни к бардам, ни к мистификациям. Это надуманные слова. Я пишу стихи, которые лучше звучат ритмизованно, под гитару, — вот и все...

— Вам бы хотелось их опубликовать, издать сборник?

— Конечно. Это, наверно, мечта каждого пишущего. Я уже думал об этом, и мои друзья, по случаю, нужно поработать: не все, что хорошо звучит, так же хорошо ляжет на бумагу...

— А какими изданиями вы бы открыли свой сборник?

— Стихами о Великой Отечественной. Меня иногда спрашивают: «Почему ты так много пишешь на эту тему? Можно подумать, что всю войну прошел, а сам в это

ЗНАМЯ ПРОГРЕССА

Наш адрес: Чугунная, 35

Или по телефону: 48-52-59, 48-58-89

Органа Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Ленинграда, Ленинград. Фонтанка, 57. M-50160

Заказ 6724

Так выглядело интервью Ольги Бешенковской с Владимиром Высоцким, опубликованное в многотиражке «Знамя прогресса»

А вот полный текст той статьи, которую Ольга Бешенковская под псевдонимом «О. Юрьева» опубликовала в «Знамени прогресса» после встречи с Высоцким. Статья называлась «Гамлет без грима»: «...Небольшого роста. В алой рубахе. Резковатым жестом с загорелого лба – пшеничную прядь... Принц датский. Гамлет „таганский“. С гитарой.

– Вам, наверное, часто задают этот вопрос: почему Вы, „Хозяин тайги“, участник „Опасных гастролей“, альпинист в связке – Гамлет? Неисповедимы пути актеров или эта роль – давно обдуманная шаг с „узкой“ тропы?

– Несколько лет назад мы возвращались из Дубны. Я сидел напротив Любимова, главного режиссера нашего театра, и два часа под стук колес объяснял ему, почему хочу играть Гамлета. В поезде происходила как бы „защита роли“.

– И, значит, нужны были веские аргументы в пользу вашего Гамлета?

– Основной аргумент может, наверное, показаться смешным и странным. В последнее время я слышал от многих хороших актрис, что их мечта – роль Гамлета. Конечно, женская доля в театре тяжелее мужской: меньше интересной работы. Не создали драматурги „женского Гамлета“. Есть леди Макбет, еще два-три образа – и все... Но, с другой стороны, мне кажется, что, раз женщины мечтают о „Гамлете“ – значит, он еще не сыгран.

– То есть не сыгран исчерпывающе?

– Грубо говоря, не сыгран „по-мужски“... Для меня Гамлет не совсем такой, каких я видел на сцене и каким от души аплодировал. Он принц крови, он жил в жестокое время, когда ели мясо с ножа, дрались на поединках. Он 30 лет варился в этом соку и готов управлять государством. Чингисхан говорил: „Диктатор должен быть человеком с короткой шеей“. Мой Гамлет – „с короткой шеей“. Но это лишь одна грань сложного и тонкого образа. Гамлет учился в университете, вдохнул новых идей... Он не принимает всего, что происходит вокруг, ему отвратительны эти методы борьбы, но и сам он не может действовать иначе, чем другие, и мучится именно от того. И все же мой Гамлет не решает вопроса „Быть или не быть?“. Между прочим, у Шекспира нет после этой фразы вопросительного знака. Гамлет – нормальный человек: он понимает, что жизнь все равно прекрасна, хотя ему тесно и тошно в этом мире, хотя иногда он доходит почти до помешательства... Все равно он нормальный человек. Помните: „Кем бы я не стал изображать себя...“ Но я, кажется, увлекся. Не стоит так глубоко закапываться. Можно ногу сломать. Да что там ногу. Жизнь можно сломать на „Гамлете“. Мы покажем спектакль еще несколько раз, и, кстати, сегодня – через два часа...

– Но это сообщение, очевидно, нельзя принять как приглашение для тружеников ЛОМО? Билеты в ваш театр не достать...

– И коллектив театра это обстоятельство, сами понимаете, радуется... Но к ЛОМО у нас особое отношение, поэтому я сейчас здесь, и не впервые. Дело в том, что рядом со старым зданием нашего театра строится новое, и нам бы очень хотелось, чтобы звукоаппаратура для него была изготовлена в ЛОМО. Мы уверены, что все, сделанное здесь, от маленького аппарата до большого телескопа, – со знаком качества... К сожалению, вся труппа не могла сегодня приехать: гастроли очень напряженные. И я просто показал, ну, что ли, свое хобби – новые песни...

– Кстати, о песнях. Многие ваши песни звучали в фильмах с вашим участием, использовались в постановках вашего и других театров. Но уже были попытки исполнять их с эстрады. Как вы относитесь к последнему?

– Злось. Это не песни в прямом смысле, так же как я не певец. И я никогда не рискну исполнять песню, написанную другим человеком. Но люблю, когда „меня поют“ мои друзья, актеры нашего театра. Это уже совсем другое...

– Сейчас много говорят о менестрелях, бардах и т. д. и т. п. Фактически, об особом жанре в искусстве – когда автор слов, музыки и исполнитель в одном лице. Но, видимо, для

каждого, кто пробует себя в этом жанре, одна из трех муз все-таки главная. И для вас, наверное, – стихи?

– Да, я ни в коей мере не причисляю себя ни к бардам, ни к менестрелям. Это надуманные слова. Я пишу стихи, которые лучше звучат ритмизованно, под гитару, – вот и все...

– Вам бы хотелось их опубликовать, издать сборник?

– Конечно. Это, наверное, мечта каждого пишущего. Я уже думал об этом, и мои друзья, поэты, обещают помочь. Во всяком случае, нужно поработать: не все, что хорошо звучит, так же хорошо ляжет на бумагу...

– А каким циклом вы бы открыли свой сборник?

– Стихами о Великой Отечественной. Меня всегда спрашивают: „Почему ты так много пишешь на эту тему? Можно подумать, что всю войну прошел, а сам в это время еще пешком под стол ходил“. Это хорошо, что так можно подумать... Вообще, мне кажется, человек должен ощущать себя современником любой справедливой борьбы, когда бы и где бы она ни происходила.

– Очевидно, это не только ваша точка зрения, но и один из главных девизов Театра на Таганке?

– Можно судить по репертуару: „Десять дней, которые потрясли мир“, „Гамлет“, „Галилей“. Последняя работа театра – спектакль по стихам и поэме Евгения Евтушенко об Америке – сыграли всего два раза и будем теперь играть в новом сезоне. Работаем над спектаклем, озаглавленным фразой Пушкина: „Вот и славно, вот и хорошо!..“

– Владимир Семенович, поскольку в вашем лице сегодня весь коллектив театра, не могли бы вы сказать несколько слов для читателей еженедельника? (Ведь зал вместил далеко не всех поклонников „Таганки“.)

– Могу сказать, что наш творческий коллектив желает успехов вашему творческому коллективу, особенно в работе вашего коллектива для нашего коллектива. А мы, в свою очередь, и в следующие гастроли не будем мучиться над вопросом: „Быть или не быть?“ на Чугунной...

И, взглянув на часы, Гамлет сбежал по лестнице с легкостью и быстротой натренированного спортсмена...»

Вполне, кстати, приличное интервью. Видно, что к нему оказались готовы и журналист, и ньюсмейкер.

Справка

...

В первый раз Высоцкий вместе с коллегами из Театра на Таганке выступал в ЛОМО в мае 1967 года. «Таганка» тогда второй раз гастролировала в Ленинграде. Про проблемы с амбициями в связи с этим ничего не известно – про этот концерт до меня вообще дошло весьма мало содержательных воспоминаний. Зато остались фотографии, где рядом с Высоцким на сцене ЛОМО стоит Валерий Золотухин.

Выступление Высоцкого в ЛОМО 27 июня 1972 года проходило во время гастролей Театра на Таганке. За день до этого концерта и через два дня после – 30 июня – Высоцкий выступал в Ленинградском институте ядерной физики в Гатчине.

Кроме того, из архива Николая Курчева следует, что Высоцкий еще раз выступил в ЛОМО 20 сентября 1972 года. У Николая Федоровича по этому поводу описательных воспоминаний в архиве не сохранилось, зато он дал мне переписать список песен, которые пел на том концерте Высоцкий. Из этого списка видно, что тот концерт Высоцкий закончил серией «Чсть шахматной короны». Мне про этот концерт ничего не известно, в составленном в начале 90-х годов поисковым списке ленинградских концертов Высоцкого о нем ничего не сказано.

Байки у реактора

Поездки Высоцкого в Гатчину запомнились с налетом мистики и эротики Май 1967 года, июнь – июль 1972 года, октябрь 1974-го, Ленинградский институт ядерной физики

Для биографов Владимира Высоцкого расположенный в Гатчине Петербургский институт ядерной физики интересен тем, что Высоцкий там выступал чаще, чем во всех других ленинградских предприятиях. В этом институте прошло четыре концерта, еще одна творческая встреча была дома у одного из ведущих ученых института Николая Попова.

Влияние радиации

Это застолье с песнями случилось в ночь с 5 на 6 июля 1972 года, и никаким концертом его назвать нельзя. Но все же любой коллекционер скажет: у меня есть запись домашнего концерта Высоцкого у Попова.

А первый концерт в гатчинском Институте ядерной физики прошел в период с 15 по 18 мая 1967 года (точная дата не установлена), когда Петербургский институт ядерной физики еще не был самостоятельным заведением, а считался филиалом Ленинградского физико-технического института имени Иоффе. Второй и третий концерты прошли 24 и 30 июня 1972 года, когда институт уже обособился и стал называться Ленинградским институтом ядерной физики (ЛИЯФ – я так его и буду называть). 4-й концерт прошел 19 октября 1974 года. Кроме того, 3 октября 1967 года Высоцкий выступал в самом Физтехе перед концертом в клубе самодеятельной песни «Восток». Но об этом уже было написано.

Выступления Высоцкого в ЛИЯФе имеют одну характерную особенность: воспоминания очевидцев этих концертов носят, если можно так выразиться, несколько иррациональный характер – с элементами мистики и даже эротики.

Трудно сказать, почему так произошло, может, виной всему аномально жаркое лето 1972 года, а может, причина в том, что ЛИЯФ – единственное в Ленинградской области предприятие, на территории которого располагается самый настоящий ядерный реактор (кроме ЛАЭС, естественно). Я не готов анализировать эти загадочные причины, но результат представляется интересным. Из него, во всяком случае, видно, как рождаются слухи.

Высоцкий на последнем концерте в ЛИЯФе в октябре 1974 года. Это один из самых высококачественных ленинградских снимков Высоцкого того времени.

Фото бывшего старшего инженера по радиоэлектронике ЛИЯФа Владислава Толчина. Владислав Григорьевич и сегодня работает в институте – он кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник

Но перед тем, как перейти к ним, хочется вспомнить, что в организации концертов Высоцкого в ЛИЯФе принимал активное участие бывший сотрудник института Мариан Томбак. Он трагически погиб 16 августа 1988 года при крушении поезда «Аврора» сообщением «Москва – Петербург». Я хорошо помню эту аварию, потому что косвенно тоже пострадал от нее. В то время я служил в армии, в учебной части, расположенной под Ногинском (небольшой городок в Московской области). Как раз накануне мой отец приехал навестить меня, а в Ленинград он возвращался в день крушения. Я не знал, на каком именно поезде он уехал, поэтому, когда услышал про аварию, очень переживал – не на потерпевшем ли крушение. К счастью, обошлось. Но та авария сохранилась в моей памяти одним из самых ярких армейских воспоминаний. Однако вернемся к воспоминаниям очевидцев общения Высоцкого с сотрудниками одного из самых серьезных «атомных» институтов страны.

Учитывая специфичность этих воспоминаний, я называю их байками.

Байка первая

В мае 1967 года в Ленинград приехал гастролить Театр на Таганке. Сотрудники гатчинского филиала Физико-технического института им. Иоффе решили пригласить его к себе. Активисты допустили стратегический промах – перед одним из спектаклей они попросили «прислать» в Гатчину Высоцкого главного режиссера театра Юрия Любимова. Говорят, Любимов, выслушав физиков, сделал красноречивый жест: слева направо провел ребром ладони по шее.

«Достал меня ваш Высоцкий со своими „левыми“ концертами. Ходи потом – объясняйся. Сами с этим типом договаривайтесь», – якобы сказал мэтр.

Байка вторая

После одного из спектаклей Высоцкий оказался в гатчинской квартире сотрудника ЛИЯФа физика Юрия Петрова. Там перед концертом ему организовали домашний обед.

Артист приехал не один – с ним была девушка, по словам очевидцев весьма симпатичная. Милая такая, подчеркнуто скромно одетая. Мужчины, судя по всему, разглядывали девушку пристально. Ее колготки описывали во всех подробностях, включая следы штопки, – последние произвели парадоксально положительное впечатление на представителей технической интеллигенции: мол, скромность красит любую красавицу.

В общем, физикам она понравилась, а физичкам – наоборот. Самое колоритное воспоминание, услышанное мною от сотрудницы института:

– Я узнавала – у Высоцкого в каждом городе была такая девушка, которую он везде возил с собой в качестве неперемennого атрибута...

«Неперемennый атрибут», судя по всему, никак себя больше не проявил – только позлил местных представительниц прекрасного пола, которым не светило оказаться в такой роли.

Зато воспоминания очевидцев, связанные с тем концертом, имеют интересное продолжение. Говорят, после концерта организаторы решили устроить Высоцкому культурную программу – съездили с ним погулять в парке Гатчинского дворца. На прогулку ехали на рейсовом автобусе, где встретились с директором ЛИЯФа, физиком с мировым именем, академиком Сумбаевым.

Об этой встрече мне рассказал сам Сумбаев: мол, да, содействовал проведению концертов опального Высоцкого, но так сложилось, что видел его лично лишь единожды – случайно в том самом автобусе.

Я рассказал об этом нескольким очевидцам концертов Высоцкого в ЛИЯФе – в качестве обмена информацией. Реакция показалась мне неожиданной: люди застывали с открытыми ртами. Потом переводили разговор на другую тему. Один физик-теоретик позже объяснил под большим секретом: встреча Высоцкого с Сумбаевым в автобусе – из области фантастики, потому что Сумбаев все время ездил на персональной «Волге», а Высоцкому предоставляли чей-то автомобиль. Лияфовцы же рассказали мне об этом под большим секретом, потому что Сумбаев на тот момент продолжал быть их руководителем.

Объяснить сей феномен я не могу – ведь академик Сумбаев сам рассказал об «автобусной» встрече с Высоцким. Может, сотрудники института привыкли видеть босса в черной «Волге» и забыли, что в 1967 году ее у него еще не было?

Так или иначе, Олег Сумбаев действительно пользовался огромным авторитетом. Достаточно вспомнить такой эпизод. После того как летом 1972 года Высоцкий дважды выступил в актовом зале ЛИЯФа, представители партийных органов стали проявлять нездоровую активность. Сотрудники института хотели видеть и слышать артиста вновь, а смысловый вектор партийных указаний сводился к категоричному «забудьте». Между тем несколько инициативных физиков договорились с Высоцким о концерте и, столкнувшись с

противодействием парткома, пожаловались Сумбаеву. Академик, недолго думая, дал ту самую свою персональную черную «Волгу» с водителем и сказал:

– Езжайте.

С Высоцким была договоренность о встрече на Московском вокзале. Описание этой встречи ее участниками тоже выглядит невероятно. По их словам, с промежутком минут в 20 из Москвы прибыли два поезда. На первом приехал Высоцкий с симпатичной молодой женщиной. Поздоровался с физиками, представил женщину: моя жена.

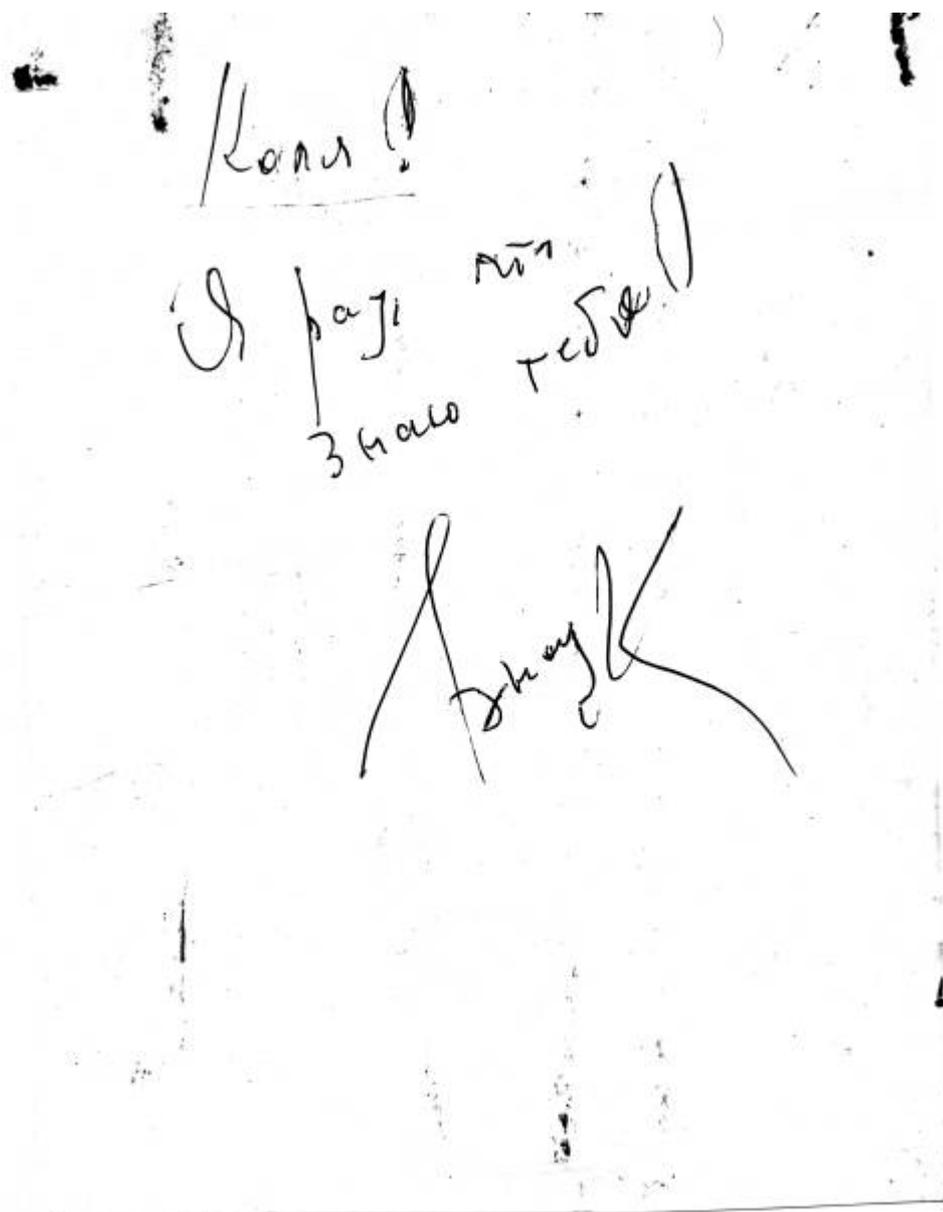
Минут через 20 приехал второй поезд. Очевидцы с увлечением вспоминают, как из него вышла Марина Влади. Что любопытно, их встреча не показалась моим собеседникам неожиданной...

Говорят, Марина приехала не одна – с нею был сын Пьер. Интересно, что женщины, с которыми мне потом довелось общаться по поводу тех событий, своего восхищения Высоцким как мужчиной никак не проявляли (похоже, они его и не испытывали). Зато их явно тронул Пьер: не стовариваясь, несколько участниц тех событий с мечтательным туманом в глазах рассказывали мне, какой это был красивый мальчик. Одним словом, настоящий француз!

До ЛИЯФа они в тот день так и не доехали – у Высоцкого был очень плотный график из-за съемок на «Ленфильме». Физики вернулись на директорской «Волге» ни с чем.

Общее впечатление: ну ни фигя себе!

У Николая Попова была фотография Высоцкого, на обороте которой поэт оставил ему в ту ночь автограф: «Коля! Я рад, что знаю тебя!»

Из архива Николая Попова

Байка третья

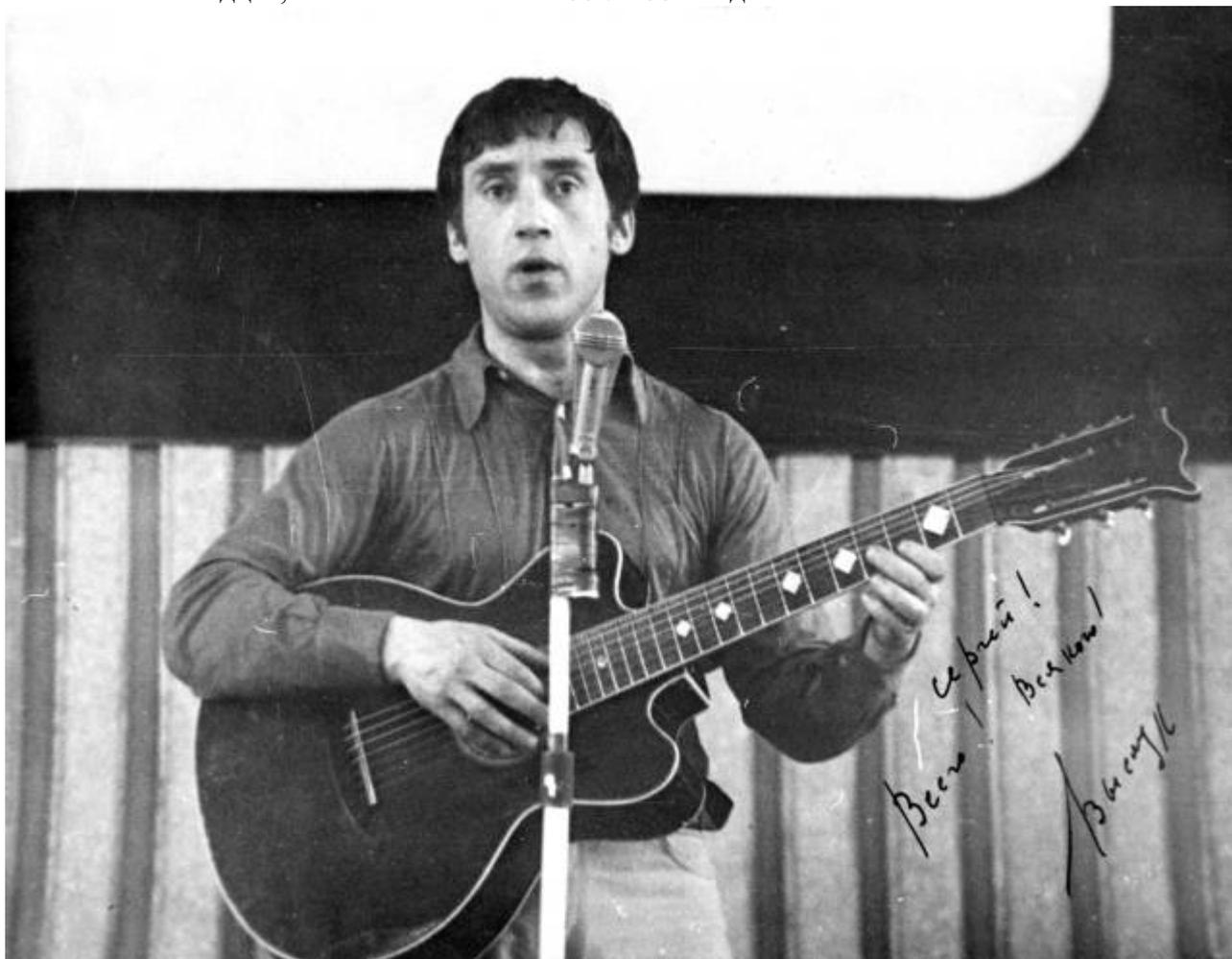
5 июня 1972 года физик Николай Попов пригласил Высоцкого к себе домой, чтобы в неформальной обстановке со знаменитым артистом смогли пообщаться его друзья – несколько наиболее продвинутых физиков с женами. Люди там собрались серьезные – доктора наук, академики – в том числе ученые с мировым именем. Достаточно сказать, что на этой встрече был академик Владимир Грибов – кто в курсе, оценит.

Высоцкий приехал с очаровательной девушкой, которую представил как начинающую звезду балета. Один участник той вечеринки так охарактеризовал его спутницу:

– Я в жизни больше такой красивой девушки не видел. Правда, у нее был недостаток: все казалось прекрасным, пока она не открывала рот...

В общем, как лет 25 спустя сказали в известном рекламном ролике: «Иногда лучше жевать, чем говорить». Но жвачка в те времена в Советском Союзе считалась дефицитом, а звезда балета внимание мужской части тусовки явно на себя маленько оттягивала. Даже от знаменитого Высоцкого – основной инстинкт, знаете ли.

Воспоминания о той вечеринке (пardon, господа коллекционеры, я знаю, что вы называете это «домашним концертом») насыщены мистикой и эротикой с объективным налетом социалистического реализма – в духе Михаила Булгакова. Хотя все они – честные воспоминания очевидцев, записанные мной в 1990–1991 годах.

Высоцкий на концерте в ЛИЯФе летом 1972 года (в этом концерте принимали участие актеры Театра на Таганке, в частности Иван Дыховичный). Автограф адресован автору снимка – Сергею Хмелеву

Байка четвертая

От одного участника того памятного застолья узнал, как оно началось. С моей точки зрения, рассказанное нельзя рассматривать иначе как причудливый изгиб фантазии – впрочем, каждый может отнести к этому по-разному.

Итак, Высоцкий с балериной зашли в квартиру, все сели за накрытый стол. Высоцкий, по словам моего собеседника, обратил внимание, что перед ним стоит бутылка коньяка, а перед другими – обычное сухое вино. Якобы это обстоятельство сподвигло его на рассказ о том, как он пьет, – в противовес интеллигентам, которые культуры питья лишены напрочь (с чего якобы этот рассказ начался).

По словам моего собеседника, Высоцкий рассказал, что он пьет так.

Во-первых, это происходит один раз в году, когда у него бывает отпуск. Он уезжает в лес, лучше в тайгу, где покупает водку – не ящик, не два, а намного больше. Пьет, сколько хочет, но водки, как правило, не хватает. Заканчивает самогонем и через месяц чувствует, что оказывается на том свете. И вот тогда он приходит на ближайшую шахту или прииск, находит баню и неделю там парится, благодаря чему возвращается с того света. Потом находит гитару, дает концерт, получает деньги, на них покупает билет обратно в Москву и

больше не пьет. До следующего отпуска...

Анализировать такое описание этой, якобы рассказанной Высоцким, истории я не в состоянии.

Байка пятая

В 60 – 70-е годы в Советском Союзе помимо прочих были две популярные личности: актер Михаил Яншин и сельская труженица Надежда Заглада. Яншин был комедийным актером, он работал во МХАТе и с 1930 по 1974 год снимался во многих фильмах. Надежда Заглада прославилась во времена Хрущева на ниве свекловодства, за что в 1960 году была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Советское правительство пропиарило товарища Загладу через центральную прессу, чему она сама активно способствовала, выступая по любому поводу и на любые темы, в том числе на те, в которых она ровным счетом ничего не смыслила.

Так вот, один из гостей Николая Попова в ночь на 6 июня 1972 года утверждал, будто Высоцкий рассказывал про диалог между Яншиным и Загладой. Якобы на какой-то встрече актера с трудящимися Заглада встала и говорит:

– Знаете, товарищ Яншин, что-то в последнее время такие-то и такие-то актеры как-то не так играют. Халтурят, в общем. Народ, понимаете ли, не доволен...

И далее в том же духе.

А Яншин, якобы по словам Высоцкого, слушал-слушал и отвечает вопросом:

– А скажите мне, товарищ Заглада, почему огурцы на рынке такие дорогие?!

Как говорится, хотите – верьте, не хотите – как хотите. В пользу правдоподобности этой байки говорит то обстоятельство, что аналогичные слова писатель Владимир Войнович приписал актеру Грибову, который якобы так отреагировал на поучения Заглады:

– У нас все разбираются в искусстве, от Хрущева до Заглады, а огурцы на рынке три рубля килограмм...

Байка шестая

Общаясь с участвовавшим в той вечеринке физиком Германом Соколовым, я с удивлением узнал, что Высоцкого, оказывается, во время его поездки все время спрашивали: а есть ли у него «более злой» вариант знаменитой «Охоты на волков». Якобы об этом рассказал сам Высоцкий, после чего спел этот «более злой» вариант.

По словам Германа Соколова, фабула «более злой» «Охоты на волков» сводилась к тому, что главного героя песни некий большой начальник пригласил в свой кабинет спеть «Охоту на волков» и даже пообещал, что ему ничего за это не будет – в смысле никаких неприятностей. Но герой песни понимал, что если он споет – то неприятности точно будут. Но и не спеть нельзя. А вокруг, по словам моего собеседника, расселись волки – приготовились слушать. А герой песни время тянет, петь не решается. И тут самый младший волк говорит певцу: мол, ты не бойся, мой папа – самый главный волк, поэтому тебе точно ничего не будет...

Чем песня закончилась, Герман Соколов не запомнил. Зато, по его словам, сразу после того, как Высоцкий спел ее, включили свет (выходит, он пел в темноте!), увидели, что на часах 5 утра, и стали расходиться.

Остается добавить, что Николай Попов дал мне послушать и переписать магнитофонную запись песен, которые Высоцкий спел в ту ночь. Там действительно была песня:

*Прошла пора вступлений и прилюдий,
Все хорошо – не вру, без дураков.
Меня зовут к себе большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков»...*

Только песня эта была исполнена в обычном, а не в «более злом» варианте. Да и вообще, про «более злой» вариант этой песни я не слышал, хотя с творчеством Высоцкого знаком, прямо скажем, не понаслышке.

В общем, мистика какая-то.

Высоцкий на концерте в ЛИЯФе летом 1972 года. Автор снимка Сергей Хмелев получил этот автограф, когда привез Высоцкому пачку своих фотографий в Москву

Байка седьмая

Воспоминания о той встрече ее организатора Николая Попова совсем в другой стилистике. Например, вот как ему запомнился разговор с Высоцким про запреты на творчество:

– Если идет поезд, и перед поездом сто человек лягут на рельсы, то на сто первом поезд остановится. Но никому не хочется быть в первой сотне, – якобы сказал Высоцкий...

Или вот такой эпизод

У Николая Попова была собрана неплохая библиотека. Высоцкий заинтересовался, а Николай, увидев интерес, предложил:

– Володя, книга, которую ты выберешь, – твоя.

Высоцкий, по словам Попова, выбрал две книги: «Жизнь Христа» французского философа Ренана в дореволюционном издании и Библию. С Библией вышел конфуз.

По словам Антонины, жены Николая (очаровательная женщина, руками которой был приготовлен стол в ту ночь с 5 на 6 июля 1972 года), Библия принадлежала мужу ее подруги

– она взяла ее почитать. Антонина с ужасом наблюдала, как супруг широким жестом подарил ее Высоцкому (она зашла в комнату как раз в тот момент, когда Высоцкий, прижав Библию к груди, благодарил Попова), потому как знала: муж подруги – классический советский книголюб, который просто так ни с одной из своих книг не расстанется. А шел, напомним, 1972 год – сложно сказать, что тогда в романовском Ленинграде было труднее достать – Библию или автомат Калашникова.

Переговоры с подругой и с ее мужем ни к чему не привели. Попытки давить на чувство прекрасного – мол, ваша Библия теперь в руках величайшего поэта современности – наталкивались на железобетонное: вы у меня Библию взяли, вы мне ее и верните.

Антонина Попова рассказала мне, что ей пришлось написать Высоцкому письмо, где с бесконечными извинениями содержалась просьба вернуть Библию. По словам женщины, Библия в конце концов была возвращена законному владельцу.

Байка восьмая

Дальше – больше. Представим: ночь, квартира в сталинском доме у Черной речки. Десятка два человек активно общаются. Вдруг в дверь звонят. Хозяйка открывает и видит незнакомого мужчину с большим чемоданом. У мужчины характерная внешность борца – низкий лоб, большой подбородок, широкая кость и мощный торс.

– Я, – говорит, – к Володе.

С этими словами он оттесняет хозяйку могучим плечом, проходит в комнату, где сидят гости, и, не обращая ни на кого внимания, деловито достает из чемодана магнитофон и начинает записывать. Всем становится совершенно очевидно, что с Высоцким пришелец не знаком, но самого пришельца это несколько не беспокоит. Пока магнитофон крутится, он достает из чемодана фотоаппарат, устанавливает вспышку и фотографирует всех, кто находился в тот момент в квартире.

В 5 часов утра Высоцкий сказал: «Все!» – взял за руку балерину и уехал. Гости стали расходиться, человек с чемоданом молча ушел – с тех пор его никто не видел.

Высоцкий на сцене ЛИЯФа во время выступления Ивана Дыховичного. Фото Сергея Хмелева

Байка девятая

Один очевидец следующим образом выражал свое возмущение вульгарным видом сопровождавшей Высоцкого балерины:

«У нее была неприлично короткая юбка, из-под которой, когда она нагибалась, виднелась задница. И она специально принимала такие позы, чтобы привлечь внимание Высоцкого, который вместо разговоров о творчестве, вместо песен смотрел на ноги и попу девушки!»

Мне показалось, что собеседник немного приврал – он не мог знать, куда смотрел Высоцкий, потому что, похоже, сам был слишком увлечен внешностью девушки. Особенно когда она нагибалась. Хотя я так и не понял – зачем она нагибалась-то? Не полы же мыть. Может, физик малость преувеличил, добавив к впечатлению, произведенному на него балериной, собственные эротические фантазии?

К тому же свою роль в формировании таких фантазий могло сыграть той жаркой летней ночью и спиртное, присутствовавшее на столе в изобилии. Впрочем, очевидцы утверждают, что сами они пили только сухое вино, Высоцкий – исключительно чай, а длинноногая балерина налегала на коньяк...

Кстати, «звезду балета» после окончания вечеринки доставили домой. Как бы ни хотелось очевидцам-физикам, для которых жизнь популярного актера представляется вечной восточной сказкой, но длинноногую красавицу Высоцкий «сдал на руки» ее маме, которая встречала дочь на балконе (были белые ночи). В гостиницу актера повезли одного.

Высоцкий на последнем концерте в ЛИЯФе в октябре 1974 года. Фото Владислава Толчина

Байка десятая

Бывший сотрудник ЛИЯФа Григорий Борохович рассказал мне занимательную историю. Якобы во время застолья Высоцкого спросили о том, что такое «бульники». Вопрос касался песни-сказки про нечисть, где есть такие строки:

*Соловей-разбойник главный
Им устроил буйный пир.
А от них был змей трехглавый
И слуга его вампир.
Пили зелье в черепах,
Ели бульники,
Танцевали на гробах,
Богохульники...*

По словам Григория Залмановича, Высоцкий ответил так: «бульники» – это трансформация от слова «бульжники», придуманная им самим для рифмы, – «бульжники» и «богохульники» не рифмуются.

Видимо, этот эпизод может показаться интересным для исследователей филологической стороны творчества поэта. Я попробовал провести собственное скромное изыскание с помощью «Словаря живого великорусского языка Даля». Там такого слова вообще нет, равно как и в словаре Ожегова. Впрочем, Даль предлагает несколько вариантов старых русских слов, которые употреблялись вместо слова «бульжник» и по звучанию напоминают «бульники». Например, «булыга» или «булыч». Кроме того, словом «бульбух», по Далю, обозначался водяной пузырь от брошенного камня.

К сожалению, выяснить подробности этого разговора теперь уже вряд ли возможно – Григорий Борухович умер от рака примерно через год после нашей встречи, а другие очевидцы этого разговора почти не помнят.

Зато – мир тесен – 11 лет спустя у меня в службе расследований Агентства журналистских расследований начала работать замечательная журналистка Ирина Борухович. Она оказалась дочерью Григория Залмановича.

Байка одиннадцатая

На один из концертов в ЛИЯФе Высоцкий приехал в одиночестве – во всяком случае, без женщины. И что вы думаете: воспоминания очевидцев тут же этот пробел восполнили. Незадолго до начала концерта Высоцкий, оказывается, умудрился познакомиться с очаровательной блондинкой, на которую так «запал», что выдвинул совершенно неожиданное требование:

– Я хочу, – якобы сказал Высоцкий, – чтобы эта девушка во время концерта сидела в первом ряду прямо передо мной. Буду петь для нее.

Очевидцы (и не один!) вспоминают, что требование артиста было незамедлительно выполнено: тот концерт предназначался исключительно новой музе. И еще 400 сотрудникам института – заодно.

Мне рассказали, что муза работала продавщицей в местном буфете.

Байка двенадцатая

Интересны воспоминания сотрудника ЛИЯФа Игоря Петрова. По его словам, после одного из концертов он подошел к Высоцкому с неожиданной просьбой:

– Не могли бы вы, Владимир Семенович, посодействовать в организации выступления у нас поэта Евгения Евтушенко? – спросил он.

– Я попробую, – якобы ответил Высоцкий. И добавил: – Да, мы с Женей делим славу на Руси...

А еще есть мнение, что по дороге на один из концертов в ЛИЯФе в 1972 году Высоцкий заявил, что с песнями завязывает – мол, теперь только стихи.

Справка

...

В самом Физико-техническом институте имени Иоффе и в его гатчинском филиале, который с конца 60-х стал самостоятельным Ленинградским институтом ядерной физики, Высоцкий выступал пять раз:

- с 15 по 18 мая 1967 года;
- 3 октября 1967 года;
- 24 июня 1972 года;

- 30 июня 1972 года;
- 19 октября 1974 года.

Кроме того, в ночь с 5 на 6 июля 1972 года Высоцкий пел дома у одного из ведущих сотрудников ЛИЯФа Николая Попова.

Физики-интриганы

Концерт, которого не было 27 июня 1972 года, Агрофизический институт

Самая детективная, полная интриг история, связанная с организацией концерта Высоцкого в Ленинграде, произошла 27 июня 1972 года в Агрофизическом институте. По словам одного из организаторов концерта, партийный руководитель института специально инициировал приглашение Высоцкого, чтобы подставить под гнев городских партийных боссов других руководителей института, с которыми у него были конфликтные отношения. Сам он, естественно, категорически отрицал нелепые обвинения.

В январе 2003 года я опубликовал эту главу в виде статьи в газете «Ваш тайный советник» – то была моя первая большая серьезная публикация про ленинградскую биографию Владимира Высоцкого. И в данном случае приводится газетный вариант материала с небольшими корректировками – он кажется мне наиболее удачным, хотя и немного «не попадающим» в стилистику остальных глав этой книги.

По словам работавшего в конце 60-х – начале 70-х годов заведующим гаражом в ленинградском Агрофизическом институте Валентина Муравского, бывшего одним из ленинградских приятелей Высоцкого, знакомство артиста с этим заведением началось в январе 1968 года, когда Марина Влади приехала в Ленинград, где он в то время заканчивал съемки «Интервенции». Валентин Муравский пару раз водил Высоцкого и Марину Влади в институтский буфет пообедать. В Ленинграде тогда никаких бистро не было, в кафе можно было получить вчерашний бутерброд и «ведерный» кофе с булочкой, а в ресторанах быстро не обслуживали, так что посещение институтской столовой в принципе было вполне оправданно. И вот скромные агрофизики после второго-третьего раза догадались, кто обедает в их столовой, и начали приставать к Валентину Муравскому с просьбами: пригласи к нам Высоцкого! Муравский, по его словам, согласился, Высоцкий – тоже, в результате чего в малозаметном для не технической интеллигенции научном учреждении разгорелся невероятно показательный для того времени скандал.

Вот как это происходило, со слов бывшего председателя культурно-массовой комиссии при профкоме Агрофизического института Сергея Мелещенко (который ставит в центре этой истории себя и практически не находит там места для Муравского, – впрочем, теперь уже такие нюансы не имеют значения):

– В начале июня 1972 года у нас в профкоме раздался телефонный звонок. Женщина, представившаяся актрисой Московского театра на Таганке Светланой Жуковой, поинтересовалась, не хотим ли мы, чтобы у нас в институте прошел концерт нескольких актеров театра? Мы, конечно же, хотели (Театр на Таганке, Высоцкий – тогда все болели ими!), поэтому договорились о времени, о цене (рублей 200–300), я лично вырезал билетки, поэтому помню дату – концерт состоялся 12 июня. Они пели, показывали пластические этюды, отрывки из спектаклей и очень неудобно себя чувствовали, когда после концерта разные работники института задавали им один и тот же вопрос: нельзя ли пригласить самого Высоцкого?!

Позже, когда концерт Высоцкого не состоялся из-за того, что кто-то заранее сообщил о нем в ленинградские партийные органы, сотрудники Агрофизического института пытались выяснить, кто же тот злодей, по чьей вине они не смогли увидеть живую легенду? Выяснить

не смогли, хотя каждая группа агрофизиков имела по этому поводу собственное мнение; говорят, только суровая дисциплина позволила избежать после несостоявшегося концерта массовых потасовок в коридорах. Одни говорили, что, дескать, есть у нас два стукача, наверняка, мол, один из них и сообщил. Не исключался и такой вариант, что «сливом» информации реализовал свою обиду какой-нибудь рядовой сотрудник института, которому просто не досталось билета. Тем временем в театральных кругах ходили совсем другие слухи.

Актеры перешептывались, указывая пальцами друг на друга: вот, мол, такой-то завидует Высоцкому, он выступил в Агрофизическом институте в составе группы актеров и получил сорок рублей, а Высоцкого пригласили – так ему одному хотели дать целых двести! Дескать, завистник и «настучал», такие вот у них, актеров, закулисные интриги! Не случайно Высоцкий старался не принимать участия в «левых» концертах своих коллег: во-первых, чтобы быть подальше от завистников, а во-вторых, получить двести рублей за полтора-два часа работы куда приятнее, чем тридцать – сорок. Наверное, поэтому 12 июня 1972 года его не оказалось среди выступавших в Агрофизическом институте таганцев, которые, как оказалось, самим фактом своего появления без Высоцкого спровоцировали агрофизиков пригласить его!

Но в Агрофизическом институте, судя по всему, на этой почве разгоралась своя, никак не связанная с театральной жизнью интрига. Высоцкому в ней было отведено место живца.

За день до описываемых здесь событий Высоцкий успешно выступал в Гатчине. Фото Сергея Хмелева

Рассказывает бывший председатель культурно-массовой комиссии при профкоме Агрофизического института Сергей Мелешенко: – Пригласив актеров Таганки, мы в первый раз нарушили закон – организовали «левый» платный концерт. Я очень удивился, что наш секретарь партийной организации Николай Филиппович Бондаренко не возражал, но еще

больше я удивился, когда через несколько дней он подошел ко мне и спросил, не могу ли я пригласить Высоцкого. Дело в том, что в середине 60-х годов я организовал в нашем институте художественную самодеятельность, которая весьма раскованно себя проявляла по отношению к руководству института, к чему само руководство относилось с юмором. Все было хорошо до тех пор, пока мы не позволили себе подшутить над Николаем Филипповичем, – увлечение самодеятельностью в Агрофизическом сразу закончилось. А до того случая мы не задевали Бондаренко в наших юмористических сценках – мы считали, что он не достоин внимания в сатирической форме. А он думал, будто мы его боимся, потому так бурно и среагировал. Так что какого-либо проявления демократичности со стороны уважаемого Николая Филипповича я не ожидал, и вдруг: актеры Театра на Таганке? – пожалуйста! А нельзя ли еще и Высоцкого?

Конечно, было нельзя. Ни в коем случае. Но тогда я этого не понимал...

Рассказывает бывший заведующий гаражом Агрофизического института Валентин Муравский:

– В тот период времени мы с Высоцким довольно много общались. Сотрудники института очень настойчиво просили пригласить его к нам, я передал их просьбу, но Высоцкий к ней отнесся прохладно. Он сказал, что это сложно, что должна быть концертная программа, которую следует официально утвердить, а оформлять все надо через «Ленконцерт». Но от меня не отставали, поэтому я не отставал от Высоцкого, в конце концов Володя сказал, что он в принципе готов, но не в виде концерта, а в виде встречи для узкого круга. Чтобы не было похоже на официальный концерт. Я заговорил о деньгах (мне поручили сказать об этом сотрудники института), но Высоцкий категорически отверг это предложение, сказал, что гонорара быть не должно, но в принципе он не откажется, если ему сделают какой-нибудь подарок: цветы, конфеты, сувенир, еще что-то, но это не должно выглядеть как будто он поет за деньги...

Валентин Муравский познакомился с Высоцким на проходивших в Ленинграде съемках фильма Геннадия Полоки «Интервенция». Валентин Тихонович подрабатывал там в массовках и трюках, кроме того, у него был свой автомобиль, который он также использовал, за что в то время платили больше, чем просто рядовому каскадеру.

Валентин Тихонович – очень интересный рассказчик, у него была нелегкая судьба, связанная с годами сталинских репрессий, – я думаю, на этой почве они с Высоцким и сошлись. Наверное, поэтому Муравский несколько идеализирует его образ – уж не знаю, специально для публикации или искренне. По моим сведениям, Владимир Семенович придавал огромное значение своему песенному творчеству и очень ценил возможность выступать публично. При этом ему катастрофически не хватало денег, а потому он очень жестко относился к тому, чтобы все его выступления прилично оплачивались.

В этом плане намного более похожи на правду воспоминания другого бывшего сотрудника Агрофизического института Израиля Иоффе:

– После состоявшегося у нас концерта актеров Театра на Таганке я рассказал своим друзьям, что пару раз встречался с Высоцким в частных компаниях. Несколько сотрудников института заглялись тогда идеей пригласить Высоцкого в квартиру одного из них, чтобы познакомиться и, конечно же, послушать и записать его песни. Тогда как раз приехал в Ленинград на гастроли Театр на Таганке, я подстерег Высоцкого после спектакля «Пугачев» в Доме культуры Первой пятилетки и передал ему наше предложение. Владимир Семенович вспомнил меня, но от предложения отказался. «Мне, – сказал Высоцкий, – важны не деньги, а аудитория, потому что я артист...»

После этого Высоцкий якобы сказал одному из своих приятелей: «Меня поражают люди, которые думают, будто я поеду куда угодно, если они заплатят. Тем более после концерта наших в Агрофизическом. Они и так злые были: пели, плясали, а им вместо восхищения кричат: „Подай Высоцкого!“ Ленинград – город маленький, я сейчас съезжу к этим агрофизикам на чью-нибудь дачу или квартиру, об этом через общих знакомых таганцы узнают и опять будут на меня косо смотреть: мол, они стараются, выступают, а Высоцкий

этим пользуется и в десять раз больше зарабатывает...»

Высоцкий действительно не любил частных приглашений в незнакомые компании и практически всегда избегал их. Но от публичных выступлений на большую аудиторию он никогда не отказывался. Поэтому поехать в актовЫй зал Агрофизического института Высоцкий согласился, концерт назначили на 16 часов 27 июня. Владимир Семенович, судя по всему, даже не подозревал, какая в связи с этим закручивается интрига и насколько в тот день он сам был близок к серьезным неприятностям.

Рассказывает бывший председатель культурно-массовой комиссии при профкоме Агрофизического института Сергей Мелешенко: – Секретарь парткома Николай Филиппович Бондаренко спросил меня, нельзя ли пригласить Высоцкого не на один, а на два концерта. Пригласим, говорит, коллег из соседнего НИИ, им же тоже интересно! Я тогда, честно говоря, боялся, что он и на один не согласится, поэтому стал отнекиваться: дескать, беспорядок будет, да и вообще как-то...

В общем, договорились об одном концерте, мы с шофером Валентином Муравским собирались уже ехать за Высоцким в «Асторию», тут появился порученец из Выборгского райкома партии. Вы, говорит, понимаете, что сам факт выступления Высоцкого – антисоветский акт, что вы льете воду на мельницу сионистской разведки, что Высоцкий сам агент сионистской разведки и руководитель антисоветского подполья?! Имейте в виду, сказал райкомовский товарищ, что на очень высоком уровне уже принято решение гнать из нашего общества всех, кто когда-либо поддерживал с Высоцким какие-либо отношения!

Наши начальники, чтобы хоть как-то сгладить конфликт и успокоить порученца, стали говорить, что, мол, антисоветские песни у Высоцкого или нет – вопрос спорный, что он, конечно, где-то на грани балансирует, но все-таки некоторые песни у Высоцкого не совсем антисоветские, а скорее даже и немного советские, и так далее. Пока все это происходило, я решил, что в такой ситуации надо проявить решительность, а потому тихо вышел из парткома и поехал за Высоцким. Владимиру Семеновичу, думаю, ничего говорить не буду, привезу его прямо в институт, райкомовскому борцу с сионистами деваться будет некуда, Высоцкий выступит, а потом – ничего страшного: поорут и успокоятся. В худшем случае объявят выговор...

Сергей Николаевич Мелешенко – очень эмоциональный человек, поэтому я для себя решил, что не стоит воспринимать буквально все те слова, которые он вкладывает по прошествии многих лет в уста райкомовского функционера. Сергей Николаевич, скорее всего, пытался этими словами выразить эмоциональный накал той ситуации. Хотя, впрочем, кто теперь может однозначно сказать, что именно тогда говорили в парткоме Агрофизического института? Слишком много воды утекло. Вот, например, как вспоминает о том же самом бывший заместитель директора НИИ Юрий Тихонович Омельченко:

– За пару часов до того момента, когда должен был состояться концерт, меня вызвал к себе исполнявший обязанности директора института Исаак Борисович Реут. У нас с ним состоялся примерно такой разговор:

– Юрий Тихонович, – говорит он мне, – тут звонили из райкома, требуют запретить Высоцкому выступать у нас в институте. Говорят, что без «Ленконцерта» это происходить не должно. Грозят увольнением и исключением из партии. Я им сказал перезвонить в профком – это ж они организуют. Как вы думаете, что делать?

– Вы, – отвечаю, – руководитель, вам и решать.

Что я еще мог ему сказать в такой ситуации? Но это было только начало. Возвращаюсь я в свой кабинет, звонит телефон. На проводе первый секретарь Выборгского райкома Валерий Митрофанович Никифоров.

– Юрий Тихонович, – спрашивает, – вы коммунист?

– Да, – говорю, – коммунист.

– Так вот, имейте в виду, если допустите выступление Высоцкого, то вместе с Реутом вылетите из партии.

Я попробовал «включить дурака».

– Простите, – говорю, – Валерий Митрофанович, но ведь Высоцкий – известный и вполне официальный артист, его песни все и так на магнитофонах слушают...
– Юрий Тихонович, – перебил меня Никифоров, – Высоцкому не следует выступать в Ленинграде, это мнение товарищей из обкома, оно согласовано в ЦК.
– Тогда пришлите мне письменное распоряжение, – ничего умнее мне в тот момент в голову не пришло, Никифоров сделал вид, что не услышал эту фразу. Я начал оправдываться:

– Уже поздно, – отвечаю, – билеты распроданы, люди ждут Высоцкого.
– Кто у вас отвечает за пропускную систему? – чувствую, председатель райкома теряет терпение.
– Я отвечаю...

– Так вот, имейте в виду: Высоцкого на территории института не должно быть! Доложил содержание этого разговора и. о. директора Реуту. А он на принцип пошел – не буду мешать Высоцкому, и все. Мы расходимся по местам, тут приезжает оперуполномоченный районного КГБ.

– Так, – говорит, – Высоцкий на территорию института попасть не должен! Скажите об этом охране.

– Не могу, – отвечаю, – охрана мне не подчиняется, она вневедомственная.

Оперативник плюнул и пошел говорить с охранниками сам.

О дальнейшем развитии событий вновь рассказывает бывший заведующий гаражом Агрофизического института Валентин Муравский: – Мы подъехали минут за пять до предполагаемого начала концерта, и то, что я увидел, меня шокировало. Ворота нашего института были закрыты, а перед ними – толпа людей. Все кричат, о чем-то спорят. Когда увидели нас – замолчали. Вышла вахтерша, узнала мою машину и, поколебавшись, пошла отпирать ворота. Позже я узнал, что ей это было строжайше запрещено. Но в этот момент кто-то подскочил к машине и сказал Сергею Мелешенко, что приехали люди из райкома партии и запретили проводить концерт, что двери актового зала заперты и опечатаны! Мелешенко вышел из машины, видимо, чтобы что-то узнать, а Высоцкий сразу сказал: «Валя, поехали отсюда». Тут к нам подошел еще один сотрудник института, давайте, говорит, Владимир Семенович, съездим к одному моему приятелю, вы там сможете попеть, мы вам заплатим столько же, сколько обещали за концерт. Володя ему резко отказал, мы развернулись и поехали ко мне домой. Настроение у нас было подавленное...

Вообще, тот день у Высоцкого не удался. Мне рассказали, как буквально за несколько часов до несостоявшегося концерта в Агрофизическом институте его поджидала еще одна неприятность. Это случилось, кажется, после дневного спектакля у Дворца культуры Первой пятилетки (ленинградские гастроли Театра на Таганке в 1972 году проходили там). Высоцкий с несколькими приятелями стояли у служебного входа и курили, неподалеку была припаркована машина – новенькие «жигули». Владелец машины что-то помялся рядом, потом подошел и говорит: – Видишь, Володя, это твоя машина, – и показывает рукой на свои «жигули».

Высоцкий не понял, все молча смотрели на этого человека, пытаюсь угадать, что он хочет. А он объяснил, что собирал записи песен Высоцкого, продавал их и накопил таким образом на «жигули»...

Но я отвлекся от событий в Агрофизическом институте.

Рассказывает бывший заместитель директора Агрофизического института Юрий Омельченко: – Через несколько дней нас всех – руководителей института – вызвали в райком, где объявили по строгому выговору. Кстати, директор Сергей Нерпин тоже получил «строгача», хотя в тот день, когда должен был выступать Высоцкий, он находился в командировке в Москве. А формулировка была такая: «За попытку организовать незаконный концерт В. Высоцкого». А еще вынесли такое решение: «Рекомендовать партийному бюро рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании Реута И. Б. в качестве заместителя директора института». Напомню, в тот злополучный день Иосиф Борисович исполнял

обязанности директора. А наш институтский партийный руководитель Николай Бондаренко никак не пострадал – он в это время находился на больничном.

Рассказывает бывший председатель культурно-массовой комиссии при профкоме Агрофизического института Сергей Мелешенко: – После этого долго еще на всех партийных инструктажах говорилось о том, что черная сионистская пропаганда коснулась многих ленинградских учреждений, вот, например, Агрофизического института, где процент евреев и так существенно превышает норму. А еще через какое-то время меня уволили, я ходил по всяким инстанциям восстанавливаться, а мне сочувственно так говорили: мол, что же вы в течение нескольких лет наживались на своих незаконных концертах?! Это они так интерпретировали нашу бесплатную художественную самодеятельность.

Руководство института было полностью дискредитировано, все руководители получили выговоры, по-моему, к ним применялись и другие административные меры. А Николай Бондаренко не пострадал – он сказал мне пригласить Высоцкого и лег на больничный. А о том, что изначально это была его идея, все почему-то забыли...

В общем, Сергей Мелешенко фактически воспроизвел интригующий сюжет для неплохого рассказа – закрученный такой сюжет с прилично проработанными персонажами.

В какой степени его видение тех событий соответствует действительности, мы, я думаю, теперь уже не узнаем никогда. Я, во всяком случае, не возьму на себя смелость утверждать тут что-либо конкретное. Тем более что мой разговор с Николаем Бондаренко, главным отрицательным персонажем истории, рассказанной Сергеем Мелешенко, не только ничего не прояснил, но, напротив, лишь запутал. Достаточно сказать, что Николай Бондаренко закончил разговор рекомендацией обратиться к Сергею Мелешенко, который, по его мнению, может рассказать про несостоявшийся в Агрофизическом институте концерт Высоцкого множество интересных подробностей! – Вы знаете, я мало что могу по этому поводу вспомнить, – сказал мне Николай Филиппович. – У нас работал тогда шофер Валя, который и предложил пригласить в институт Высоцкого. Я с большой радостью согласился – это же Высоцкий! Но потом получилось так, что я заболел и лег в больницу – поэтому все события развивались в мое отсутствие. Потом я узнал, что концерт запретили, и узнал, почему.

– *И почему же?*

– Формальная причина заключалась в том, что билеты на концерт не были надлежащим образом оформлены.

– *Вы своей властью разрешили организовать концерт Высоцкого, не спрашивая разрешения вышестоящих организаций?*

– Конечно, а зачем спрашивать? У нас в институте тогда много всяких концертов проходило, только все они были бесплатными. А концерт Высоцкого должен был быть платным – вот к нам и придрались.

– *А Сергей Мелешенко...*

– Да, конечно Мелешенко! Он тоже принимал какое-то участие в организации концерта. Вы обратитесь к Сереже, он должен знать всю подноготную этой истории. Он наверняка все вам расскажет...

Этот разговор у нас с Николаем Бондаренко происходил в октябре 1990 года. Спустя 10 лет, в январе 2001 года, мне вновь довелось пообщаться с Николаем Филипповичем. На этот раз он был гораздо откровеннее: – В каждом учреждении тогда было несколько стукачей – вот и получилось, что про готовившийся концерт Высоцкого узнали заранее, – сказал он мне. – Кто конкретно настучал, я не знаю. И о том, что Высоцкий «невъездной» и «непроходной», я узнал гораздо позже. А тогда я просто любил его песни.

– Сергей Мелешенко с *читает, что вы специально организовали все так, чтобы дискредитировать тогдашнее руководство института, – сказал я Николаю Филипповичу напрямую.*

– Это глупость, ведь я и был руководством. Я был заместителем директора института и секретарем партбюро, а директор Нерпин был моим другом и учителем...

В общем, Николай Бондаренко и не пытался отрицать, что решение пригласить в институт Высоцкого принимал сам. При этом Николай Филиппович, в отличие от других руководителей, никаких серьезных проблем по партийной линии в связи с этим не имел. Почему? Благодаря хорошим отношениям с первым секретарем Ленинградского обкома товарищем Романовым (о чем до меня дошли не вполне правдоподобные слухи)? И, может быть, про предполагаемый концерт Высоцкого в обком «стуканул» кто-то другой, а Николаю Филипповичу просто «повезло» – «вовремя» обострилась язва желудка? Но вот вопрос: почему же аналогичные скандалы не возникали в связи с другими концертами Высоцкого в нашем городе? Однозначного ответа у меня нет, но рискну предположить: несмотря на некоторую экспрессивность и неоднозначность суждений, Сергей Мелешенко оказался прав в главном – всему виной были внутриинститутские интриги, одна из сторон которых решила воспользоваться «запрещенным» Высоцким для сведения счетов с оппонентами.

Но обратим внимание: в процесс организации этого концерта вмешались сотрудники правоохранительных органов, а не только партийные работники. Они знали, что приедет Высоцкий, они знали, что ему заплатят 200 рублей, что деньги собраны и что происходит это будет без каких-либо мер предосторожности. Тогдашние законы вполне позволяли возбудить по данному факту (если, конечно, специально для этого дать концерту состояться) уголовное дело и предъявить в рамках этого дела обвинение самому Высоцкому, например по статье 153 советского Уголовного кодекса – «частнопредпринимательская деятельность».

Эта статья, кстати, предполагала наказание до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Но почему-то 27 июня 1972 года представители Выборгского райкома КПСС и сотрудники ленинградского КГБ не дождались, пока состоится концерт, чтобы привлечь Высоцкого к уголовной ответственности. Более того, данная ситуация вообще не имела процессуальных последствий – как будто правоохранительные органы решили ее не замечать.

В общем, эта история навсегда останется под знаком вопроса. Тем более что теперь уже абсолютно неважно, кто кого хотел дискредитировать.

Справка

...

За день до несостоявшегося концерта в Агрофизическом институте Высоцкий выступал в Ленинградском институте ядерной физики в Гатчине вместе с актером Театра на Таганке Иваном Дыховичным. Через 2 дня после несостоявшегося концерта Высоцкий вновь выступал в ЛИЯФе. А тот вечер 27 июля Высоцкий провел дома у заведовавшего автохозяйством АФИ Валентина Муравского.

Этот человек, как мне кажется, заслуживает отдельного рассказа, который вы сможете прочитать чуть позже в главе «„Як-истребитель“ и некоторые балетные истории».

«Позор для поэта»

Или об особенностях человеческого восприятия

История про несостоявшийся концерт Высоцкого в Агрофизическом институте на этом могла бы закончиться, когда бы не непредсказуемый характер пытавшегося его организовать Сергея Мелешенко. Во время общения с этим человеком я попросил его поделиться своими личными впечатлениями от общения с Высоцким.

Ответ на мою просьбу превзошел все ожидания.

Насколько я понял, Владимир Семенович Высоцкий и Сергей Николаевич Мелешенко

друг другу сразу не понравились. Эмоциональный диссонанс, по-видимому, начался еще в машине по дороге от «Астории» к зданию института. Если верить Сергею Мелешенко, то Высоцкий все время молчал, а потому Сергей Николаевич решил завести светский разговор. С его слов этот разговор начался примерно так: «Знаете, Владимир Семенович, – якобы сказал Мелешенко, – аудитория у нас не простая, а культурная, потому что мы долго приучали наш серый народ к вашим песням. Вот был у нас перед Новым годом концерт художественной самодеятельности, и мы там в качестве заставки вашу песню про шпиона использовали. Только вот вместо слов „опасаясь контрразведки, избегая жизни светской...“ мы пели „опасаясь контрразведки и девятой пятилетки“! Эту песню исполнял я, и вы знаете, народу даже больше понравилось».

Можно предположить, что Высоцкому это совсем не понравилось – он терпеть не мог, когда кто-то пытался что-то поменять в его песнях. По словам Сергея Николаевича, Высоцкий на его слова вообще никак не отреагировал и стал рассказывать какой-то пошлый анекдот, обращая при этом не к Сергею Николаевичу, а к сидевшим в машине водителю и молодой женщине. Та была одета в яркое желтое платье. Учитывая экспрессивность Сергея Николаевича, я могу предположить, что его разговор с Высоцким в машине мог начаться, например, со слов: «Я, Владимир Семенович, тоже вот занимаюсь самодеятельностью...»

Но это – мои домыслы, которые, наверное, не стоит воспринимать всерьез. Любопытно другое. После неудачной попытки организации концерта в Агрофизическом институте Сергей Мелешенко, по его собственным словам, решил все-таки продолжить свое знакомство с Высоцким, он подкараулил его у Дворца культуры Первой пятилетки после одного из спектаклей, подошел и сказал что-то типа такого: мол, так и так, Владимир Семенович, случился такой конфуз, и я вот хотел вообще поинтересоваться, правда ли, что вы запрещены?

Высоцкий, который, надо полагать, хотел поскорее забыть все, что было связано с Агрофизическим институтом, насколько я понял, не стесняясь в выражениях, сказал Сергею Николаевичу, что плевать он хотел на все запреты и что вообще хорошо бы было, если бы он, Сергей Мелешенко, больше не напоминал ему о своем существовании!

Как назло, в тот момент рядом с Высоцким якобы находилась та же очаровательная незнакомка в желтом платье, вместе с которой он ехал на концерт в Агрофизический институт. Когда Сергей Николаевич в этот раз подошел к Высоцкому, тот с девушкой по очереди садились на лошадь и фотографировались на фоне Мариинского театра.

Так что Сергей Николаевич, видимо, почувствовал себя уязвленным в присутствии одной и той же эффектной женщины дважды, после чего и создал по-своему уникальный словесный портрет Владимира Высоцкого. При встрече он охотно нарисовал мне его:

– Высоцкий был человеком абсолютно без юмора, с какими-то глубоко запрятыми комплексами неполноценности. Он привык царить, он нуждался только в той аудитории, которая была не на голову ниже его, а на три головы ниже. Он мог нормально общаться либо с люмпенами, либо со своими коллегами-актерами, причем комфортно ему было только с теми, кто все-таки хоть в чем-то был хуже него самого. А, например, на поэта Андрея Вознесенского он смотрел даже подобострастно, потому что тот – известный поэт, а Высоцкого поэтом не признавали. Правда, Вознесенский огромную бестактность позволил себе по отношению к Высоцкому, когда тот умер, – назвал его в своем стихотворении «меньшим братом». Это Высоцкого-то! Меньшими братьями вообще животных называют. А уж Вознесенскому до популярности Высоцкого было явно далеко, несмотря даже на официальное прижизненное признание. Но я-то еще тогда понимал, что Вознесенскому далеко до Высоцкого, только вот сам Высоцкий этого не понимал.

Такие люди, как Высоцкий, обладающие безусловными зачатками гениальности, после достижения определенной популярности начинают выдавать в ущерб качеству массу необработанного материала. Также и Высоцкий писал некачественные песни, а потом долго «обкатывал» их на своих концертах. Вот, например, известная песня «Мишка Шифман башковит, у него предвидение. Что мы видим, говорит, кроме телевидения?». У нас в

Агрофизическом был такой местный поэт Боря Потапов, он и то не позволил бы себе «предвидение» с «телевидением» зарифмовать! Это – позор для поэта, это говорило о том, что Высоцкий неадекватно воспринимал себя и окружающих.

Отсюда – его нарочитая агрессивность. Я думаю, что, будучи в глубине души человеком очень неглупым, он все это в моменты просветлений понимал, но ничего изменить не мог. Ведь если на фоне водки принимать еще и наркотики, то даже в Америке, при их медицине, долго не протянешь, а тем более у нас. Собственно, этим я теперь и объясняю все странности его поведения. В общем, я от Высоцкого в радиусе десяти метров старался бы не находиться, потому что он человеком был крайне неуютным и для деловых контактов абсолютно непригодным. Уж не знаю, как Марина Влади его терпела так долго, она – героическая женщина...

Признаюсь, после этого монолога я был не только шокирован, но и весьма заинтересован. Известно ведь, что все люди разные, Высоцкий – тоже. Может быть, Сергей Мелешенко случайно обнаружил у Высоцкого ту сторону характера, которую тот тщательно скрывал? Я решил подыграть Сергею Николаевичу и задал откровенно провокационный вопрос: – Скажите, – спросил я, – если бы вы не прочитали о том, что Высоцкий был алкоголиком и употреблял наркотики, как бы вы объяснили странности в его поведении?

– Как иначе можно объяснить тот факт, что человек настолько одаренный обладает столь низкой культурой? Но при этом он гениальные песни писал, типа «Охоты на волков», играл великолепно. В общем, личность такая, неполноценно, вернее, неравномерно развитая. Кстати, в последние годы Высоцкий стал, конечно, подниматься, но, чем больше он поднимался, тем меньше у него внутренний ОТК работал – все из-за той же неадекватности восприятия!

Остается добавить, что Сергей Мелешенко – не единственный человек, на которого Высоцкий произвел неприятное впечатление.

«Плохой парень»

Студентам и преподавателям Политехнического института Высоцкий не понравился 25 октября 1975 года, Дом ученых в Лесном

Среди ленинградских любителей творчества Владимира Высоцкого была группа лиц, на которых Высоцкий как человек произвел исключительно негативное впечатление. По какой-то непонятной мне причине все эти «неприятели» Высоцкого оказывались так или иначе связанными с Ленинградским политехническим институтом (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). К этому учебному заведению я равнодушен – лично его заканчивал, о чем, кстати, сохранил самые приятные впечатления.

Именно от них я узнавал, как Высоцкий проявлял жадность, фальшивил в отношениях с людьми, не находил в себе достаточно такта, чтобы установить контакт с аудиторией, – этот список можно продолжить. В общем, благодаря коллегам-политехникам я узнал про непривычного для большинства Высоцкого – про «плохого парня».

Эта глава о том, как Высоцкий казался «плохим парнем» некоторым советским гражданам – то есть по-человечески не всегда производил столь блестящее впечатление, как его песни. Предвижу неприязненные выпады со стороны высокоцковедов и высокоцколюбов – что ж, потерпите, дорогие, я стараюсь быть объективным. Тем более что человеческие качества поэта с качеством его творчества могут быть и не связаны (это мое личное мнение, которое, кстати, чрезвычайно легко подтвердить многочисленными историческими примерами).

«Ну, тогда я пошел...»

О том, что у Высоцкого был один «провальный» концерт в Ленинграде, я знал почти с самого начала своего исследования его ленинградской биографии. И по иронии судьбы конкретикой эти слухи для меня обросли благодаря все тому же бывшему сотруднику Агрофизического института Сергею Мелешенко (кстати, в студенческие годы политехнику, «распределенному», если не ошибаюсь, с физико-механического факультета в Агрофизический институт). Именно от Сергея Николаевича я впервые узнал, что «провальный» концерт Высоцкого происходил в Доме ученых в Лесном – так назывался Дом ученых, расположенный на территории парка Политехнического института. Между прочим, Агрофизический институт располагается в нескольких сотнях метров от этого парка – все в одном квартале.

Сергей Николаевич описал мне происшедшее на том концерте в свойственной ему манере, и, честно говоря, сначала я подумал, будто ничего особенного, кроме появления на том концерте Сергея Николаевича с его специальным восприятием окружающей действительности, там не произошло. Но, учитывая упомянутые слухи, я, естественно, не мог не заинтересоваться этой историей.

Вынужден признать: я был неправ.

Вот как виделся прошедший 25 октября 1974 года концерт Высоцкого в Доме ученых в Лесном Сергею Мелешенко:

«Высоцкий опоздал минут на сорок, сказал, что просит не аплодировать, – а ему никто аплодировать и не стал! Я недавно прочитал книгу Марины Влади и понял, что Высоцкий был наколотым и терял уже чувство реальности. Представьте: он говорит профессорам и академикам: мол, вопросы из личной жизни прошу не задавать, по поводу съемок фильмов еще, так и быть, расскажу... Вот ему никто и не хлопал! Я один там сидел и, как Брежнев, беззвучно двигал ладонями, что его, по-моему, только больше раздражало.

Потом кто-то все-таки хлопнул, Высоцкий сказал, что, мол, не надо, раз вы такие дисциплинированные, – после этого аплодисментов вообще не было.

На концерте был еще такой Саша – известный в Политехе хулиган и пьяница. Он сам по себе был неадекватен, а на концерте, видимо „словив“ атмосферу, так нарочито грубо кричал Высоцкому:

– „Баньку по-черному“ споешь?

– Нет, не буду!

– А „по-белому“?

– И „по-белому“ не буду!

– Ну, тогда я пошел...

И Саша демонстративно выходил из зала – специально, чтобы позлить Высоцкого...»

Тут, как говорится, без комментариев, тем более что по записи данного концерта не совсем понятно, что из этих слов правда – что нет. Практика показывает, что на записях концертов Высоцкого часто не слышны все реплики из зала, на которые он так или иначе реагировал. Но что-то похожее, как минимум, передающее атмосферу напряжения, на этой записи, безусловно, присутствует.

Впрочем, повторюсь, я не воспринял слова Сергея Мелешенко всерьез до тех пор, пока не услышал что-то подобное от человека, которого в излишней эмоциональности или в каком-то неодобрительном отношении к Высоцкому упрекнуть точно невозможно. Я имею в виду бывшего преподавателя Политеха Виктора Алексеевича Пупырева, с которым мы познакомились в тот период времени, когда я сам учился в этом институте, – нас познакомил один из моих преподавателей. Виктор Пупырев никогда лично знаком с Высоцким не был, в связи с чем заподозрить его в какой-то обиде, уязвленном самолюбии и в чем-то подобном невозможно (многим случайно оказывавшимся рядом с Высоцким людям часто не нравилось, что тот не особенно охотно с ними общается, – а Высоцкий, думаю, просто уставал от переизбытка общения). Виктор Пупырев какими-либо такими комплексами

страдать не мог в принципе.

Между тем у Виктора Алексеевича сложилось впечатление, будто Высоцкий приехал на концерт в Дом ученых в Лесном пьяный.

– После сильного опоздания Высоцкий наконец появился, вышел на сцену, но что-то у него там не ладилось – это чувствовалось, – рассказал мне Виктор Пупырев. – Он начал настраивать гитару, потом взял несколько аккордов, потом снова стал настраивать гитару, потом кто-то закричал, что, мол, давай играть, он огрызнулся типа «если не нравится, то иди отсюда», потом спел пару песен, плохо очень спел, потом сказал: «Ребята, вы меня извините, я сегодня петь не могу» – и ушел. Кто-то остался сдавать билеты, а я просто ушел...

Хочу сразу определиться: запись данного концерта существует, она довольно известна: Высоцкий без всяких проблем отпел тогда минут 45, действительно просил не хлопать, чтобы не тратить время, а начал концерт с того, что извинился за опоздание. Опоздание и вправду получилось приличным – из-за какой-то аварии было не проехать через площадь Мужества. Я внимательно прослушал запись того концерта, и не один раз – нет оснований говорить, будто Высоцкий там был пьяным. Я вообще не слышал ни об одном публичном выступлении Высоцкого, на котором он был бы неадекватен, – поэт чрезвычайно серьезно относился к своему песенному творчеству и, как следствие этого, очень уважал слушателей.

Да, он не по своей вине опоздал (ну, может быть, немного по своей – он всегда все делал в последний момент без временного запаса на возможные непредвиденные обстоятельства). Да, у него не сложился контакт с аудиторией. Да, имели место некорректные выкрики из зала, на которые Высоцкий всегда реагировал болезненно – он вообще был очень чувствителен к хамству. Но того, о чем рассказали Сергей Мелешенко и Виктор Пупырев, – и близко не было. При этом я готов поклясться – они друг с другом не сговаривались, более того, я специально выяснял – они вообще не были между собой знакомы.

А чтобы добавить этой загадке элемент интриги, добавлю, что и Виктор Пупырев, и Сергей Мелешенко, по моим сведениям, всегда находились в оппозиции ко всему, связанному с партийным руководством вообще и собственным руководством в частности. Посему мне представляется крайне сомнительным, чтобы именно эти люди в такой степени попали под влияние сидевших в зале официальных лиц (а на том концерте, говорят, присутствовало чуть ли не все административное и партийное руководство Политеха), чтобы запомнить Высоцкого столь негативным образом.

Почему же их воспоминания про этот концерт столь однотипно и странно трансформировались? Как говорил Глеб Жеглов, запишем в загадки. Наверное, в Ленинградском политехническом институте была в то время какая-то паранормальная зона – в конце концов, наукой еще далеко не все изучено...

Случайный свидетель

Совершенно случайным образом мне довелось «словить» реакцию самого Высоцкого на тот концерт и на ту аудиторию. Любопытно, что реакция эта касалась момента, когда концерт еще не начался, и Высоцкий, соответственно, не успел увидеть и почувствовать аудиторию.

У входа в Дом ученых в Лесном его подкарауливал один из многочисленных политеховских студентов Аркадий Осипович. Друзья-однокурсники возложили на него ответственную миссию договориться с Высоцким о выступлении в небольшом актовом зале студенческого общежития.

Так как Высоцкий на тот концерт опоздал, то разговор со студентом происходил на бегу. По словам Аркадия, от выступления Высоцкий отказался категорически, сославшись на беспросветную занятость. При этом он якобы сказал Аркадию, что, если бы не ранее достигнутые договоренности, то с намного большим удовольствием выступил бы перед студентами, а не перед ожидавшей его аудиторией. У Аркадия Осиповича, по его словам,

уже тогда сложилось впечатление, будто Высоцкий имел какой-то изначально негативный настрой перед тем концертом – не исключено, что он был заблаговременно проинформирован о качественном составе аудитории. А может быть, просто кто-то чуть раньше испортил ему настроение по совершенно постороннему поводу – об этом ни Аркадий Осипович, ни тем более я знать не можем.

Чтобы студент не остался совсем уж разочарованным, Высоцкий провел его за кулисы, откуда Аркадий имел уникальную возможность услышать и увидеть концерт Высоцкого со стороны сцены, то есть лицом к зрительному залу.

По его воспоминаниям, это был очень интересный концерт с точки зрения того, что и как пел Высоцкий. Впрочем, учитывая, что Аркадий в тот день видел «живого» Высоцкого впервые, эта часть его воспоминаний предсказуема. Гораздо интереснее другое: Аркадий Осипович, по его словам, прекрасно уловил напряженную атмосферу концерта, почувствовал отсутствие контакта между певцом и аудиторией. И уж совершенно точно ему не показалось поведение Высоцкого неадекватным (слово «пьяный» он даже не произносил).

Вот короткий фрагмент из рассказа этого «случайного свидетеля»:

– Там была чопорная официальная аудитория, очень специфическая и для меня неожиданная, – сказал Аркадий Осипович. – Я очень удивился, что на концерт Высоцкого пришли такие люди. Передо мной сидел почти весь ректорат Политеха, члены партийного комитета, был кто-то из комитета комсомола...

Мне до сих пор непонятно, почему с одного и того же концерта (а Высоцкий выступал в Доме ученых в Лесном только один раз – это сомнений не вызывает) у разных людей остались настолько разные воспоминания. Логического объяснения этому у меня нет, могу лишь предположить, что по какой-то причине именно это выступление Высоцкого из-за кулис и из зрительного зала производило совершенно противоположное впечатление.

Например, у организовавшей тот концерт бывшей сотрудницы администрации Дома ученых в Лесном Натальи Клобуковой также остались о том концерте лишь самые приятные воспоминания. Она с удовольствием рассказала мне про выступление и даже вспомнила момент, благодаря которому «попала в историю». На записи есть момент, когда Высоцкий говорит: «Жалко, что ушла девушка». По словам Натальи Александровны, этой девушкой была она – вышла за цветами, чтобы подарить их актеру после концерта.

Я пробовал поговорить с ней о «плохом парне», каким запомнили Высоцкого некоторые зрители, но Наталья Клобукова просто не поняла, о чем я. В ее памяти действительно сохранился момент, когда кто-то в достаточно резкой форме попросил Высоцкого спеть «Баньку по-черному», а он сказал: мол, где «пожалуйста» – на этом «негативные» воспоминания Натальи Александровны про тот концерт закончились. Все остальное – исключительно с восклицательными знаками! На вопрос, не приехал ли Высоцкий в Дом ученых в Лесном пьяный, она лишь удивленно округлила глаза.

Вообще, Наталья Александровна, как выяснилось, была связана с администраторами клуба самодеятельной песни «Восток» и, соответственно, была вхожа в тогдашнюю клубную тусовку. В частности, она рассказывала о своей дружбе с известным ленинградским коллекционером Михаилом Крыжановским, имевшим всегда притяжение к «Востоку». Эта связь имела очень простую причину – ее сестра была замужем за братом известного ленинградского барда, одного из первопроходцев советской самодеятельной песни Евгения Клячкина.

По словам Натальи Клобуковой, концерт в Доме ученых в Лесном она организовала именно через Евгения Клячкина, который был неплохо знаком с Высоцким – я даже слышал, будто где-то когда-то они давали совместный концерт.

Я тоже попытался воспользоваться этой родственной связью, чтобы познакомиться с Клячкиным и поговорить с ним о Высоцком, но разговор, к сожалению, не состоялся. Я позвонил Евгению Исааковичу и попросил о встрече, а когда он сослался на занятость, то хотя бы о телефонном разговоре.

– Нет, не могу, – сказал он, – у меня гости. И вообще, если вы не в курсе, я уезжаю

скоро...

После этого Евгений Клячкин сказал мне, что на своих концертах он неоднократно высказывался про Высоцкого, и если я хочу, то могу найти записи этих концертов и послушать. Записи я искать не стал, потому что меня интересовал сам Клячкин, что называется, «в живую». А некоторое время спустя после нашего разговора он эмигрировал в Израиль, где в 1994 году погиб – утонул в море.

Но это – отступление, прямого отношения к политеховским концертам Высоцкого не имеющее. И уж тем более к странному, противоречивому впечатлению, которое Высоцкий произвел на некоторых видевших и слышавших его выступление в Доме ученых в Лесном, Клячкин никакого отношения – за исключением того, что концерт организовала его родственница, – не имел.

Справка

...

Концерт Высоцкого в Доме ученых в Лесном состоялся, напомним, 25 октября 1974 года во время последних с его участием ленинградских гастролей Театра на Таганке (с 5 по 31 октября 1974 года). Во время этих гастролей Высоцкий очень много выступал.

В частности, 21 октября был концерт в НИИ «Энергосетьпроект», о котором я писал в главе «Украл гитару».

26 октября в моем поисковом списке датирован концерт в больнице имени Чудновского, но мне про него, к сожалению, ничего не известно.

«Плохой парень» – 2

Или 10 лет назад Снова апрель 1965 года

Концерт в Доме ученых в Лесном – не первый концерт Высоцкого, связанный с Политехническим институтом. Почти за 10 лет до того, во время первых ленинградских гастролей Театра на Таганке в апреле 1965 года студенты, в частности, электротехнического факультета этого института сумели организовать один из первых ленинградских концертов Высоцкого, причем сам процесс организации превратился в настоящий детектив. И, что самое удивительное – у некоторых организаторов того концерта о Высоцком также сохранились по-человечески негативные воспоминания. Наверное, у Политеха все-таки есть какая-то «антивысоцкая» аура.

Про деньги и фальшь

Неприятности начались с того, что организаторы концерта, будучи людьми достаточно молодыми и неопытными, взялись за дело, что называется, не с того конца. Они сначала договорились с Высоцким, потом собрали деньги и уже только после этого озаботились поиском зала, где должно было состояться выступление. Все они принимали активное участие в местной художественной самодеятельности, а связи с чем считали, что актовый зал Политеха, куда они каждый день ходили, всегда для них доступен. Каково же было их удивление, когда при упоминании Высоцкого представители вузовской администрации пускать их в актовый зал категорически отказались. И можно представить себе ощущения этих ребят, оказавшихся без зала после того, как они договорились с Высоцким и распродали написанные от руки билетки! К тому же они считали, будто продумали все, – например, за доставку Высоцкого на концерт и обратно отвечал тогдашний студент физико-механического факультета Петр Кадочников – сын знаменитого артиста Павла

Кадочникова. Петр периодически ездил на отцовском «ЗИМе», на котором и планировалась доставка Высоцкого.

И вот в самый последний момент все обломилось!

Высоцкий, кстати, на этот раз тоже умудрился подпортить настроение организаторам концерта, благодаря чему у некоторых из них он остался в памяти довольно-таки «плохим парнем».

О неприятном эпизоде рассказал мне бывший студент Политеха Владимир Раппопорт. Так сложилось, что он ездил во Дворец культуры имени Первой пятилетки, где гастролировал Театр на Таганке, чтобы договориться с Высоцким о концерте. На Раппопорта общение произвело исключительно неприятное впечатление, прежде всего потому, что Высоцкий, по его словам, проявил неожиданно сильный интерес к коммерческой стороне предстоящего выступления, хотя его предупредили о том, что речь идет о выступлении перед небогатыми студентами.

– Столько можете заплатить? – якобы спросил Высоцкий у Раппопорта.

– Нет, не можем, – якобы ответил Раппопорт.

– А хотите, я выступлю у вас вместе с Хмельницким и Васильевым за столько? – якобы спросил тогда Высоцкий.

– Нет, – якобы ответил Раппопорт, – не годится. Просили договориться только с вами.

– Ну хорошо, – якобы сказал тогда Высоцкий, – я выступлю один, но короче...

Интересно, что этот диалог стал только началом негативного впечатления, оставленного Высоцким у студента. По его словам, когда они подъехали к школе, перед входом Высоцкого ждала толпа народа.

– Когда мы вышли из машины, Высоцкий, видимо играя своего парня, положил руку мне на плечо и на глазах изумленной публики стал что-то оживленно рассказывать. Меня это очень покорило, потому что после неприятного разговора о деньгах у нас в машине был какой-то совершенно неэмоциональный диалог. Впрочем, он не обязан был со мной как-то по-человечески общаться. Я был для него мальчишкой с улицы, а, скажем, не Василием Шукшиным, с которым он общался на равных...

Справедливости ради стоит сказать, что другой участник тех событий вспомнил, как при расплате с Высоцким выяснилось, что денег собрано все же меньше, чем договаривались. Но Высоцкий якобы отнесся к этому очень корректно, выразившись в том смысле, что ничего страшного...

Только без песен

В общем, от идеи организовать выступление Высоцкого – в Политехе или нет – студенты института отказываться не собирались. Один из них потом рассказал мне, как они срочно побежали к начальнику политеховского студгородка, чтобы попробовать с ним договориться о зале, но вновь услышали категорический отказ. Ребята пытались настаивать, что чуть не привело к серьезным неприятностям: руководитель администрации студенческого городка якобы пригрозил вызвать милицию!

Злоключения горе-организаторов одного из первых ленинградских концертов Высоцкого закончились совершенно неожиданно благодаря нестандартному решению, пришедшему в голову одному из студентов – Евгению Рейну.

Незадолго до того закончивший школу Евгений решил обратиться за советом к своей бывшей классной руководительнице Евгении Васильевне Бобковой (Евгений Рейн заканчивал среднюю школу 121, которой давно уже не существует – на ее месте теперь располагается какой-то колледж). Насколько я понимаю, Евгению нужен был не совет, а школьный актовый зал, но и без мудрого совета тут не обошлось. Евгения Васильевна поддержала замысел своего бывшего ученика, но предупредила: окончательное решение примет директор школы, который, как и подобает любому директору советской школы, крайне осторожен во всем, касающемся чего-либо нового. Но у этой осторожности, как

совершенно справедливо заметила Евгения Васильевна, имелась и обратная сторона: директор 121-й школы был не особенно в курсе культурных проявлений расцветавшей тогда хрущевской «оттепели». То есть он, безусловно, был наслышан о самой распространенной «разрешенной» тогда форме проявления этой «оттепели» – стихах, – но не вникал в суть.

Композитор Сергей Слонимский. Фото Павла Маркина

Евгения Васильевна и порекомендовала Евгению перед их совместным походом к директору: – Ты скажи, будто мы хотим организовать выступление известного московского поэта, который просто почитает свои стихи, а слова «песни» и «гитара» в разговоре с директором не используй. В принципе, мы скажем правду...

Так в апреле 1965 года в Ленинграде состоялся первый концерт Владимира Высоцкого, организованный студентами не чужого мне Политехнического института. Для зрителей это было вполне удобно – все они были студентами Политеха, а 121-я школа располагалась практически на углу площади Мужества и проспекта Шверника (сегодня 2-й Муринский), что примерно в 15 минутах ходьбы от политеховского студенческого городка. Для Высоцкого же место расположения зала для выступления, как я понимаю, вообще не имело значения, потому что доставку ему обеспечивали на высшем уровне: шикарный по тем временам «ЗИМ» с Петром Кадочниковым за рулем.

Увы, пообщаться с Петром Кадочниковым мне не удалось. На сайте <http://www.rusactors.ru> написано: «Весной 1981 года Петр отправился отдохнуть в Прибалтику на озера. А через два дня после отъезда пришло сообщение о его гибели. Петра нашли на дороге мертвым. По официальной версии следствия, смерть наступила после того, как он полез на дерево, но, не удержавшись, упал. Однако, зачем было ему останавливаться по пути и забираться на дерево, следствие так и не объяснило...»

Справка

...

В апреле 1965 года, когда Театр на Таганке приехал в Ленинград впервые (с 10 по 25 апреля), Высоцкий развил достаточно активную концертную деятельность. В частности, 20 апреля 1965 года состоялся первый «официальный» ленинградский концерт Высоцкого на большую аудиторию в кафе «Молекула» (я писал об этом в главе «„Нинка“ и „Антисемиты“»).

Я не исключаю, что на самом деле первым большим концертом Высоцкого в Ленинграде был именно концерт в 121-й школе, но доказать это я не могу, потому что не знаю, какого именно числа это случилось.

В апреле же 1965 года Высоцкий выступал в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета («Техноложка») и в лектории общества «Знание» на Литейном проспекте.

Следы «Интервенции»

Про еще один случай неприятия песен Высоцкого слушателями мне совершенно неожиданно рассказал известный ленинградский композитор Сергей Слонимский. Это довольно забавная история, которая к самому Высоцкому имеет весьма косвенное отношение.

В 1968 году на киностудии «Ленфильм» режиссер Геннадий Полока снимал фильм «Интервенция» с Высоцким в главной роли. Этот фильм имел сложную судьбу – если не ошибаюсь, он 20 лет просто пролежал на полках студийного архива. Но у фильма была отдельная, «параллельная» жизнь благодаря песням Высоцкого. Песни эти для фильма писались в творческом содружестве с Сергеем Слонимским – последний писал музыку.

Причем получившиеся песни – а их на самом деле было существенно больше, чем, в конце концов, попало в картину, – понравились и самому Высоцкому, и Слонимскому. Поэтому Высоцкий пел их на своих концертах, а Слонимский, по его собственным словам, тоже организовал концертную деятельность (не такую масштабную, естественно!).

По словам Сергея Михайловича, он нашел в Ленинграде певца, который в какой-то степени мог подражать исполнительской манере Высоцкого, разучил с ним эти песни и организовал ряд выступлений в студенческих общежитиях Ленинградского государственного университета.

А песни, которые Высоцкий со Слонимским писали для «Интервенции», были, если можно так выразиться, очень специальными. Ведь события картины развиваются в Одессе в 20-х годах прошлого столетия во время Гражданской войны со всеми, так сказать, вытекающими последствиями – насилие, разгул преступности. К тому же фильм не серьезный – он сделан в жанре музыкальной комедии. Соответственно, песни к нему получились большей частью легкие, с позитивным толкованием бандитской романтики.

Сергей Слонимский рассказал мне, что несколько раз на организованных им творческих встречах в студенческих общежитиях он с певшим эти песни певцом был фактически освистан: студенты были очень недовольны превалированием блатной тематики. А если не считать знаменитую песню «Деревянные костюмы», то остальные творения Высоцкого для этого фильма, вырванные из его контекста, вполне могли звучать именно так.

Сергей Михайлович связал такую реакцию аудитории с науськиванием их комсомольских активистов и даже, как он мне сам сказал, обиделся на университетскую молодежь за отсутствие широты восприятия. У меня сложилось впечатление, что эту обиду он сохранил на много лет – описываемые им события происходили в начале 70-х годов, а мне он весьма эмоционально рассказывал о них и о своих чувствах в конце 1991-го.

«Як-истребитель»

И некоторые балетные истории

Некоторые обстоятельства заставляют меня вновь вернуться в 27 июля 1972 года, когда сотрудникам Агрофизического института не удалось организовать концерт Высоцкого. Мне кажется, эта история будет не совсем законченной, если не сказать несколько слов про одного из ее героев – Валентина Тихоновича Муравского. Тем более что Муравский познакомил меня с некоторыми артистами ленинградского балета, которые довольно плотно общались с Высоцким и помогли мне увидеть его с неожиданной стороны.

Когда мы с Валентином Тихоновичем познакомились в июне 1988 года, он был уже человеком в очень солидном возрасте, и у меня не сложилось впечатление, будто он сильно увлекается творчеством Высоцкого. Для него Высоцкий оставался одним из старых друзей, смерть которого лишь неприятно напоминала о собственном возрасте – Муравский воевал во время Великой Отечественной войны, которую закончил в Австрии, потом побывал в лагерях. В каком-то смысле ему были близки песни Высоцкого. Но он никогда не «фанател» из-за них. Это, подчеркну, мое впечатление, сам Муравский ничего такого не говорил.

Валентин Тихонович в конце 80-х годов прошлого столетия был активным членом общества «Мемориал» и предпринимал серьезные усилия для обнаружения мест захоронения жертв политических репрессий. У него был личный мотив: хотел узнать, где похоронили его расстрелянного отца.

И он добился своего – в 1989 году он нашел его захоронение в Левашово на месте массовых расстрелов жертв тогдашних политических репрессий.

Сначала у нас отношения не складывались – давала знать о себе существенная разница в возрасте, кроме того, я интересовался Высоцким, а он – отцом. В 1990 году, когда я вернулся из армии, наши отношения существенно улучшились. Мне показалось, что это произошло после того, как я внимательно и с искренним интересом выслушал историю его поисков.

Тогда Валентин Муравский рассказал мне множество интересных вещей. В частности, он выдвинул собственную версию истории происхождения знаменитой песни «Як-истребитель».

По словам Муравского, эту песню Высоцкий написал под впечатлением их разговоров о вождении автомобиля – Валентин Тихонович умел об этом очень образно и неожиданно рассказывать.

Муравскому приходилось довольно часто преодолевать за рулем автомобиля большие расстояния. Часто он делал это в одиночестве. И, чтобы дорога не казалась слишком утомительной, он, будучи человеком общительным, развлекал себя разговорами со своей машиной. При этом, как большинству советских граждан, ездить ему приходилось на автомобилях отечественного производства, в связи с чем тем для такого «общения» было предостаточно.

Например, раздавался в машине какой-то непонятный звук – Валентин Тихонович вслух обращается к ней: мол, чем это ты недовольна? Таким образом он мог разговаривать со сцеплением, с элементами тормозной системы и так далее. Как правило, Муравский не только задавал эти вопросы, но и сам отвечал на них – в технике он весьма прилично разбирался. И получался насыщенный диалог, можно сказать, в лицах.

Сюжетная линия песни «Як-истребитель» строится, в общем-то, таким же образом: повествование в ней ведется от лица самолета. У Валентина Муравского сложилось впечатление, что эта песня написана Высоцким в том числе и «по мотивам» его автомобильных рассказов. Но об этом своем предположении он рассказывал мне в исключительно корректной форме – совсем не в том смысле, что «Высоцкий благодаря ему написал популярную песню». Нет, такого и близко не было.

* * *

От Валентина Муравского я узнал про еще один эпизод ленинградской биографии Высоцкого. Эпизод этот мало касается творчества, но, по-моему, характеризует Высоцкого как личность. Весьма противоречивую личность, зависимую от колебаний настроения.

Представим: 1968 год, Ленинград, вечер, Высоцкий, Марина Влади и Валентин Муравский хотят поужинать. В ресторан, куда они пришли, традиционно не попасть: мест нет, у входа небольшая, но безнадежная очередь, в дверях маячит толстомордый халдей неопределенного возраста с выражением лица «не пушу ни за что».

Муравский предлагает поискать другое место, Высоцкий категорически отказывается и начинает уговаривать толстомордого пропустить их. Унизительно, по мнению Муравского, уговаривает, и их в конце концов пускают, после чего происходит следующий, совсем другой по смыслу сюжет.

В сфере обслуживания Советского Союза было очень распространено пренебрежительное, порой даже оскорбительное отношение к клиентам. Именно с этой славной традицией они, по словам Валентина Муравского, столкнулись в тот вечер. Сели за столик и сидели – официанты сновали мимо, но к ним никто даже не подошел. И так продолжалось около получаса. В какой-то момент Высоцкий якобы взял один из стоявших на столе хрустальных фужеров и разбил об пол. Спокойно так разбил, без криков и эмоций – просто взял фужер, переместил руку с ним за линию доски стола и отпустил. Фужер упал и разбился.

По словам Валентина Тихоновича, это не возымело должного эффекта – судя по всему, работники ресторана решили, что произошла случайность. К их столику так никто и не подходил. Тогда Высоцкий якобы повторил то же самое со вторым фужером.

Подбежавшему официанту он спокойно сказал:

– Ну сколько можно ждать? Обслужите нас, пожалуйста.

При этом Высоцкий пристально посмотрел ему в глаза – и работнику советского сервиса не захотелось пререкаться.

* * *

В те дни Высоцкий с Мариной Влади жили неподалеку от станции метро «Петроградская» в квартире актера балета Юрия Мальцева. Жили тайно – потому что виза Марины Влади не позволяла ей официально зарегистрироваться в ленинградской гостинице. Мальцева об этой услуге попросил Геннадий Полока, режиссер «Интервенции». По словам Мальцева, именно он познакомил Высоцкого с Валентином Муравским – Муравский снимался в этом фильме в массовке и в трюках, а Мальцев в немых сценах, потому что как балетный актер прекрасно двигался.

Видимо, в кругу актеров ленинградского балета был популярен бунтарский дух. Во всяком случае, разговор со мной Юрий Мальцев начал с интересного вопроса: знаю ли я, что Высоцкий вырос в семье энкавэдэшника? Я это знал.

Юрий Мальцев, как мне показалось, очень серьезно интересовался тем периодом российской истории, который касался эпохи сталинских репрессий и брежневского «застоя». По-моему, именно этот интерес сближал его в 90-м году с Валентином Муравским.

А на мои вопросы про Высоцкого, жившего в его квартире около недели, он реагировал неожиданно:

– Я всю жизнь работал в одном здании с певцами, которые закончили консерваторию и школу бельканто. В свое время эту школу закончил Федор Шаляпин. Поэтому к пению Высоцкого я всегда относился с большим сомнением. Во-первых, он не пел, а кричал. А во-вторых, можно кричать и иметь голос (как, например, Луи Армстронг), – но Высоцкий не

имел голоса. У него был прекрасный, хорошо поставленный разговорный бас, что клад для драматического актера, но, когда он начинал петь, особенно гласные звуки – тут хоть святых выноси!

В октябре 1991 года мне довелось пообщаться с известным отечественным композитором Сергеем Слонимским, который писал музыку для кинофильма «Интервенция», где снимался Высоцкий. Под впечатлением от беседы с Юрием Мальцевым я спросил композитора, что тот думает про вокальные данные Высоцкого. Сергей Слонимский сказал прямо противоположную вещь:

– Конечно, характерная для Высоцкого интонация – речевая мелодика. Это одна из традиций, которая живет в русской бытовой и не только бытовой музыке. В качестве примера могу привести музыку Мусоргского. Лично мне нравится голос с речевой мелодикой и речевым интонированием, а акцентные слова и фразы совпадают с акцентными ритмами и с акцентными музыкальными фразами...

В общем, сколько людей – столько мнений.

Кстати, несколько дней спустя после того разговора Юрий Сергеевич признался мне, что все-таки песни Высоцкого ему нравятся – несмотря на противоречие канонам школы бельканто. А еще от Мальцева я узнал про знакомство Высоцкого со звездой ленинградского балета конца 60-х Валерием Пановым: оказывается, Мальцев познакомил Высоцкого с Пановым, который в то время был женат на бывшей супруге Юрия Сергеевича – известной балерине Лие Пановой.

С этой парой связана еще одна интересная история.

* * *

В начале 90-х годов я слышал от кого-то байку, будто Высоцкий с помощью концертов зарабатывал деньги для одного из солистов Кировского театра конца 60-х Валерия Панова. Якобы Высоцкий помогал таким образом Панову собрать деньги перед эмиграцией.

Валерий Панов (настоящая фамилия Шульман, Пановым он стал после того, как взял фамилию жены) был очень талантливым и перспективным актером балета, он солировал во многих брендовых спектаклях Кировского театра, в частности в «Дон Кихоте» – в том самом, на один из показов которого Виктор Моторин, приятель Валентина Муравского, ходил специально, чтобы увидеть Высоцкого и убедиться, что Муравский действительно с ним знаком. В начале 70-х годов у Панова возникли довольно серьезные проблемы – он вместе с женой – известной тогда балериной Галиной Рогозиной (брак с Лией Пановой к тому времени распался) – начал оформлять документы для отъезда в Израиль на постоянное место жительства.

События происходили через 10 лет после скандальной эмиграции звезды отечественного балета Рудольфа Нуреева, который попросил политического убежища во Франции во время парижских гастролей в 1961 году. С тех пор внимание сотрудников КГБ к актерам Кировского театра было весьма пристальным. В 1972-м Рудольф Нуреев уже давно и успешно выступал на сцене Королевского балета в Лондоне.

Естественно, узнав, что Валентин Муравский работал в Кировском театре и был вхож в актерскую тусовку (если не ошибаюсь, он несколько лет имел романтические отношения с одной балетной актрисой), я рассказал ему эту байку и попросил откомментировать.

Валентин Тихонович сказал, что это полная ерунда, но рассказал массу интересных вещей, связанных с той частью отношений между Валерием Пановым и Владимиром Высоцким, в которых он лично принимал участие.

Муравскому задал в душу такой инцидент. В конце мая 1972 года его дочь закончила школу. По этому случаю он повел девочку в ДЛТ и купил ей велосипед. С новеньким велосипедом они направились к выходу и на улице Желябова (ныне Большая Конюшенная) нос к носу столкнулись с балериной Галиной Рогозиной, женой Валерия. Женщина

рассказала им, что того посадили в следственный изолятор КГБ, расположенный на улице Каляева. Это произошло не потому, что актер сделал что-то плохое, а потому, что окна его квартиры выходили на Московский проспект!

Дело в том, что в конце мая 1972 года в Ленинград впервые прилетал президент США – это был Ричард Никсон. Кортёж высокого гостя должен был проследовать из аэропорта по Московскому проспекту, с которого на всякий случай убрали наименее благонадежных. Валерия Панова, например.

Муравский описывал довольно тесные приятельские отношения между Пановым и Высоцким. При этом в июне 1972 года, когда Высоцкий с Театром на Таганке приехал на гастроли в Ленинград, а Панов, выбравшись из кагэбэшного СИЗО, паковал чемоданы и добивался разрешения на отъезд, они общались не лично, а через Муравского. По словам Валентина Тихоновича, Высоцкий и Панов надиктовывали на бобинные магнитофоны послания друг другу, а тот их передавал.

Валентин Муравский утверждает, что Валерий Панов таким образом ограждал Высоцкого от возможных неприятностей, а Высоцкий якобы не стремился к личному общению не из-за опасений репрессий, а из-за принципиально негативного отношения к людям, которые покидают Родину.

Не берусь судить, но мне кажется, что для Высоцкого на первом месте были человеческие отношения, а не политические взгляды тех, с кем он эти отношения поддерживал. Впрочем, рассуждать об этой переписке можно лишь в одном случае – если прослушать ее. У меня не было такой возможности.

В любом случае, в чем-то байка о том, как Высоцкий помогал Панову деньгами, мне кажется похожей на правду. Ведь в 1972 году Валерий Панов и Галина Рогозина лишились работы – их уволили из театра как «изменников Родины». Поэтому финансовая помощь для Панова могла бы оказаться совсем не лишней. Тем более что в таком «подвешенном» состоянии этой паре пришлось провести около двух лет – они сумели выбраться из СССР только в 1974-м.

Еще Валентин Муравский рассказывал, как Валерий Панов неоднократно просил Высоцкого написать песню про балет – но не сложилось. Нет у Высоцкого такой песни.

* * *

Сегодня про Лию Панову, жену Валерия, можно прочитать в «Википедии»:

«Лия Петровна Панова – заслуженный тренер России, танцовщица балета. Солировала в Мариинском театре, входила в состав балетной труппы театра и часто танцевала в паре со своим мужем Пановым Валерием. Мать рок-певца Панова Андрея Валерьевича.

Уйдя из театра, занималась хореографией со звездами сборной по фигурному катанию: с Ириной Родниной, Алексеем Улановым, Сергеем Четверухиным, Волковым. Считается одним из лучших хореографов города по спортивной гимнастике.

Работала в балетной труппе Мариинского театра. Будучи заслуженным тренером России, работала хореографом в ДОД СДЮСШОР № 1 Центрального района Петербурга в отделении спортивной гимнастики...»

С Лией Петровной я познакомился также благодаря Валентину Муравскому. Она добавила несколько очень интересных, как мне кажется, нюансов к ленинградской биографии Высоцкого.

Во-первых, Лия Петровна рассказала о том, что происходило после «Дон Кихота», на который любившая балет Марина Влади уговорила Высоцкого сводить ее и на котором Виктор Моторин следил за ними с помощью театрального бинокля.

В тот вечер Высоцкий с Влади поехали ужинать к Пановым (это был 1968 год, Лия и Валерий еще были вместе), где произошел инцидент, который мне показался интересным, – во всяком случае, ничего подобного никто другой мне никогда не рассказывал.

После ужина Марина Влади общалась с Валерием Пановым, балетными достижениями которого она, по словам Лии Петровны, восхищалась. А Высоцкий совершенно неожиданно для Пановой попросил ее показать сына Андрея – тот был совсем маленьким и к тому моменту давно спал у себя в кроватке. Лия Петровна рассказала мне, как подвела Высоцкого к ребенку и, пока тот смотрел на малыша, с интересом наблюдала за самим Высоцким.

– Весь вечер Володя вел себя довольно сдержанно – все крутилось вокруг Марины, которая недавно снялась в «Колдунье» и была в Советском Союзе невероятно популярна, – сказала Лия Панова. – Но, когда он подошел к кроватке Андрея, то резко изменился. В его глазах появились тепло и грусть. Мне показалось, что он очень переживал разрыв с собственными детьми из-за знакомства с Мариной...

На следующий день вечером Лия и Валерий Пановы провожали Высоцкого с Влади, уезжавших на поезде в Москву. Все выглядело лучшим образом: цветы, конфеты, шампанское. Уже в купе Марина, по словам Лии Петровны, демонстрировала фотографии своих сыновей и с чисто женской гордостью о них рассказывала: мол, этот от одного мужа, этот от другого. Разговор каким-то образом перешел на грустное: оба бывших мужа умерли, поэтому, якобы сказала Марина Влади, она не хочет больше детей, потому что боится, что и следующий муж умрет, а ребенок вновь окажется без отца.

В этот момент Высоцкий вышел из купе и молча остановился у окна в коридоре. Лия Петровна оставила Марину с Валерием и вышла следом. Она поняла, что Высоцкий вновь вспомнил о своих детях.

Заговорили про балет. Лия Панова прекрасно поняла, что Высоцкий к этому виду искусства равнодушен и идет на поводу интересов Марины Влади. Но ей удалось отвлечь его от грустных мыслей, после чего она услышала первый и единственный за все время их знакомства комплимент:

– Очень жаль, – якобы сказал Высоцкий, – что я не видел вас в «Болеро». Я очень люблю музыку Равеля...

В этой фразе нет ничего особенного, если не знать: главную роль в «Болеро» Лия Панова считала своим лучшим на то время достижением.

Когда поезду настало время трогаться, Высоцкий, по словам Лии Петровны, впервые ее поцеловал – до того он держал себя замкнуто, хотя у актеров целоваться принято. Лия Панова заметила, что поцелуй был не формальным, а теплым, по-дружески нежным. Балерине показалось, что Высоцкий ей очень благодарен...

В первый раз мы с Лией Петровной встретились в 1990 году. Это была красивая, хотя уже не молодая женщина, у нее рос талантливый сын Андрей, который с приятелями создал музыкальную рок-группу. Это был сын Валерия Панова, так и не вернувшегося в Россию, хотя в ней многое изменилось.

Лет 15 спустя я вновь встретился с Лией Пановой – собирался опубликовать кое-что из своих архивов в газете «Ваш тайный советник» (ее выпускало Агентство журналистских расследований). Передо мной была несчастная пожилая женщина, которая могла говорить лишь об одном: из-за трагического стечения обстоятельств во время болезни умер ее сын, и она осталась совершенно одна.

Валерий Панов, по словам Лии Петровны, на похороны не приехал.

* * *

Про крайне замкнутую, нарочито скромную манеру Высоцкого держаться в присутствии Марины Влади рассказывала мне и известная певица Людмила Зыкина. Впрочем, я не успел узнать у нее, с чем, по ее мнению, это могло быть связано, – наша встреча длилась всего 15 минут, потом ей надо было выходить на сцену.

Великая русская певица не смогла добавить ни одного нового штриха к ленинградской биографии Высоцкого, но мне все равно представляется интересной короткая встреча с нею.

Мы познакомились 25 мая 1990 года, если не ошибаюсь, за несколько десятков минут до начала ее сольного выступления в концертном зале «Октябрьский» в Ленинграде. На тот момент Людмила Георгиевна уже имела все мыслимые регалии, которыми может обладать человек, являющийся звездой эстрады на протяжении нескольких десятилетий: народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, основатель и руководитель ансамбля «Россия» – этот список можно продолжить.

Так вот, я зашел за кулисы и потом в гримерку к Людмиле Георгиевне, когда до концерта оставалось минут 15–20. Ко мне сразу метнулись несколько человек с написанной на лицах решимостью оградить певицу от нежелательного посетителя. Но Людмила Георгиевна сделала небрежный жест рукой, и я оказался перед ней на кем-то пододвинутом стуле. Она даже не спросила, кто я и кого представляю, когда услышала, что я хочу поговорить с ней про Высоцкого. Таким образом, я совершенно неожиданно для себя услышал историю про неспетую песню.

Высоцкий на сцене ВАМИ. Фото Орика Грязнова

Эдуард Крейнин представляет зрителям Высоцкого перед концертом. Фото Орика Грязнова

По словам Людмилы Зыкиной, с Высоцким она была знакома довольно давно: во-первых, потому, что они входили в одну московскую тусовку (она, естественно, это слово не употребляла и говорила про общий круг знакомых), во-вторых, потому, что их дачи располагались по соседству. Но заинтересовавшая меня история произошла не в Москве и не в Подмосковье, а в Югославии на квартире советского посла. Каким-то образом (каким – Людмила Георгиевна по прошествии лет не вспомнила) в этой квартире, кроме самого посла, собралась довольно большая компания, в которой, в частности, неожиданно друг для друга

оказались Людмила Зыкина и Владимир Высоцкий с Мариной Влади. Встреча, по словам Людмилы Зыкиной, носила совсем не официальный характер – люди просто сидели за столом, ели-пили и пели песни, в соответствии с традициями русского застолья.

Людмила Георгиевна сказала мне, что она не помнит, что именно они пели, – но пели втроем, а Высоцкий еще и аккомпанировал на гитаре. Пели в том числе песни Высоцкого. И якобы там Высоцкий рассказал Людмиле Георгиевне про недавно написанную им песню «Как по Волге-матушке», которую ему бы хотелось, чтобы Людмила Георгиевна включила в свой репертуар. Как я понял со слов певицы, Высоцкий тогда спел эту песню, Людмиле Георгиевне она понравилась, и она попросила, чтобы он прислал ей ноты и текст. Она собиралась разучить песню и включить ее в свой репертуар.

Но Высоцкий, по словам певицы, так ничего и не прислал ей.

Секретные гонорары

Сотрудники одного ленинградского НИИ помогали Высоцкому зарабатывать

Высоцкий был совсем не таким бескорыстным человеком, каким часто пытаются представить его многие «вспоминатели». Во-первых, ему, как любому нормальному человеку, нужны были деньги, а во-вторых, он, думается, прекрасно понимал: его талант позволяет очень хорошо зарабатывать.

В Ленинграде я нашел группу людей, которые целенаправленно помогали поэту поправлять свое материальное положение.

Трудно отказываться от собственных привычек. Особенно если это касается привычек мировоззренческих. Так, за долгие годы сбора информации о ленинградской биографии Владимира Высоцкого я почти ни разу не столкнулся с попытками моих собеседников скрыть свое участие в тех или иных событиях, связанных с деятельностью Высоцкого в нашем городе. Но часто люди почему-то просили меня выключить диктофон, чтобы рассказать, какие гонорары Высоцкий просил за свои концерты или сколько он выпил перед тем, как выйти на сцену. Интересно, что перед рассказами про выпивку меня просили выключить диктофон намного чаще, чем перед рассказами про гонорары. Хотя, с точки зрения формальной логики, стакан коньяка перед концертом уголовно не наказуем, а оплата этого концерта наличными – преступление как по советским, так и по российским законам.

Но мои собеседники вовсе не выглядели напуганными – как минимум, потому, что сбором фактов ленинградской биографии Владимира Высоцкого я занимался с 1987 года – за экономические преступления, совершенные в 60 – 70-х, тогда уже «посадить» не могли. Нет, эти люди не боялись репрессий, они просили меня выключить диктофон, переходили на шепот, предлагали продолжить разговор на улице, где точно не прослушивают, потому что опасались оказаться разрушителями стереотипов.

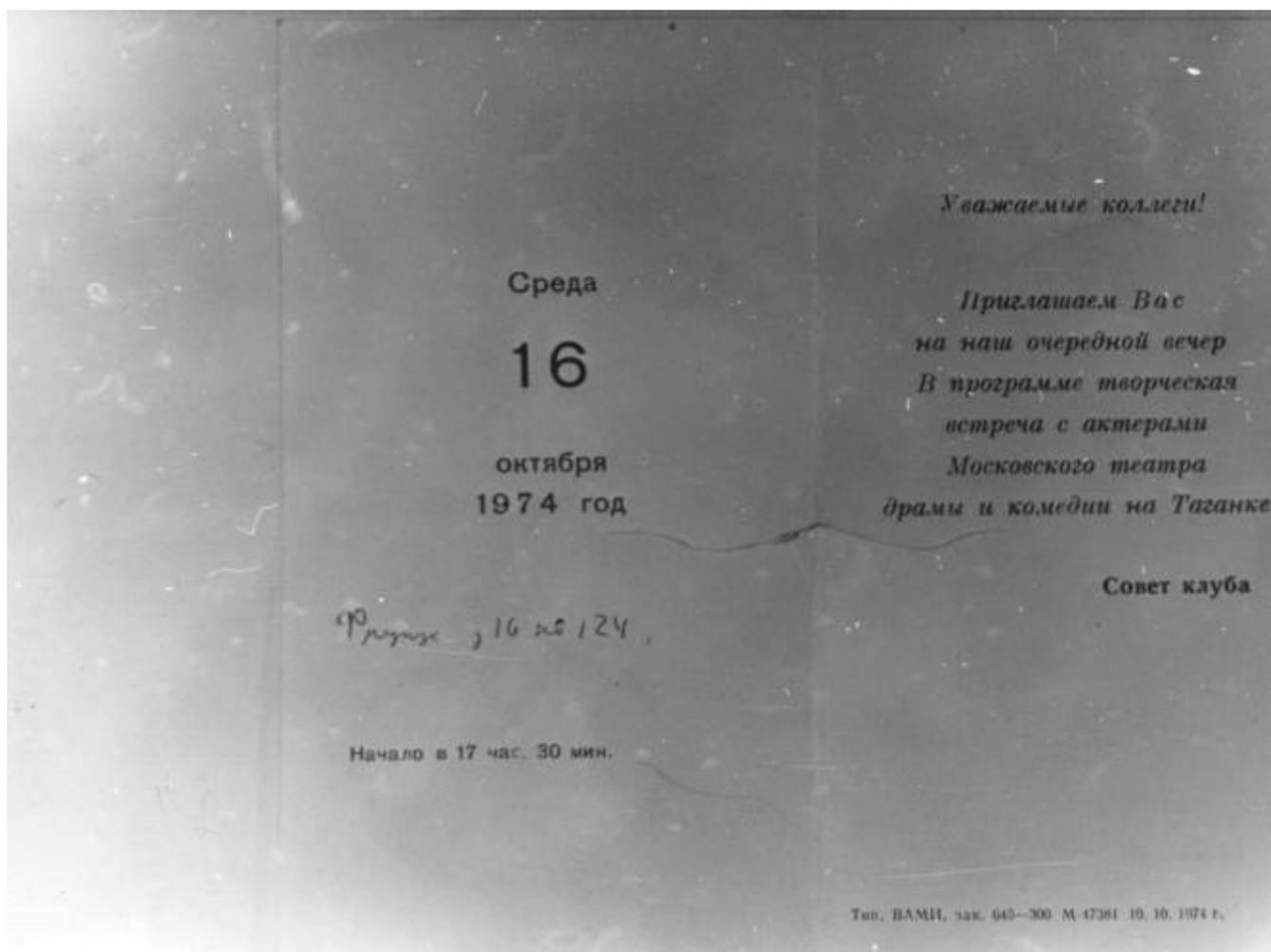
Видимо, люди слишком привыкли к максимализму в оценке известных персон, привыкли делить мир вокруг себя на черное и белое.

В конце 80-х уже было можно говорить обо всем, «запрещенные» кумиры стали доступными и легальными – стало модно их хвалить вслух. Но ругать их в 1987-м казалось столь же невообразимым, как хвалить за 10 лет до того.

Раньше Высоцкого не рекомендовалось хвалить, и легально, под аудиозапись, большинство старалось это не делать. Потом началась перестройка, и в фаворе оказались люди, хвалившие тех, кого раньше хвалить не рекомендовалось. Но привычки остались неизменными: стараться не выделяться из общепринятой информационной тенденции. Те, кто в 70-х опасались рассказывать про Высоцкого хорошее под магнитофон, в 80-е опасались говорить про него что-то неприглядное (вернее, не одобряемое большинством).

Сейчас, конечно, ситуация изменилась. Люди привыкли к свободе слова, в связи с чем

Так выглядел билетик на один из концертов Высоцкого, организованный клубом «Вамитяне»

К этому можно прибавить концерты, организованные с участием тех же людей на других площадках: во Дворце культуры имени Кирова в июне 1972 года, в книжном клубе «Эврика» 21 февраля 1973 года, в школе около площади Ломоносова 30 января 1973 года и два концерта в НИИ «Гипрошахт» на набережной канала Грибоедова 22 марта 1973 года и в октябре 1974-го. Итого 10 концертов, к организации которых так или иначе имели отношение три сотрудника ВАМИ: Эдуард Леонидович Крейнин, Юрий Григорьевич Фельдман и Олег Михайлович Лебедев.

Юрий Григорьевич был тогда председателем комитета комсомола института, а Эдуард Леонидович был его заместителем по идеологии. Олег Лебедев, насколько я понял, административно-политическую карьеру не делал.

С Высоцким, по словам Юрия Фельдмана, они познакомились в 1967 году во время ленинградских гастролей Театра на Таганке. Причем, по словам Юрия Григорьевича, знакомство произошло не напрямую, а через актера Рамзеса Джабраилова, которого они в одной из многих ленинградских шашлычных попросили познакомить их с «самим» Высоцким. Правда, Джабраилов сказал, что Высоцкий не любит представлений через посредников, и предложил другой вариант:

«Я скажу вам, когда и где Высоцкий будет находиться, а вы подойдете к нему сами».

При этом Джабраилов якобы рекомендовал «подкараулить» Высоцкого не до или после спектакля, а во время репетиции. По словам Юрия Фельдмана, именно так знакомство и произошло.

В воспоминаниях этих людей Владимир Высоцкий предстает совсем не таким, каким мы привыкли воспринимать его на основании других воспоминаний. Организаторам

концертов актера в ВАМИ Высоцкий запомнился весьма меркантильным и практичным типом.

Например, договариваются они с Высоцким о первом концерте. Он якобы ставит два условия.

Первое: я, ребята, знаю, что вопреки всем запретам вы будете мой концерт записывать. И хочу, чтобы вы быстренько сделали мне копию записи, потому что у меня нет записей собственных концертов.

И второе условие: у вас в руках американская шариковая ручка фирмы «Янг» – подарите мне ее, пожалуйста, я как раз шариковые ручки коллекционирую.

Эдуард Крейнин тогда приехал из Финляндии, где был в командировке, – он там и приобрел редкую для Советского Союза 70-х американскую игрушку. Эдуард Леонидович воспринял подарок ручки как окончательный аргумент, убедивший Высоцкого согласиться на выступление. В гонорар за само выступление ручка, естественно, не входила!

А чуть позже, вспоминал Эдуард Крейнин, перед одним из концертов Высоцкий заметил у него в руках красивую японскую пьезозажигалку. Тогда и это было редкостью – Крейнину подарили ее представители японской делегации, с которыми вели переговоры руководители его института. Якобы Высоцкий попросил и зажигалку: мол, зажигалки я тоже коллекционирую.

Крейнин решился на хитрость:

– Знаешь, – сказал он, – эту зажигалку мне только подарили, я хотел бы немного ею попользоваться. Зато скоро буду в Москве, заеду к тебе и отдам.

По словам Эдуарда Леонидовича, на самом деле зажигалка его не шибко интересовала – просто очень любопытно было побывать дома у самого Высоцкого!

Визит состоялся, причем Высоцкий у себя в квартире в ответ на подаренную зажигалку подарил Крейнину портмоне из крокодиловой кожи – которое якобы Марина Влади привезла из Парижа.

Дома у Высоцкого в Москве Крейнин, по его словам, действительно обнаружил коллекцию самых разных зажигалок – штук 300. А вот коллекции ручек там, уверяет Эдуард Леонидович, не было.

Сотрудники ВАМИ – единственные из моих собеседников, которые рассказывали о том, как Высоцкий сам звонил им перед поездками в Ленинград с просьбой организовать ему концерты, чтобы таким образом подработать. Обычно приходилось слышать прямо противоположные сюжеты: за Высоцким бегают, уговаривают, а он с трудом соглашается. Может быть, потому эта сравнительно небольшая группа людей организовала в общем-то рекордное количество ленинградских выступлений Высоцкого – актер сам был инициатором некоторых из них.

Бывший сотрудник ВАМИ Валерий Яник, например, рассказывал занимательный эпизод с участием Высоцкого и Эдуарда Крейнина. События якобы развивались на Среднем проспекте Васильевского острова около здания института, куда артист приехал на очередной концерт.

По проезжей части ехала крайне редкая для того времени иномарка, за рулем которой сидел Высоцкий. Машина медленно двигалась вдоль тротуара, а рядом с ней, по тротуару якобы бежал Крейнин, пытавшийся договориться с Высоцким о размере гонорара. Со слов очевидца, дело было так.

Высоцкий, якобы не выходя из машины, спросил Крейнина о плате за концерт. Услышав сумму 120 рублей, он якобы воскликнул: «Нет! Нет! Только за 500!» – и стал закрывать дверь, незадолго до того открытую Крейниным. Крейнин якобы воскликнул в ответ: «Нет, не 500!» – но, увидев, что Высоцкий сейчас попросту уедет, поспешно согласился: мол, ладно, договоримся. После этого, по воспоминаниям очевидца, Высоцкий припарковал машину, вышел и направился к зданию ВАМИ. За ним якобы следовала симпатичная блондинка, сидевшая с Высоцким в машине. Она несла гитару.

Эдуард Крейнин этот эпизод не помнит.

Изнанку коммерческой составляющей концертной деятельности Высоцкого в Ленинграде описала мне бывшая директор книжного клуба-магазина «Эврика» Валентина Корсакова. По ее словам, Эдуард Крейнин познакомил ее с Высоцким, и он же обратился к ней с просьбой помочь тому заработать. Валентина Анатольевна организовала концерт в актовом зале «Эврики», рассчитанном на 400 мест. Она рассказала, как лично вырезала ножницами 400 кусочков бумаги, на которых поставила штамп магазина и свою подпись. Билеты продавались по 2 рубля за штуку – ровно столько, сколько необходимо было, чтобы заплатить Высоцкому. За тот концерт он получил 400 рублей. Валентина Анатольевна рассказала мне, что непосредственно перед концертом она стояла у входа в зал и собирала проданные билеты у посетителей – не для того, чтобы не пустить посторонних, а чтобы уничтожить билеты. Как директор советского магазина она прекрасно понимала, что гипотетический разговор о финансовой составляющей организации такого концерта с сотрудниками ОБХСС не может сулить ей ничего хорошего. До разговора дело, к счастью, не дошло, но «улики» на всякий случай были уничтожены.

Местные активисты организовали клуб, который назвали «Вамитяне». Не исключено, что правильно он писался «ВАМИТяне». Говорят, когда придумывали название, со словом «инопланетяне» оно не ассоциировалось. Космическая тематика стала одним из направлений пропаганды советских СМИ позже – в самом конце 60-х – в начале 70-х.

То ли один, то ли несколько концертов Высоцкого в ВАМИ организовывались через этот клуб, о чем сообщили и самому Высоцкому. А в зале «Вамитян» во время одного из концертов не работала вентиляция, было очень жарко. Есть мнение, что именно с этим житейским обстоятельством связано содержание маленького поэтического экспромта, который Высоцкий якобы написал на билетике после одного из концертов:

Клубу «Вамитяне» – 10 лет, ей-ей!
Побывал, как в бане, в этот юбилей.
10 лет – это дата,
Это – срок,
Это – червонец...

Я пишу так осторожно – со словом «якобы» – потому что сам я этот билетик с автографом не видел, мне о нем рассказывали. А в жизни всякое бывает – теоретически, могли и подсочинить. В любом случае снова обращает на себя внимание «меркантильная» составляющая – «червонец». Эта «меркантильная» составляющая, повторяюсь, почему-то так четко прослеживается только в рассказах, связанных с организацией концертов Высоцкого в ВАМИ.

Кстати, организовавшая два концерта Высоцкого в НИИ «Гипрошахт» (государственный институт проектирования шахт) бывшая сотрудница этого института Стелла Домбровская по-женски логично объяснила повышенную потребность Высоцкого в гонорарах: – Мне говорили, – сказала Стелла Александровна, – что Володя тогда очень нуждался в деньгах, потому что вынужден был часто ездить во Францию к жене. Марина, конечно, оплачивала эти поездки, потому что она была очень богатой женщиной, но Володе неприятно было находиться на ее содержании...

Стелла Александровна познакомилась с Высоцким в январе 1973 года на «подпольном» концерте в школе неподалеку от площади Ломоносова, куда ее пригласил тот же Эдуард Крейнин. В дальнейшем она общалась с Владимиром Семеновичем уже сама – думается, не без удовольствия для него: Стелла Домбровская была очень привлекательной женщиной.

Практичность Высоцкого подтвердил мне и коллекционер Николай Курчев. В его архивах сохранилась такая запись про концерт в Ленинградском электротехническом институте (ЛЭТИ) 15 апреля 1967 года: «Говорят, когда в ЛЭТИ должно было быть трое (актеров. – *Авт.*) из Театра на Таганке, а пел один Высоцкий, то при получении 40 рублей он намекнул, что пел он за троих, и неплохо было бы за троих и получить...»

Впрочем, истории, связанные с меркантильной стороной ленинградских концертов Высоцкого, как мне кажется, носят, если можно так выразиться, локальный характер. Могут

предположить, что по какому-то иррациональному стечению обстоятельств именно с группой сотрудников ВАМИ Высоцкий проявил себя таким образом. Впрочем, есть и другие аналогичные воспоминания, но, конечно, они не превалируют – Высоцкий нуждался в деньгах, любил их, но ничто не позволяет делать вывод о том, что он попадал от них в нездоровую зависимость. И мне бы не хотелось казаться человеком, специально выискивающим не самые лучшие стороны великого поэта. Поэтому в противовес «меркантильному Высоцкому», представленному в этой главе, я думаю, стоит привести фрагмент из моего разговора с бывшим актером Театра на Таганке Вячеславом Спесивцевым. К моменту нашей с ним встречи, происшедшей в мае 1991 года в фойе Дворца культуры имени Первой пятилетки, там гастролировал театр, главным режиссером которого был Спесивцев, – он давно мечтал о своем театре.

Так вот, Вячеслав Семенович рассказал мне, как он в 70-е годы, еще будучи актером Таганки, начинал создавать собственный театр, для чего набирал будущую труппу в московских школах. Он ездил по школам, организовывал там выступления, после которых неформально общался с учениками и находил таким образом тех мальчиков и девочек, которых ему удавалось заинтересовать и которые казались ему перспективными.

По словам Вячеслава Спесивцева, Высоцкий очень поддерживал его во всем, что касалось организации собственного проекта, – поддерживал настолько, что неоднократно принимал участие в этих «школьных» концертах, фактически принося свою популярность в жертву амбициям товарища. И делал это Высоцкий совершенно бесплатно, хотя понятно, что в 70-х годах он был уже суперпопулярным человеком, выступления которого, как я уже неоднократно писал, очень хорошо оплачивались.

Один из организованных активистами ВАМИ концертов Высоцкого имеет весьма любопытную историю. В июне 1972 года в актовом зале Дворца культуры имени Кирова (располагается в нескольких сотнях метров от здания ВАМИ) концерт был прерван по политическим соображениям. Несмотря на огромное количество абстрактных сведений о запретах на концертную деятельность поэта, этот случай – единственный в своем роде в ленинградской биографии Высоцкого. Все происходило в лучших традициях советской драматургии: Эдуард Крейнин и его товарищи договорились с кем-то из руководства Дворца культуры о выступлении московской знаменитости. Сделали билеты, распродали, собрали деньги, народ пришел, Высоцкий начал петь. Вдруг якобы появился директор ДК, потребовавший представить ему организаторов концерта и якобы с ходу заявивший, что не хочет расстаться с партийным билетом, поэтому требует немедленного прекращения концерта.

Эдуард Крейнин рассказал мне, что написал тогда поющему Высоцкому записку: мол, так и так, извини, Володя, но, оказывается, тут через 15 минут должно начаться профсоюзное собрание.

Высоцкий, как следует из рассказов очевидцев, прекрасно понял, что подразумевается под возможным началом профсоюзного собрания, в связи с чем спел еще несколько песен, после чего концерт шустренько закруглили.

Правда, известный петербургский фотограф Семен Товгер, когда услышал от меня эту историю, сказал, что все это – ерунда. Мол, Высоцкий дал тогда полноценный концерт, а ушел чуть раньше, потому что спешил. Семен Фомич мотивировал свои слова просто: он лично сопровождал Высоцкого после того концерта.

Думается, по прошествии времени те события могли немного подзабыться у всех их участников. Кроме того, кто-то мог что-то и додумать: память – штука коварная и непредсказуемая.

А один из своих концертов в ВАМИ (конкретнее, в кафе «Вамитяне» 22 марта 1973 года) Высоцкий давал на пару с актрисой театра Комиссаржевской Розой Савченко. Этот факт интересен одним обстоятельством: Высоцкий и Савченко вместе учились в московской Школе-студии МХАТ, после окончания которой Роза Владимировна вернулась в Ленинград, а Высоцкий остался в Москве. Напомним, был эпизод, который мог коренным образом

изменить биографию великого поэта, и этот эпизод был связан именно с Розой Савченко. О нем я писал в начале книги.

Фрагменты данной статьи были опубликованы в журнале «Город-812» («Место встречи объявить нельзя», № 1 от 24.01.2011). Справка

...

Первый из упоминаемых в этой главе концертов Высоцкого состоялся 6 мая 1967 года на территории ВАМИ. Этот концерт случился во время вторых ленинградских гастролей Театра на Таганке (с 3 по 11 мая 1967 года). В те гастроли Высоцкий дал всего два концерта на большую аудиторию. Второй произошел через пару дней (точная дата неизвестна) в Ленинградском технологическом институте им. Ленсовета.

Второй упомянутый тут концерт датируется 16 июня 1972 года, в первый день начала третьих гастролей Театра на Таганке в Ленинграде (с 16 июня по 6 июля 1972 года). Во время этих же гастролей произошел странный инцидент с «профсоюзным собранием», когда Высоцкий выступал во Дворце культуры им. Кирова.

30 января 1973 года датируется концерт в школе около площади Ломоносова, на котором присутствовали Марина Влади, руководители клуба «Восток» Наталья и Михаил Кане, известный «востоковский» коллекционер Михаил Крыжановский. С 14 августа 1972 года по 13 февраля 1973-го длился съемочный период фильма «Плохой хороший человек», не исключено, что данный приезд Высоцкого в Ленинград был связан с его работой в этом фильме.

21 февраля 1973 года датируется концерт в книжном клубе-магазине «Эврика», а ровно неделю спустя Высоцкий в очередной раз пел на сцене клуба самодеятельной песни «Восток». Думается, приезд поэта в Ленинград в те дни также связан со съемками «Плохого хорошего человека».

В третий раз Высоцкий выступал в ВАМИ 22 марта 1973 года. В тот же день Высоцкий выступал в НИИ «Гипрошахт», где работала Стелла Домбровская. Высоцкий мог приезжать тогда в Ленинград в связи с работой над фильмом «Плохой хороший человек» на киностудии «Ленфильм» (с 14 февраля по 27 апреля 1973 года у картины шел монтажно-тонировочный период), хотя не исключено, что он приезжал в наш город специально, чтобы подработать.

Еще раз Высоцкий выступал в ВАМИ 16 октября 1974 года во время последних при его жизни ленинградских гастролей Театра на Таганке. В тот день в 19.00 он играл в «Гамлете». На следующий день, 17 октября, он выступал в Доме культуры города Павловска, расположенного на юге административной территории нашего города. А 13 октября датируется концерт в ЛЭТИ. В те же дни Высоцкий во второй раз выступил в НИИ «Гипрошахт».

Последний концерт Высоцкого в ВАМИ датируется 25 ноября 1976 года. В тот период времени Высоцкий работал над песнями для фильма «Вторая попытка Виктора Крохина».

Залп «Авроры»

Единственным крупным ленинградским средством массовой информации, опубликовавшим прижизненную позитивную статью про Владимира Высоцкого, стал журнал «Аврора». Это случилось в мае 1980 года, за два месяца до смерти поэта. Идея публикации появилась после того, как «Авроре» из-за цензуры не удалось напечатать стихи Высоцкого, которые он сам принес в редакцию. Они были опубликованы лишь в январе 1989 года. Высоцкий так и не узнал о том, что ему удалось опубликоваться.

Предложение, от которого лучше было отказаться

Эта невероятная, по сегодняшним меркам, история началась в октябре 1974 года во время последних ленинградских гастролей Театра на Таганке, в которых участвовал Высоцкий.

Журнал «Аврора» в ту пору только набирал обороты (он был создан в 1969 году). Это был маленький журнальчик формата меньшего, чем школьная тетрадка, он издавался раз в месяц и имел довольно выраженный уклон в литературу и искусство. Редакция журнала состояла из полутора десятков человек, размещавшихся в нескольких комнатках дома № 9 на Литейном проспекте.

Журнал был довольно известен и любим ленинградской интеллигенцией. Одной из причин этого мне видится тусовочная редакционная политика. В хорошем смысле слова «тусовочная» – в редакции регулярно проводились встречи с известными деятелями литературы и искусства (уж простите за советскую терминологию!), более того, гостей редакции уговаривали становиться авторами журнала. Например, именно в «Авроре» таким образом впервые опубликовался Михаил Жванецкий.

Как рассказала мне проработавшая долгие годы в журнале Людмила Будашевская, «Аврору» навещали такие известные персоны, как Александр Галич, Георгий Товстоногов, Иннокентий Смоктуновский. Всех их просили написать какую-нибудь статью или хотя бы дать интервью – получалось не всегда, однако тенденция, безусловно, привлекала не шибко избалованную доступностью к знаменитостям ленинградскую читательскую аудиторию.

В общем, не было ничего удивительного в том, что после одного из гастрольных спектаклей в октябре 1974 года в редакции нарисовалась компания актеров пользовавшегося тогда огромной популярностью Театра на Таганке. Как я понял, для редакции это было не такое уж достижение – Людмила Будашевская мне рассказывала, что на протяжении нескольких лет она «охотилась» лично за Юрием Любимовым. «Охота», правда, не увенчалась полным успехом: заставить написать для «Авроры» самого Любимова не удалось, хотя во время ленинградских гастролей Таганки в 1972 году он побывал-таки в редакции. Зато один из близких к Любимову людей опубликовал в «Авроре», как говорят, вполне приличный материал.

По воспоминаниям очевидцев, гостями «Авроры» в тот октябрьский вечер 1974 года стали Вениамин Смехов, Алла Демидова, Леонид Филатов и Валерий Золотухин. Не исключено, что я кого-то забыл. Чуть позже к компании присоединился Владимир Высоцкий. Сотрудники редакции, с которыми мне довелось пообщаться, крайне тепло вспоминали визит уже легендарного на тот момент актера. Еще бы! Большинство сотрудников «Авроры» были женщины, а Высоцкий принес большой букет гвоздик, подходил к каждой представительнице прекрасного пола, внимательно смотрел ей в глаза и весьма убедительно делал вид, будто выбирает цветок, который подходит именно этой женщине. Сыграл, в общем, романтическую роль.

И вначале все проходило очень мило. Актеры ели-пили, шутили, компания быстро сплотилась, вечер проходил замечательно и непринужденно. Среди всей тусовки, как я понял, не забывал о работе лишь один человек – Людмила Будашевская. Она рассказала мне, как договорилась о публикациях с Аллой Демидовой и с Вениамином Смеховым. Оба они согласились написать что-нибудь «про искусство», причем позже оба выполнили свои обещания. Правда, статья Аллы Демидовой, как мне показалось, получилась не совсем такой, как рассчитывала Людмила Будашевская, зато Смехов сработал на все сто. Но – не буду забегать вперед.

Кульминацией вечера, как и следовало ожидать, стал тот момент, когда Высоцкого попросили спеть. Он спел, если не ошибаюсь, 8 песен, которые записал на магнитофон сын одной из сотрудниц редакции. Эта запись осталась недоступной для коллекционеров, потому что молодой человек был моряком, практически сразу же после того вечера увез магнитофон с записью в плавание, потом еще в одно, в конце концов так получилось, что кассета у него затерялась. Как мне рассказала его мать, бывшая сотрудница «Авроры» Маргарита Музыченко, сын так никому и не дал ту запись скопировать, поэтому до наших дней она не

сохранилась. Впрочем, данное обстоятельство может быть огорчительным лишь для коллекционеров – судя по воспоминаниям очевидцев, Высоцкий в тот вечер не спел ничего того, чего бы он не пел на своих концертах.

Но самое интересное началось позже, когда Высоцкий закончил петь, и компания продолжала выпивать и веселиться. На той встрече присутствовал главный редактор журнала Владимир Торопыгин. Это был вполне благополучный преуспевающий поэт, про которого «Литературная Россия» в 2005 году написала: «Наверное, такого поэта сейчас никто и не вспомнит. В историю... Торопыгин вошел как редактор журнала „Аврора“, опубликовавшего в самую застойную пору, в 1976 году, крамольные стихи Нины Королевой...»

По воспоминаниям бывших сотрудников «Авроры», Владимир Торопыгин не относился к числу почитателей творчества Высоцкого. Кроме того, будучи главным редактором крупного журнала, он поддерживал постоянный контакт с теми представителями партийных органов, которые в то время осуществляли цензуру. А отношение этих органов к Высоцкому было таково: он мог сколько угодно выступать в ленинградских учреждениях, но табу на публикации никто не отменял.

В общем, у Торопыгина имелись все причины не делать того, что он сделал в тот вечер. А он предложил Высоцкому пройти в редакторский кабинет, чтобы обсудить вопрос о возможном сотрудничестве с возглавляемым им журналом. При этом разговоре присутствовал тогдашний ответственный секретарь журнала Александр Шарымов, который в 1992 году передал мне его содержание. Собственно, передавать было особенно нечего: Торопыгин предложил Высоцкому опубликовать в «Авроре» несколько стихов, Высоцкий, очень страдавший от отсутствия публикаций, естественно, согласился. На том и расстались – Высоцкий несколько дней спустя приехал в редакцию «Авроры» и занес рукописи.

С этого момента началась история, которая логически завершилась лишь через 9 лет после смерти Высоцкого – в январе 1989 года, когда эти стихи были-таки опубликованы. А развивались события следующим образом.

Ветер беспокойства

Сначала Александр Шарымов, получивший от главного редактора указание взять материал в работу, как и полагается, выбрал около десятка стихов из предложенных Высоцким, перепечатал рукопись в нескольких экземплярах и даже написал к подборке вступительную статью, после чего весь подготовленный для публикации материал почтой отправил Высоцкому в Москву для визирования. Александр Шарымов сказал мне, что не пытался править стихи Высоцкого, хотя, по его словам, эти стихи на бумаге произвели на него совсем не такое впечатление, какое произвели песни в авторском исполнении с гитарным аккомпанементом.

Высоцкий, как рассказал мне Шарымов, с выбором стихов согласился, но вступительная статья его не устроила – якобы он просил, чтобы ее подготовил поэт Александр Межиров. Я не знаю, написал ли Межиров соответствующий текст, – скорее да, чем нет. Александр Шарымов сказал, что он обсуждал этот вопрос с Высоцким по телефону, с предложением согласился и якобы даже сказал Высоцкому, что просит воспринимать свою вступительную статью как технический момент, благодаря которому станет видно, сколько примерно места должна занимать вводная часть.

В общем, через несколько недель после редакционной вечеринки, когда вся предшествующая публикации процедура была благополучно пройдена, Высоцкий, надо полагать, находился в полной уверенности, что наконец-то его опубликуют – пусть в небольшом, но вполне солидном издании. Однако эти надежды оказались преждевременными.

Дальнейшие события очень образно описала мне бывшая сотрудница «Авроры» Людмила Региня:

– Вдруг, как это бывает во все исторические эпохи, подул какой-то ветер беспокойства. Источник такого беспокойства всегда непонятен и анонимен. Тем не менее что-то происходило, кто-то зашевелился, в редакции возникло какое-то общее колебание, к стихам Высоцкого стали прислушиваться, принимаются. В таких случаях никогда не говорят автору, что он опасен или что его стихи идейно не соответствуют политическому моменту. Все валят, выражаясь словами Зощенко, на «маловысокохудожественный уровень». В данном случае сказали, что поэтический уровень стихов Высоцкого на бумаге не дотягивает до совершенства. Вместе с гитарой, голосом и образом все прекрасно, а просто стихи на бумагу «не ложатся»...

Хочу сказать, что своя правда в этом присутствует: стихи Высоцкого на бумаге и в его авторском исполнении – «две большие разницы». А особенно если у редакционного руководства имелась возможность сравнивать исполнение песен живым Высоцким с его стихами на бумаге. В общем, придрались именно к тому, к чему придраться было проще всего. Из этого не следует, что я думаю, будто стихи Высоцкого не для читателей, а только для слушателей. Я так не думаю, но знаю наверняка: слушателей у Высоцкого всегда было намного больше, чем читателей.

Мне кажется, тут уместно будет сказать несколько слов про Людмилу Региню. Людмила Антоновна – один из тех людей, благодаря которым появилась эта книга. Я познакомился с нею в 1992 году, она была педагогом в Школе молодого журналиста, которую организовали в то далекое время при петербургском Союзе журналистов. Я ходил туда, и именно там я принял решение о выборе профессии – журналистики. Если бы я не выбрал такую профессию, то, наверное, никогда не смог бы написать эту книгу. Ведь, даже будучи журналистом, мне потребовалось почти 20 лет, чтобы понять, как следует воспользоваться накопленной информацией о ленинградской биографии Высоцкого...

Но я отвлекся.

Еще до наступления нового 1975 года всем работникам редакции «Авроры» стало понятно, что стихи Высоцкого опубликованы не будут. Думаю, это стало ясно и самому Высоцкому, который, как мне кажется, ничего другого и не ожидал.

Александр Шарымов так описал свой последний контакт с ним:

– Торопыгин взял подборку стихов Высоцкого и произвел на ней некую авторскую правку. В частности, он предложил «похерить» какие-то строфы из песни «Як-истребитель». Вариант с этой правкой я вновь отослал Высоцкому в Москву и в своем письме написал, что, если он согласен на правку и все еще хочет у нас публиковаться, то пусть вновь завизирует материал. Ответа мы не получили...

Но самое удивительное, что и на этом история не закончилась.

«Мои товарищи – артисты»

Безусловно, Владимир Торопыгин поступил так, как вынужден был поступить, – постарался забыть про Высоцкого и про свои невыполненные перед ним обязательства. Вряд ли уместно осуждать его – главный редактор журнала поступил в полном соответствии с правилами игры, которые ему в то время были навязаны. Тем более что довольно скоро после этого он покинул пост главного редактора журнала – это случилось в 1977 году из-за той самой публикации стихов поэтессы Нины Королевой, про которую в 2005 году вспомнила «Литературная Россия».

Но бывшие подчиненные Торопыгина, в частности Людмила Будашевская, забывать про Высоцкого категорически не захотели. Будашевская сделала невероятное – заказала для «Авроры» большую публикацию про актеров Театра на Таганке актеру этого театра и другу Высоцкого Вениамину Смехову. Причем, насколько я понимаю, во время предварительных переговоров с актером специально оговаривалось: в его статье должно быть написано и про Высоцкого.

Процесс «согласования» этой публикации длился годы, и могу предположить:

Высоцкий так и не узнал о ее существовании. Статья Вениамина Смехова называлась «Мои товарищи – артисты», она была опубликована в мае 1980 года – соответственно, в 5-м номере «Авроры». До смерти Высоцкого с момента этой публикации оставалось около двух месяцев. Насколько я понимаю, он был уже в таком плохом физическом состоянии, что ему могли просто не рассказать о публикации. А могло случиться и так, что до московского окружения Высоцкого вовсе не дошла информация о публикации в не особенно большом ленинградском журнале.

Но в любом случае эта статья стала единственной позитивной прижизненной ленинградской публикацией про Высоцкого, которая, к тому же, была проиллюстрирована большой красивой фотографией работы известного автора Валерия Плотникова.

Мне рассказывали, как принималось решение об этой публикации. Главным редактором «Авроры» был тогда известный советский писатель Глеб Горышин. Говорят, он был достаточно лояльным и доброжелательным главным редактором, но он все равно был главным редактором журнала, контролировавшегося советской цензурой. Кроме того, говорят, Горышин совершенно не симпатизировал творчеству Высоцкого, творчеству Вениамина Смехова и вообще Театру на Таганке – у него были принципиально другие творческие приоритеты.

Однако увлекшиеся идеей «реабилитироваться» перед Высоцким, сотрудники «Авроры» нашли нестандартный способ воздействия на своего главного редактора. Дело в том, что к Театру на Таганке в то время был очень близок писатель Федор Абрамов – Таганка ставила его знаменитых «Деревянных коней». А Глеб Горышин был другом Абрамова, в связи с чем сотрудники «Авроры» просили Абрамова поговорить с Горышиным о возможности публикации статьи Смехова «Мои товарищи – артисты». При этом любопытно, что сам Абрамов к журналу «Аврора» относился весьма прохладно – его так и не удалось заставить что-нибудь там опубликовать. По словам Людмилы Будашевской, направленность «Авроры» казалась ему слишком «западнической». Что, судя по всему, не помешало ему попросить Глеба Горышина опубликовать статью Смехова.

МОИ ТОВАРИЩИ —АРТИСТЫ

Ничего интереснее театра мне не случилось встретить на свете. Интереснее может быть только сама жизнь. Мне повезло узнать и на сцене, и в жизни многих замечательных людей искусства. Ни с чем не сравнимое удовольствие—слушать живые рассказы современников об их друзьях, когда имена друзей—Качалов, Хмелев, Булгаков, Акимов, Черкасов, Москвин, Блюменталь-Тамарина...

Нежно вздыхая по ушедшей плеще мастеров отечественной сцены, перечитаем письма и воспоминания, восстановим, как сможем, для себя гул тогдаш-

них дискуссий, споров и пересудов... Интересно. Даже завидно.

«Лицом к лицу—лица не увидеть...», но с расстояния даже в несколько лет или в несколько сот километров—до чего же хорошо выдерживают испытание чужа и такие близкие, сегодняшние имена: Михаил Ульянов, Ростислав Плятт, Сергей Юрский, Зиновий Гердт, Иннокентий Смоктуновский, Юрий Никулин, Евгений Леонов, Алиса Фрейндлих, Владислав Стрельчик, Марина Неёлова, Маргарита Терехова... Ничего интереснее театра мне не случилось встретить на свете.

Валерий Золотухин

Ах, какой благодарный материал для биографов!.. Деревенский мальчишка, измученный тяжелой болезнью ног, преодолевший категоричность медицины и что-то не менее непреодолимое, наперекор злой судьбе ставший столичным актером. Дальше—больше... Вот он под куполом карьеры, славы, квалификации! Грушницкий,

Кузькин, Маяковский, Маленький монах, Пушкин, лидер поэтических спектаклей, Водонос из Брехта, Ходок в Смольный из «Десяти дней, которые потрясли мир», там же—Пьерро с песней Вертинского. Дальше, как в цирке, выше, по канатам... уже экрана—к всеобщей славе своих фильмов «Бумбараш», «Хозяин тайги»; даль-

ше—любимый народом исполнитель песен, романсов, частушек, стерж, новых; выше (под купол цирка!)—писатель, автор исповедальных, чистейших повестей и рассказов. Не тот ли это цирк, под огнями которого мечтал испугаться герой его книги «На Исток-речушку, к детству моему»?.. Валерий Золотухин навлек на себя крутые, холодные слова неверия, отрицания, скептического недоумения: и что нашли в нем? Однообразен, раздражает протонародной крикливостью, радует только первые

десять минут наперекор ним скептики казнят с царя взлетает на реты, где с поэты, мятеж кинскую да послушной, подо мной,

Потом—от тербургский царяется на и меж лоскут зирует из что мураши

мидоза. Не надо слишком доверять обманчивой внешности «тетушки Полли», классной наставницы, настоятельницы монастыря. Независимая, ни на кого не походя, она таит в себе горячее, нервное актерское содержание, увлекается и ошибается, когда категорично осуждает или восхваляет кого-то. В роли Берггольц (фильм «Дневные звезды»), в роли Раневской (спектакль «Вишневый сад»), в роли Спиридоновой (фильм «Шестое июля»), Эльмиры («Тартюф») Алла открывала мне, очень давно знакомому с ней, совершенно новые черты поэтической страсти, сердечной тоски, гражданского темперамента и героического озорства.

Что касается живого общения, то здесь я ограничусь ссылкой на... Олега Ефремова. В последние дни его руководства «Современником» я случайно оказался «белой вороной» на заседании их худсовета. Обсуждался макет «Дульсинки Тобоской». Веселый Олег Николаевич признавался в неслишком большой своей заинтересованности постановщика — музыкой и художниками спектаклей. Однако тогда была серьезная, и разговор — тоже. Не помню, по какому поводу Ефремов обратился ко мне — и вдруг поделился впечатлением от съемок в Минске телефильма «Вся королевская рать». И самое сильное, после восхищения Луспекаевым, было его наблюдение за актрисой Демидовой. «Она прекрасный партнер, у Аллы Сергеевны самые живые глаза среди актрис! Суждение запальчивое, но авторитетное. Моя оппозиция ему, может показаться, продиктована таким актерским эгоизмом. В спектакле «Час пик» Демидова сыграла небольшую, но важнейшую роль Боженцкой. Сыграла отлично, получила премию на фестивале польской драма-

тургии. Затем что-то произошло, и она... расхотела играть в «Часе пик», сурово обругала его «шлягером», неглубоким произведением. Само по себе это совершенно нормально. Но удивило меня другое. Выходя на сцену, я думал: актер не должен открывать зрителям негативного отношения к работе театра. Алла не может побороть свое неуважение к спектаклю, и в самых важных для моего персонажа сценах она — мой красноречивый недоброжелатель. Красноречивый, ибо глаза ее в паузах умеют хорошо сообщать настроение актрисы — тут уж прав был Олег Ефремов... Но все это, однако, означает, что перед нами — настоящая актриса, с горячим, неукротимым нравом, слабо скрываемым внешностью «интеллигентасухаря», «тетушки Полли» и проч., и проч.

Алле Демидовой нелегко в Театре на Таганке, но она трудится в нем терпеливо и честно. А нелегко — по причине театральное... регламента. По таланту, по характеру и успеху в ролях она — типичный представитель «премьерш» театров. Это особый сорт людей — премьерши. Когда-то были Ермолова и Савина, Райх и Коонен. Сегодня это имена их наследниц: Алиса Фрейндлих и Ольга Яковлева, Татьяна Доронина и Ия Саввина... В театре Юрия Любимова — Зинаида Славина. Предлагаю грустное дело сопоставления двух характеров, взаимного сосуществования столь далеких «систем» (Славина — Демидова) фантазии околотаганских театралов.

Как говорят, «победила дружба...» к исходу второго десятилетия. Демидова достойно выдержала нелегкое состязание самолюбий и сегодня явно разделила «первое» и «второе» места в турнирной таблице наших

«прим». А я заявляю настойчиво: то, что ее миновала чаша «любимыми» шефа с юных лет, чрезвычайно укрепило и дух, и талант. Пристрастная любовь Главного к главной героине труппы приносит не только радость. Она одновременно может обернуться и печальными итогами — капризностью самой актрисы, эгоцентризмом, самолюбленностью и тяжелой борьбой за себя в будущем... Когда

героиня моего театра, или зритель театра...

Сохранить самость все более черк, Демидовине совет театра, м период «от ко благодар уму и талан

Владимир Высоцкий

Популярность этого имени на данный отрезок времени бесспорна. Друзья, мы знаем, как наслаждаются его песнями ученые и артисты, строители КамАЗа и колхозники Узбекистана... Даже в тех отдаленных уголках, где труженикам неведомы обольщения театральных залов и эстрады, лирический герой его песен — свой, родной человек. За годы жизни, будучи актером, поэтом, певцом, Высоцкий нажил не только положительный, но и тeneвой капитал — слухов, легенд, полуправд, гипербал, лжи, несправедного обывательского интереса к частной жизни кумира. Я всегда удивляюсь, сталкиваясь с таким интересом. Почему бы просто не отозваться благодарностью за существование живого таланта, так часто радующего, так много сделавшего для искусства?

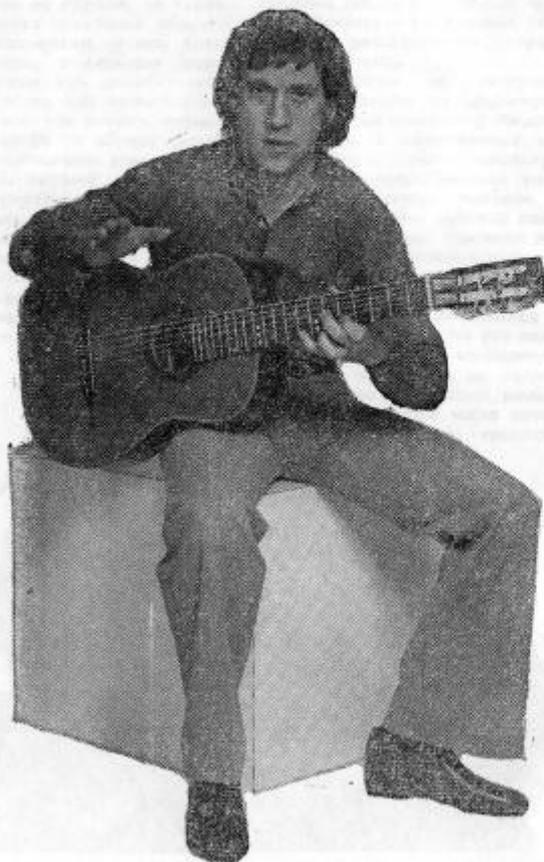
Вспомнил рядовой день Владимира Высоцкого. Утром — напряженная репетиция. Пригнем через кубы, сто раз повторим каждую фразу — Любимов не дает покоя ни себе, ни актерам. Днем Володю спрашивают

выступить физиками и миками. За привозят с половинкой Галилея он вает, что Э круг Соли партнером и своей прав секунду... В мы увязаем филем, но романе Бра рван: Воло песня, она музыка, не но решить с ся магнитоф зах чудесна дурае и п дый из юто счастным, процесс пов вариант... качает голо но, неинте быть, это з брал, просл под утро он тиз, который лял показат езов домой

Суть: одна из сегодняшних мелодий натолкнула на новую тему... Пока не родится, пока не ляжет на бумагу то, что возвращается в мозг, он не уснет. Так и придет в театр — репетировать, работать, вплоть до того личного часа, когда опять вернется к недоговоренному сюжету...

Нет перерывов, часто нет сна, но есть сплошная карусель, чертовое колесо творчества.

Высоцкий — дитя стихий, я не видел второго такого же по выносливости. Он неутомим, как горная река, как сибирская вьюга, и это не метафора, увы! — он так же беспощаде

к себе в работе, как и упомянутые явления природы. Только ему это дорожке стоит — жизни и здоровья. Стихия, увлечение, интрига замысла, влюбленность делают его самим собой. Казенный распорядок, будничная суета меняют его облик. Это словно бы другой человек — неширок и щедр, неузнаваем ни в чем... Но вот его властно призвала страсть, идея, мечта, песня, дружба, роль... Перед вами — Владимир Высоцкий. Он распахнул весь перед людьми, он рискует сгореть, расплавиться на каждом шагу... Он сочинит песню, которую завтра полюбят. Он уедет сниматься в горы, увлечется альпинизмом, и его стихи о дружбе и мужестве, о горах и войне принесут кинофильму успех. Прекрасно сыграл офицера в фильме «Служили два товарища», он наотрез отказался от дублера — сам скакал, сам седлал, сам падал с коня... Дитя стихий...

Сталкиваясь с актерами в таганском «быту», иногда теряешь меру отсчета. Легко поддаться мелководным, растительным придирам... Ну зачем он ерничает, зачем неспокоен, зачем меняет друзей на фаворитов, зачем так подозрителен и грубоват, а вот уже и неблагодарен, забывчив... Но стоит ему взять в руки гитару и спеть нежно и горестно песню о детстве, об участниках и свидетелях войны, о временах и нравах... Но стоит ему начать что-то рассказывать... Высоцкому пишут орденосцы и влюбленные студентки, школьные коллективы и седые учителя, нефтяники, литераторы, инвалиды войны, садоводы и шоферы... Я своими глазами читал письмо, где сорока-

летний
тора и
смерти
могло,
низ и
болезни
шал пе
ши», по
требил
Случил
лилась
жить и
«Спаси
нович...
Масо
голоси
жщими
ми, без
моз и
нами т
чий, ну
сенями
ляется
ловно
женско
случаи,
ижежно
красив
ственно
«актуал
но это
ностью
нако по
время
ского—
фонова
Распутн
кова. Та
ча, Хач
на, Шн
фильма
Шепить
мойлова
и Чухон
Эфрос,
Захаров
черк П
лина, Л
вы песн
димира

Так выглядела статья Вениамина Смехова «Мои товарищи — артисты», опубликованная в «Авроре» в мае 1980 года

А еще спустя почти 9 лет, в январе 1989 года, в «Авроре» наконец-то была опубликована та самая подборка стихов, которую Высоцкий вручил бывшему главному редактору журнала Владимиру Торопыгину в октябре 1974 года.

Высоцкий на сцене Дома культуры в Павловске, октябрь 1974 года. Фото Натальи Петренко

Наталья Петренко принимала участие в организации концертов Высоцкого в Павловске, будучи студенткой Военмеха

Песни для «расхитителей»

Организаторов концертов Высоцкого пытались посадить за «хищение»

Ленинград стал единственным городом в нашем необъятном Отечестве, правоохранительные органы которого возбудили уголовное дело по факту серии концертов Владимира Высоцкого. Это случилось осенью 1974 года в Павловске, расположенном на южной окраине административной территории Ленинграда. Причем к самому Высоцкому претензий не было, но организаторы концертов чудом избежали уголовной ответственности.

Плюс 1000

Эта история началась очень странно, совершенно не характерно для событий, которые обычно происходили в связи с концертной деятельностью Высоцкого в Ленинграде. Во всяком случае, если бы я узнал о происшедшем не от непосредственных участников, то ни за что не поверил бы.

По словам бывшего директора павловского Дома культуры Ларисы Антоновны Овчинниковой, осенью 1974 года она обратилась к Высоцкому с просьбой помочь поправить финансовое положение возглавляемого ею заведения! Высоцкий якобы согласился и дал пять концертов, сборы от которых и стали этой помощью.

События, напомним, развивались в 1974 году, когда понятие «хозрасчет» ассоциировалось с людьми в штатском и профилем Дзержинского, а все учреждения находились исключительно на бюджетном финансировании, которое было не ахти какое, но стабильное и вполне достаточное для существования – в лучших традициях социалистической плановой экономики. И павловский Дом культуры вряд ли мог стать в данном смысле исключением.

Однако стал.

Арифметика в связи с этим появившихся «несоциалистических» доходов довольно проста. Стандартная цена билетов на мероприятия, проходившие в павловском Доме культуры в то время, составляла 40 копеек – она была отпечатана на билетах типографским способом. Организаторы концертов Высоцкого шариковой ручкой зачеркивали эту цену и писали другую: как мне рассказали, в первый раз это было 2 рубля и 50 копеек, в остальные четыре раза – 3 рубля. В бухгалтерскую отчетность попадали корешки от билетов со стандартной ценой – 40 копеек, и разницу участники концессии распределяли неформально.

Организаторы этих концертов рассказывали мне, будто самим себе они оставляли рублей по 10–15 с концерта в качестве премий за внеурочный труд, а остальное каким-то образом тратили на родной Дом культуры. Милиция в эту версию категорически не поверила – об этом в июне 1990 года рассказал мне Александр Олюнин, в чьем производстве в 1974 году находилось то уголовное дело. На момент нашей встречи Александр Павлович был одним из руководителей Октябрьского РУВД Ленинграда.

Но не буду забегать вперед.

В павловском Доме культуры был очень небольшой зал – всего на 160 мест. Высоцкий за каждое выступление получал по 200 рублей, таким образом, нетрудно подсчитать, выражаясь современным языком, цену вопроса.

В первый раз она составила 160 умножить на 2 рубля 50 копеек минус 200 рублей для Высоцкого и минус 40 копеек официальной стоимости каждого билета – итого 136 рублей. В каждый из последующих четырех концертов билеты продавались по 3 рубля, таким образом, организаторам концертов должно было остаться по 216 рублей с каждого из четырех концертов. Значит, в целом за пять выступлений Высоцкого они могли заработать 1000 рублей – по тем временам весьма приличные деньги.

Трудно сказать, каким образом можно было использовать эти деньги для Дома культуры, но статья 92 Уголовного кодекса РСФСР «хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением» предусматривала вполне ощутимый срок.

Высоцкий на тех концертах тоже, судя по всему, неплохо заработал – по 200 рублей за пять концертов получается та же тысяча. Как мне объяснили, если бы все происходило официально в рамках договоров с «Ленконцертом» или с «Москонцертом», то Высоцкий получил бы за каждое выступление по 15 рублей.

При этом мне описали интересный случай. Якобы однажды Лариса Овчинникова вложила в предназначенный Высоцкому конверт с деньгами не 200 рублей, а 225 – чтобы проявить таким образом свое расположение к актеру. Но Высоцкий перед следующим концертом вернул 25 рублей, сказав, что, видимо, произошла ошибка, потому что договаривались на 200.

Билеты распространялись, естественно, без всяких афиш и объявлений – только через

своих, что, учитывая небольшую вместимость зала и невероятную популярность Высоцкого, проблемы не составляло. По словам очевидцев, на тех концертах в основном присутствовали студенты Военмеха, Института физкультуры имени Лесгафта, Института культуры, Института киноинженеров и сотрудники фабрики имени Бебеля, связанной с этим Домом культуры. На расположенной ближе всего к павловскому Дому культуры фабрике имени Бебеля билеты распространялись по остаточному принципу: те, что оказались нераспроданными в других местах.

При этом, в целях конспирации, людям, просто прослышавшим про выступления Высоцкого и приходившим в Дом культуры с улицы с просьбами продать им билеты на следующие концерты, говорили, будто никакой Высоцкий у них не выступает: мол, все это слухи, не соответствующие действительности.

Высоцкий на сцене Дома культуры в Павловске, октябрь 1974 года. Фото Натальи Петренко

Суперорганизация

Подробности организации тех концертов мне известны от многих людей, так или иначе

во всем этом участвовавших. Однако самым большим объемом показавшейся мне интересной информации владели возглавлявшая Дом культуры Лариса Овчинникова и тогдашняя студентка Военмеха Наталья Петренко, у которой мама работала в том Доме культуры и которая сама принимала активное участие в организации встреч с Высоцким. Кое-какие любопытные подробности добавили другие участники тех событий, но Лариса Антоновна и Наталья, безусловно, стали главными моими источниками информации.

И надо признать: со столь серьезно организованными мероприятиями при изучении ленинградской биографии Высоцкого я еще не сталкивался.

Прежде всего, было поставлено условие: никаких записей! Наталья Петренко рассказала мне, как лично перед началом каждого концерта проходила по рядам, высматривая зрителей с магнитофонами, просила убрать магнитофоны, а если зрители не слушались, то звала Ларису Антоновну. Та, будучи дамой уверенной в себе и напористой, как правило, добивалась выключения магнитофона. Интересно, что при этом радист Дома культуры (так называли в то время человека, обеспечивавшего работу усилительной аппаратуры в зрительных залах) беспрепятственно записывал Высоцкого, и якобы Высоцкий однажды заметил это и был крайне недоволен.

Я акцентируюсь на этом нюансе вот почему. Мне организаторы концертов говорили, будто вето на аудиозапись инициировал сам Высоцкий. Может, оно так и было, но сотрудникам милиции, похоже, показалось, что инициатива запрета на записи исходила от организаторов концертов, которые относились ко всему происходившему как к коммерческому проекту, а потому не хотели конкуренции. На качественных записях концертов Высоцкого в то время можно было неплохо заработать...

Но вернемся к самой организации. Мне рассказали, как Высоцкому специально готовили «пути отступления» таким образом, чтобы его не смогли задержать поклонники, желавшие в обязательном порядке пообщаться с любимым актером после концерта, получить автограф, просто посмотреть на него.

По словам Натальи Петренко, привозивший Высоцкого на те концерты некий Юрий Моисеев надевал кожаную куртку, брал у Высоцкого гитару и ждал, когда после концерта актер немного отдохнет в кабинете директора Дома культуры. Когда Высоцкий был готов выходить, Юрий шел первым и быстрым шагом добирался от запасного выхода из Дома культуры до ожидавшей Высоцкого машины. Люди, естественно, реагировали на появление человека в кожаной куртке с гитарой, бросались к нему, но тут же понимали, что ошиблись, – на это уходило несколько секунд, позволявших Высоцкому выскочить из двери, добежать до машины и усесться на переднее пассажирское сиденье. Юрий Моисеев садился за руль, и они быстро уезжали в Ленинград.

Наталья Петренко рассказала мне, как после одного из концертов особо активная поклонница Высоцкого бегом бежала за ним по коридору Дома культуры и успела из-за поворота коридора увидеть, как за Высоцким закрылась дверь кабинета директора. Рядом с той дверью располагалась точно такая же, но она вела не в кабинет, а на лестницу. Поклонница попросила Наталью разрешения зайти вслед за Высоцким, Наталья уверенным движением распахнула дверь на лестницу, и женщина «на автомате» прошла, после чего Наталья сразу дверь закрыла. Пока женщина ориентировалась и справлялась с охватившим ее чувством растерянности, Высоцкий успел выйти и спуститься на улицу.

«Они неплохо нагрели руки...»

Несмотря на все меры конспирации, о концертах Высоцкого в павловском Доме культуры подозрительно быстро стало известно местным правоохранительным органам. Причем бытовало мнение, будто причиной интереса со стороны местного ОБХСС стала как раз чрезмерная увлеченность организаторов концертов соблюдением правил конспирации. Мол, в один прекрасный момент некая непоследняя сотрудница Павловского дворца (государственный музей) обратилась к директору Дома культуры Ларисе Овчинниковой с

просьбой предоставить билетик на концерт Высоцкого. И якобы получила издевательский отказ: Лариса Антоновна, как мне объяснили, заявила ей, что никаких концертов Высоцкого в Доме культуры нет и быть не может – все это слухи и домыслы. Но сотрудница музея про выступления Высоцкого знала точно – Павловск город маленький, на концертах были ее знакомые. И решила отомстить, закинув анонимку в местные правоохранительные органы.

33Д 00035249—50

ПЕСНИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

МЫ ВРАЩАЕМ ЗЕМЛЮ. СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

АНСТЫ (из кинофильма «Война под крышами»)

В ТЕМНОТЕ (из кинофильма «Сыновья»)

Владимир Высоцкий

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ

Владимир Высоцкий — один из ведущих артистов театра драмы и комедии на Таганке, куда он был приглашен в 1964 году, сразу же после окончания Студии МХАТ.

На сцене этого театра Высоцкий создал ряд интересных образов; среди них — Гамлет, Галилей («Жизнь Галилея» Б. Брехта), Хлопуша из драматической поэмы С. Есенина «Пугачев».

Артист часто снимается в кино. Зрители знают его по фильмам «Служил два товарища», «Я родом из детства», «Вертикаль», «Хозяин тайги», «Короткие встречи», «Опасные гастроли» и другие. В них, как и во многих спектаклях театра, звучат песни Высоцкого.

Песни Владимира Высоцкого — своеобразные песни-монологи, — запомнились слушателям.

Апрелевский ордена Ленина завод грампластинок

Арт. 11-3. Цена 85 коп.

Эту пластинку Высоцкий подписал Наталье Петренко после одного из концертов

Но это, подчеркиваю, непроверенная информация, которая, видимо, навсегда останется под вопросом — милиция таких секретов, как правило, не выдает, а по прошествии времени выяснить подобные нюансы наверняка обычно не представляется возможным — у меня, во всяком случае, не получилось. По факту проведения концертов Высоцкого в павловском Доме культуры было возбуждено уголовное дело. Об этом деле мне удалось поговорить с расследовавшим его в то время сотрудником милиции Александром Олюниным. Как я понял, в 1974 году он работал следователем в милицейском подразделении, которое обслуживало Павловск.

Я не могу сказать, что Александр Павлович был со мной вполне откровенен. Мне показалось, что тому имелись две причины. Во-первых, он всю жизнь проработал в правоохранительных органах, что естественным образом делает человека крайне недоверчивым, не склонным к общению с малознакомыми людьми. А с ним мы вообще не были знакомы — я пришел к нему в полном смысле этого слова «с улицы». Во-вторых, я думаю, что Александр Олюнин имел определенные сомнения по поводу той роли, которая будет отведена ему в будущей публикации. Ему явно не хотелось оказаться в роли адепта режима, преследовавшего Высоцкого — символ свободы. Тем более что наша встреча состоялась в 1992 году, когда средства массовой информации очень любили ретроразоблачения.

Но разговор состоялся, и я полагаю интересным привести его целиком — я не уверен, но, по-моему, это единственное интервью с сотрудником правоохранительных органов, которому по долгу службы приходилось проявлять интерес к Высоцкому.

— Александр Павлович, вы пытались посадить организаторов концертов Высоцкого...
— Подберите, пожалуйста, выражения: я пытался привлечь их к уголовной ответственности в рамках действовавшего в то время в стране законодательства. Я считаю, что эти дамочки

явно нагрели руки на тех концертах. Причем вопросы у нас были не только по концертам Высоцкого, но и по другим концертам, которые они проводили с участием актеров Театра на Таганке. Фактически, они продавали билеты дороже, чем полагалось, а разницу клали себе в карман. Лично я считаю, что это – банальное уголовное преступление.

– Но дело не дошло до суда.

– Не дошло, потому что у директора Дома культуры был депутатский иммунитет. Кроме того, за нее просили всякие высокопоставленные персоны.

– То есть ваше отношение к происшедшему – резко негативное?

– Нет, не так. Организаторы концертов, безусловно, проявили определенную смелость, дав в то время людям возможность слушать Высоцкого. Только это не меняет коммерческой составляющей. Никто не мешал им делать то же самое, продавая билеты по 40 копеек, как положено.

– А почему не пытались привлечь к уголовной ответственности Высоцкого? Он ведь тоже был заинтересованным лицом – получал по 200 рублей за концерт.

– Во-первых, такой информации у нас не было. Во-вторых, к Высоцкому с самого начала вопросов не имелось, потому как он, в отличие от тех дамочек, получил то, что заработал.

– А как вы сами относитесь к творчеству Высоцкого?

– Я его поклонник. С удовольствием слушаю записи, собираю публикации...

Александр Павлович обещал мне поднять собственные архивы, чтобы вспомнить подробности той истории, однако больше пообщаться нам не довелось – по телефону он ссылался на занятость, связанную с борьбой с преступностью. Я думаю, что основной причиной стала настороженность – как профессиональная деформация личности.

Высоцкий на сцене Дома культуры в Павловске, октябрь 1974 года. Фото Натальи Петренко

Господин организатор

Во всей этой истории самой загадочной персоной мне представляется организатор концертов. Бывший следователь Александр Олюнин считал, что попавшие в поле зрения правоохранительных органов концерты организовала тогдашний директор Дома культуры Лариса Овчинникова со своими подчиненными, однако, я думаю, что это не совсем так.

Дело в том, что Лариса Антоновна сама по себе не могла быть организатором концертов Высоцкого в возглавляемом ею Доме культуры по весьма простой причине: она не была знакома с Высоцким. Она мне напрямую не говорила об этом, но я делаю такой вывод из общего контекста бесед с многочисленными участниками тех далеких событий. При этом организатора концертов никто не называл, хотя почти все связанные с теми событиями люди упоминали некоего Юрия Моисеева, который привозил Высоцкого на концерты и увозил его обратно в Ленинград.

В частности, про Юрия Моисеева мне много рассказывала Наталья Петренко. По ее словам, он не только привозил и увозил Высоцкого, но и снимал концерты в Павловске на любительскую кинокамеру, записывал на редкий по тем временам небольшой кассетный магнитофон и, вообще, принимал самое активное участие в том, чтобы произошло все то, о чем здесь написано. Кроме того, Наталья Петренко утверждала, будто Юрий Моисеев был единственным зрителем тех концертов, кому разрешалось вести аудиозапись. Мне видится в этом недобросовестная конкуренция.

Более того, от одной из участниц тех событий мне стал известен занимательный, почти детективный эпизод. Как-то раз Лариса Овчинникова и Юрий Моисеев что-то обсуждали в ее директорском кабинете. И из окна кабинета они увидели направлявшегося к Дому культуры сотрудника местного ОБХСС, которого Лариса Антоновна знала в лицо (Павловск, напомним, город маленький). Как мне рассказали, она быстро вывела Юрия на улицу и успела вернуться в кабинет за несколько секунд до того, как туда вошел оперативник. Милиционер, видимо, что-то заметил и попросил отвести его к человеку, с которым Лариса Овчинникова только что беседовала. Но она сказала, что ему показалось, – такого человека не было. Говорят, Юрия тогда пытались найти, а он отсиживался в квартире директора Дома культуры, благодаря чему остался незамеченным.

Мне удалось встретиться с Юрием Моисеевым, но общение с этим человеком не принесло ничего, кроме разочарования.

Во-первых, он сказал, что никогда в жизни не держал в руках кинокамеру. Во-вторых, он сказал, что не записывал те концерты на маленький кассетный магнитофон ввиду отсутствия такового. Кроме того, выяснилось, что он вообще почти не помнит те события, и вся информация, которую мне удалось от него получить, сводилась к тому, что он с трудом вспоминает, что вроде бы Высоцкий действительно выступал в павловском Доме культуры. С Юрием Моисеевым мы общались неоднократно, он легко шел на контакт, охотно рассказывал про свои многочисленные связи в актерских тусовках, однако всякий раз технично уходил от ответов на прямые вопросы, связанные с организацией тех почему-то забытых им павловских концертов.

При этом он проявлял живейший интерес к наработанным мною материалам, расспрашивал о том, с кем мне удалось встретиться, что сказали те или иные люди. В какой-то момент Юрий сказал мне, будто начинает вспоминать интересовавшие меня события, но для окончательного освежения памяти ему необходимо в спокойной обстановке ознакомиться с распечатками бесед с людьми, ставшими моими источниками информации.

Будучи наивным юношей, я дал ему соответствующую папку, несколько дней спустя он вернул ее, сказав при этом, что на поисковой работе, связанной с изучением ленинградской биографии Высоцкого, можно неплохо заработать – якобы даже за эту папку ему предложили круглую сумму, но он, естественно, отказался, потому что папка моя, а не его. После этого Юрий заявил, что очень спешит, из-за чего дать мне обещанное подробное

интервью о павловских событиях 1974 года, связанных с организацией тех пяти концертов, не может. Он обещал встретиться со мной на днях и все рассказать. Однако с тех пор я его не видел.

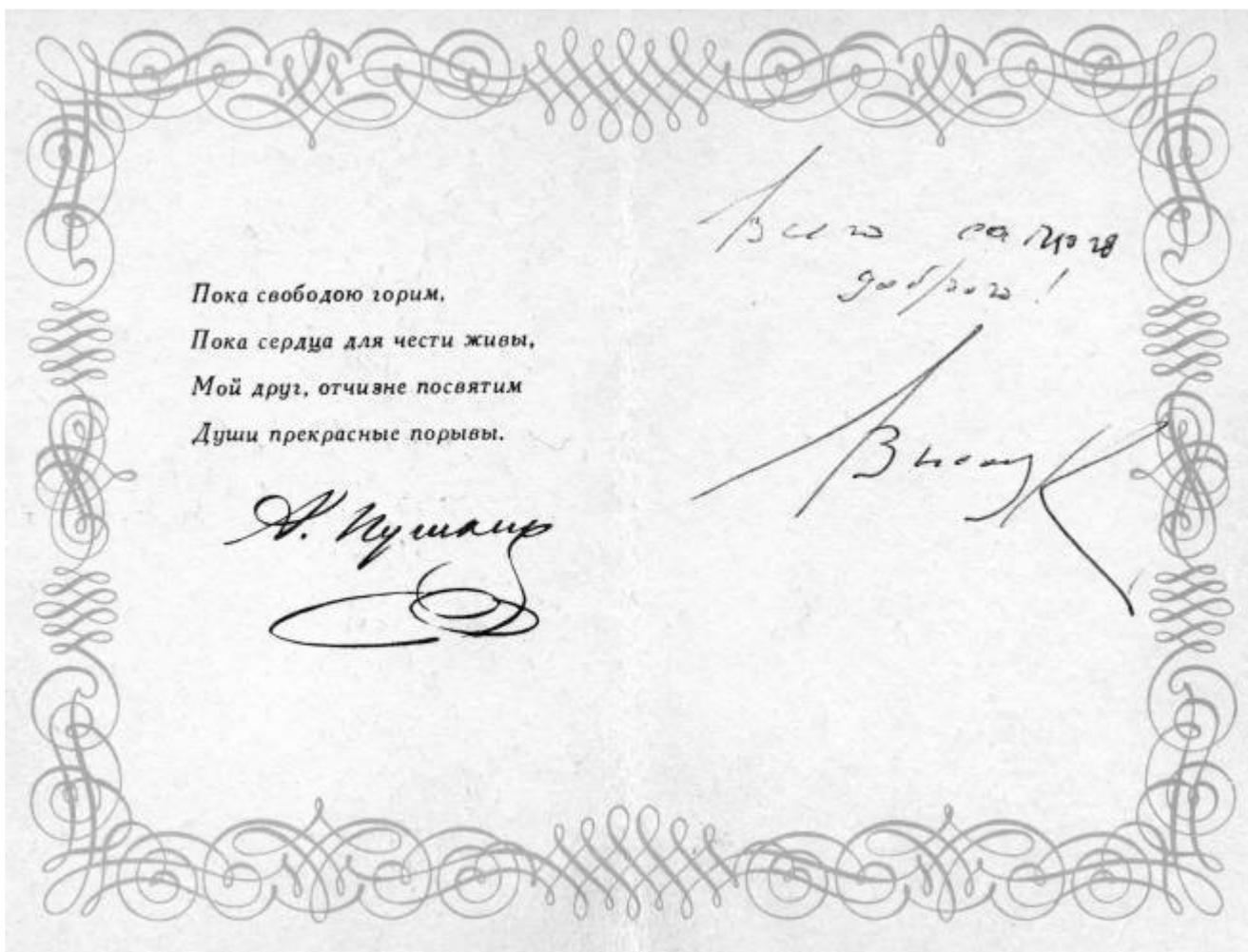
Надо сказать, Юрий Моисеев произвел на меня впечатление очень хваткого делового человека – я думаю, что именно он и был организатором тех концертов, а вовсе не Лариса Овчинникова, максимум возможностей которой сводился к предоставлению помещения, где происходили концерты, и организации продажи билетов. Вот почему у сотрудников местного ОБХСС сложилось впечатление, будто собранные на тех концертах деньги предназначались вовсе не для абстрактных нужд и без того финансировавшегося из бюджета Дома культуры, а лично для Юрия Моисеева и директора заведения Ларисы Овчинниковой.

Уж не потому ли Лариса Антоновна прятала его от оперативников – как ключевую фигуру во всей этой истории, которая категорически не вписывалась в действовавшее на тот момент в СССР уголовное законодательство. Возникает вопрос: процессуальное появление Юрия в том уголовном деле не превратило бы «хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением» в то же самое «по предварительному сговору группой лиц», что могло бы существенным образом усугубить юридические перспективы всех ее участников? Юрий Моисеев в той так и не доказанной следствием преступной группе мог видиться милиционерам безусловным лидером.

При этом пострадал в результате вовсе не он, а директор Дома культуры Лариса Овчинникова – она лишилась директорского поста и имела неприятности «по партийной линии», подробности которых мне неизвестны. А еще, говорят, в ходе расследования того уголовного дела в павловском Доме культуры разогнали художественную самодеятельность...

Художник М. Пашнин. За-514. Ц. 5 к.
Издательство «Изобразительное искусство». Москва 1971
Тип. № 5. Москва, Мало-Московская, 21, зак. 516.

А еще у Натальи Петренко осталась пушкинская сувенирная открытка с автографом Высоцкого
Справка

...

Стопроцентной датировки концертов Высоцкого в павловском Доме культуры нет. В моем поисковом списке зафиксированы 3 даты: 19 сентября 1974 года, 12 октября 1974 года и 15 октября 1974 года. Наличие в данном случае трех дат вполне объяснимо: по воспоминаниям очевидцев, в два приезда из трех он давал по два концерта – а всего их было, напомню, пять.

Кроме того, организаторы концерта вспоминают, что один раз Высоцкий после концерта в павловском Доме культуры спешил на поезд в Москву. Могу предположить, что это было 19 сентября. Ведь гастроли Театра на Таганке в Ленинграде в 1974 году начались 5 октября, и тогда Высоцкому уже не было потребности возвращаться с концерта в Павловске в столицу.

Пароль: «Павловский дворец»

Или как Высоцкий не стал почетным гостем

В связи с павловскими концертами Высоцкого мне рассказали еще одну занимательную историю. Впрочем, с ними она связана лишь территориально – события развивались в

Павловском дворце, который начал строиться во второй половине XVIII века по указу императрицы Екатерины II – она хотела превратить село Павловское (так раньше назывался Павловск) в летнюю великокняжескую резиденцию.

Как я понял, после одного из концертов в Павловске Высоцкий решил посмотреть дворец. Несмотря на выходной день (события развивались во вторник, по вторникам многие государственные музеи как в России, так и в СССР закрыты для посетителей), Высоцкому как-то удалось проникнуть в здание, где на первом этаже он заглянул в комнату хранителя.

Разговор Владимир Семенович начал в свойственной ему манере:

– Вы меня узнаете? – якобы спросил он у сидевших там сотрудниц музея.

Те, естественно, узнали и с удовольствием провели Высоцкого по дворцу с индивидуальной экскурсией.

Наверное, на этом все бы и закончилось, когда бы не неугомонной характер еще одной сотрудницы музея, которой не было в той комнате, куда заглянул Высоцкий, но которая от кого-то узнала, что в помещении дворца находится сам Высоцкий! Такого шанса Лариса Григорьевна Менчикова (так звали эту женщину) упустить не могла. Потом, в июне 1990 года, она столь красочно и эмоционально описала мне свою встречу с Высоцким, что я не могу удержаться, чтобы не привести ее рассказ целиком.

«Я подбежала к Высоцкому, когда он уже выходил. – Здравствуйте! – закричала я. – Мне так приятно, что вы наш гость! Вы еще тут побудете?»

Высоцкий удивленно посмотрел на меня и вежливо сказал, что ему, к сожалению, пора уезжать.

– Ну подождите, пожалуйста, хоть минутку! – взмолилась я. – Я хочу взять у администратора книгу почетных гостей, чтобы вы оставили в ней свой автограф.

Высоцкий стал вежливо отпираться: мол, не надо, я не почетный гость, я самый обычный гость – и так далее. Но я взяла с него слово, что он подождет несколько минут, и побежала за книгой к администратору.

– Дайте, – говорю, – срочно книгу, у нас в музее сам Высоцкий!

А у нас тогда работал администратором отставной полковник КГБ. Он сразу насторожился и говорит:

– Секундочку! В нашей книге почетных гостей подписываются народные артисты СССР и члены правительства. При чем тут Высоцкий?

– Вы, – кричу, – не понимаете! Это же Высоцкий. Он сейчас уйдет! Скорее давайте книгу, я хочу, чтобы он расписался.

– Так, Лариса Григорьевна, – сказал он мне. – Никаких книг!

Я, видимо, состроила очень просительную мину, а он так театрально воздел руки вверх и буквально продекламировал:

– Для какого-то там Высоцкого. Да вы что?!

Я сразу поникла, плетусь обратно, тайно надеясь, что Высоцкий не дождался меня и уехал – он ведь сказал, что очень спешит. Ничего подобного! Высоцкий стоял и терпеливо ждал. Видимо, идея оставить автограф в книге почетных посетителей Павловского дворца ему все-таки понравилась. Пришлось, как дурочке, объяснять, что книга оказалась в кабинете директора музея, которая, как назло, уехала в Петербург, заперла за собой дверь и забыла оставить ключ вахтеру.

Высоцкий чуть усмехнулся и снова стал меня уверять, что все это ерунда, что книга почетных гостей – как минимум, для министров, а ему эта книга совершенно ни к чему. Я кивала и пыталась улыбаться, хотя чувствовала, что сейчас разревусь. А Высоцкий все прекрасно понял – он предложил мне на следующий день прийти во Дворец культуры Первой пятилетки, где тогда гастролировала Таганка, и пообещал оставить контрамарку на „Гамлета“.

– Только не забудьте, – говорит, – пароль: „Павловский дворец“...»

Справка

...

Я думаю, что этот занимательный, характерный для своего времени эпизод произошел 15 октября 1974 года. Такой вывод я делаю на весьма простом сопоставлении фактов: Лариса Григорьевна встретила Высоцкого в Павловском дворце во вторник, а на следующий день – в среду – по паролю «Павловский дворец» попала на «Гамлета». Во время ленинградских гастролей Театра на Таганке 1974 года лишь один раз «Гамлет» шел в среду – 16 октября.

Впрочем, дата в данном случае не имеет ровным счетом никакого значения.

Последний приезд Высоцкого в Ленинград датируется 16 апреля 1980 года. Тогда Владимира Семеновича пригласили поучаствовать в съемках музыкального фильма режиссера Владислава Виноградова «Я помню чудное мгновенье...». Съемка происходила в здании Большого драматического театра на набережной Фонтанки.

Я думаю, это была последняя съемка Владимира Высоцкого. Мне о ней известно только из книг и газет – самому не довелось общаться с участниками тех событий.

В апреле 1980 года я только-только начал оправляться после первого серьезного потрясения в своей жизни – разрыва между родителями. А Высоцкий тогда уже был серьезно и, как я понимаю, безнадежно болен. Жить ему оставалось чуть больше трех месяцев .

Фото с вкладок

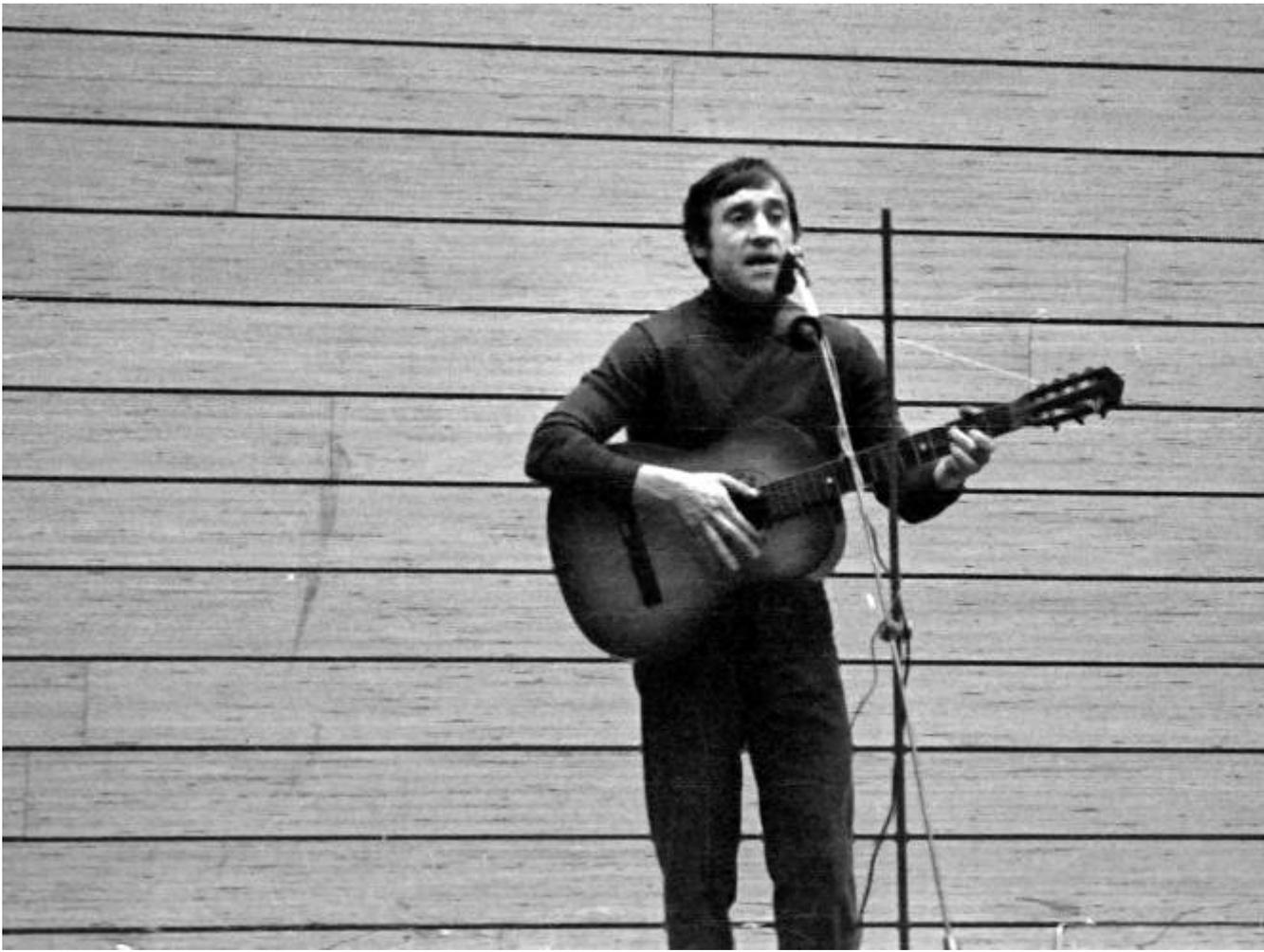
Вкладка 1

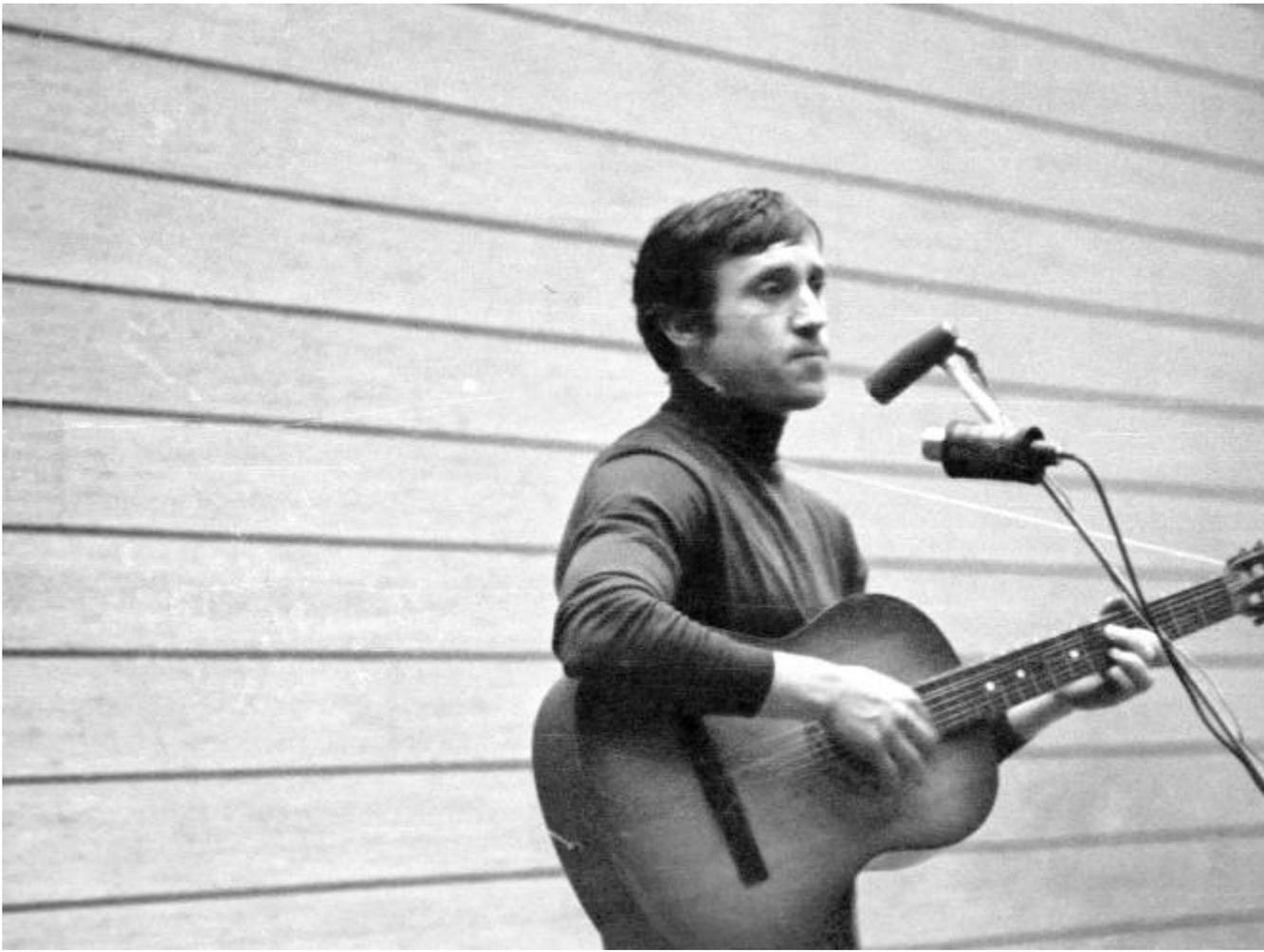

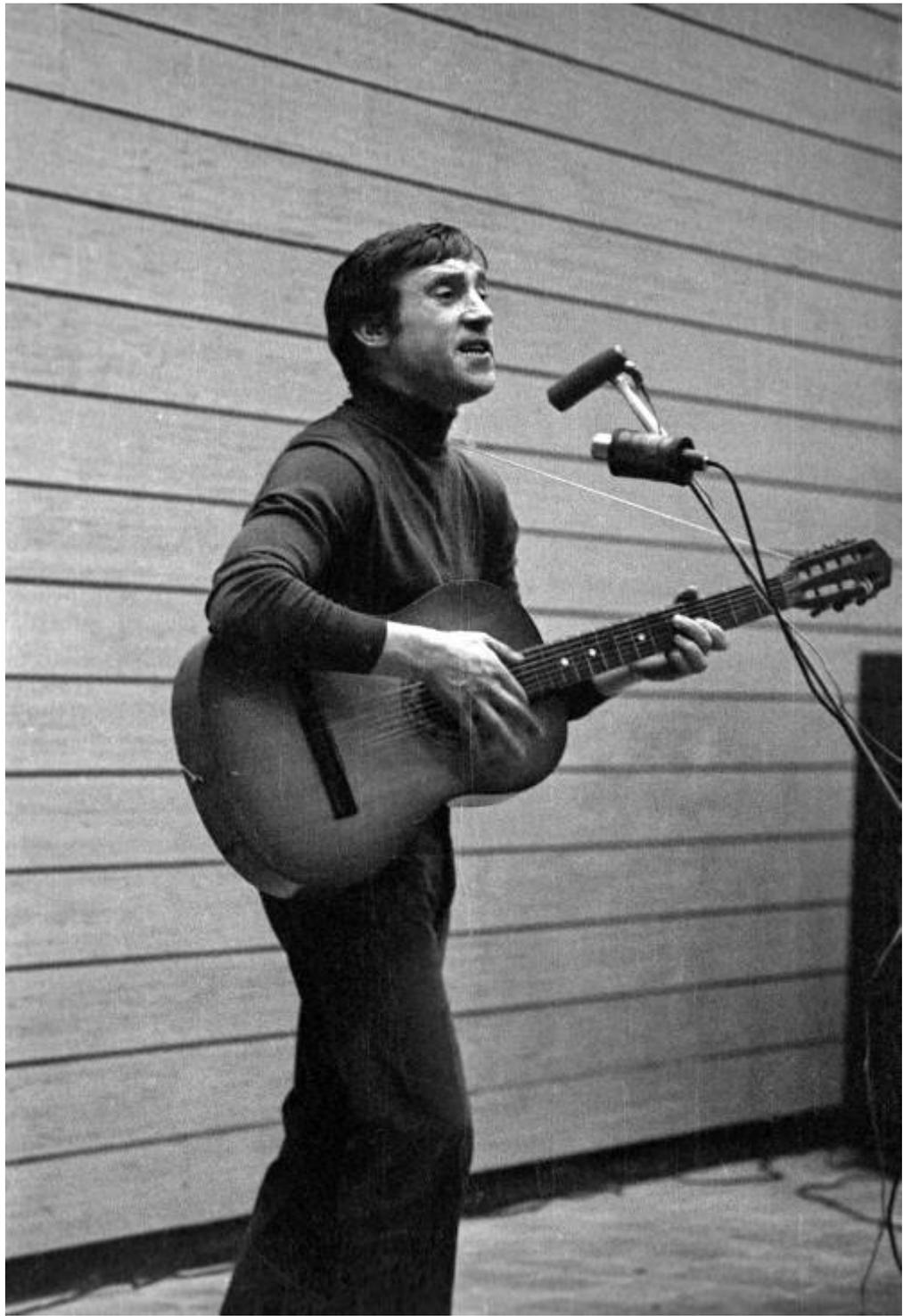
Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Специальной астрофизической лаборатории РАН Анатолий Николаевич Коржавин сделал эти фотографии на концерте Высоцкого в клубе книжного магазина «Эврика» 21 февраля 1973 года.

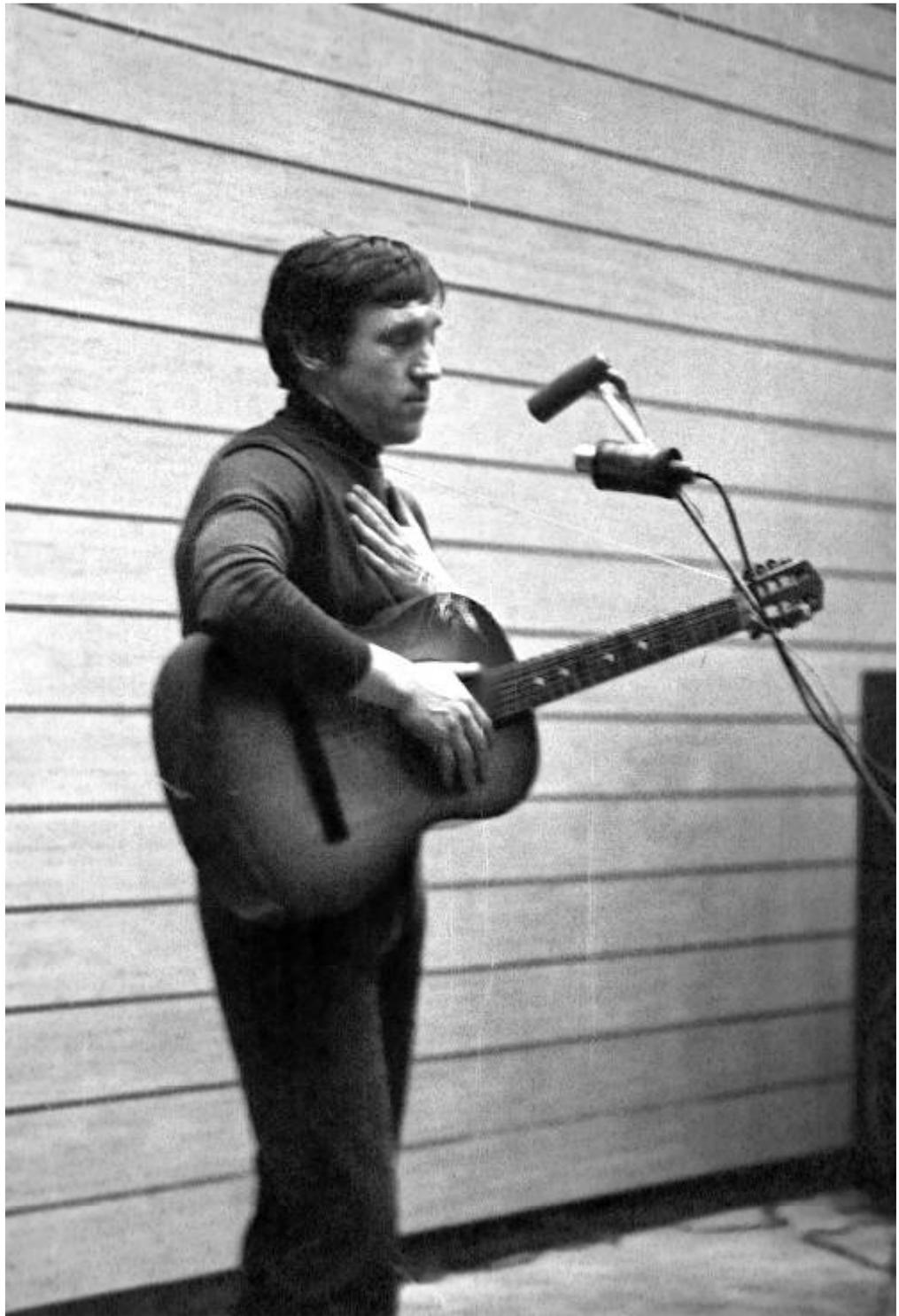
На снимке 70-х годов Анатолий Коржавин во время работы с телескопом

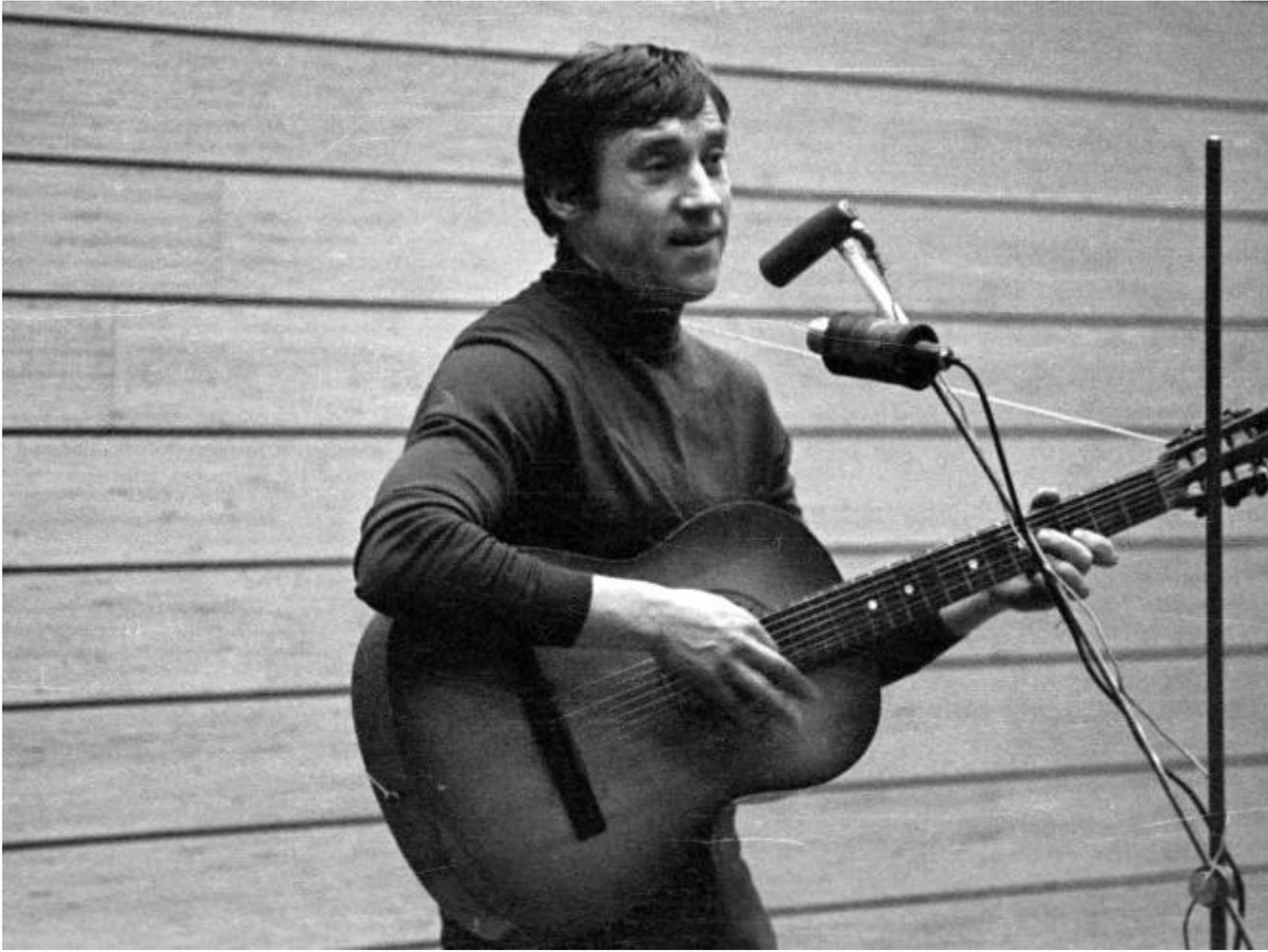

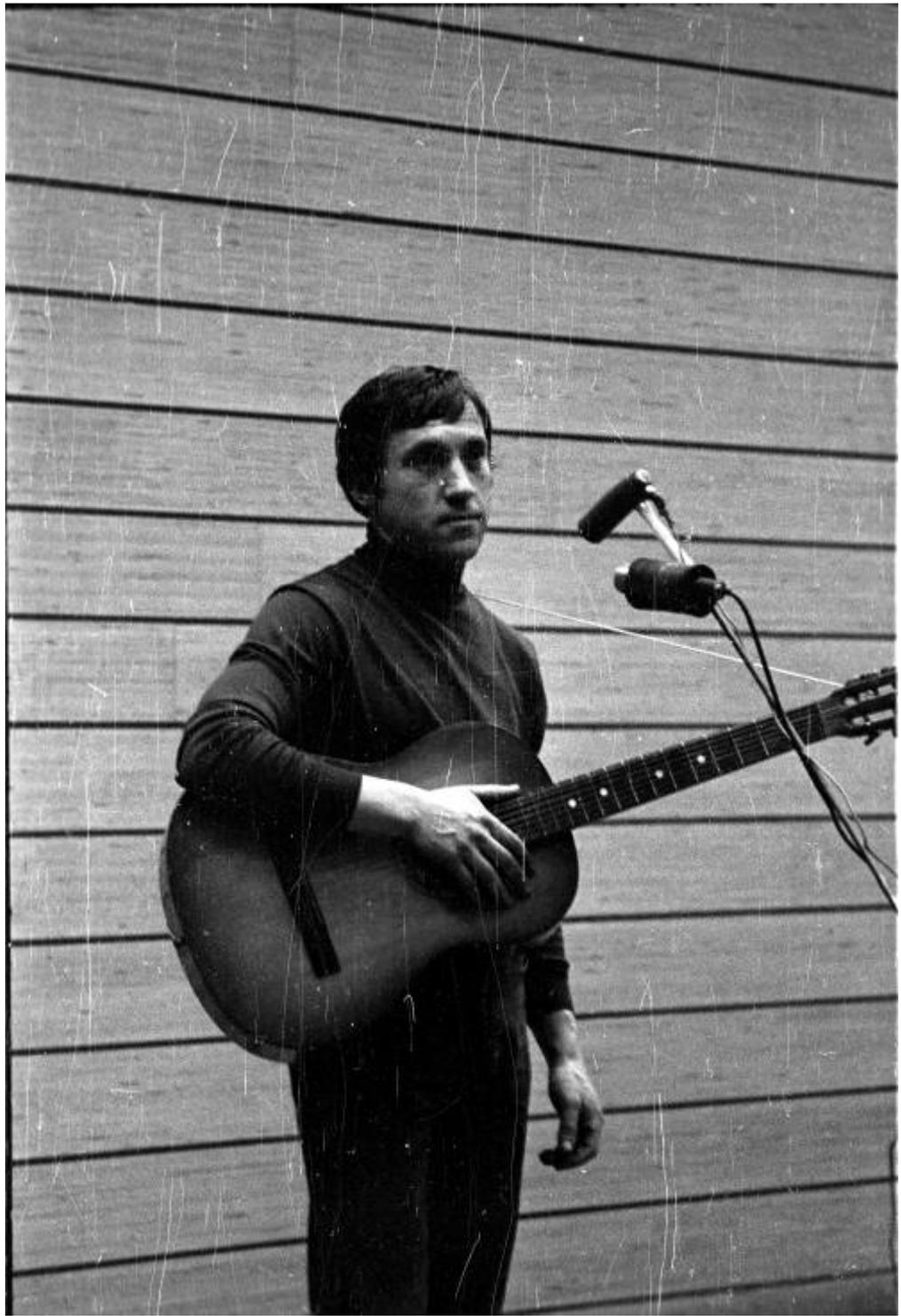

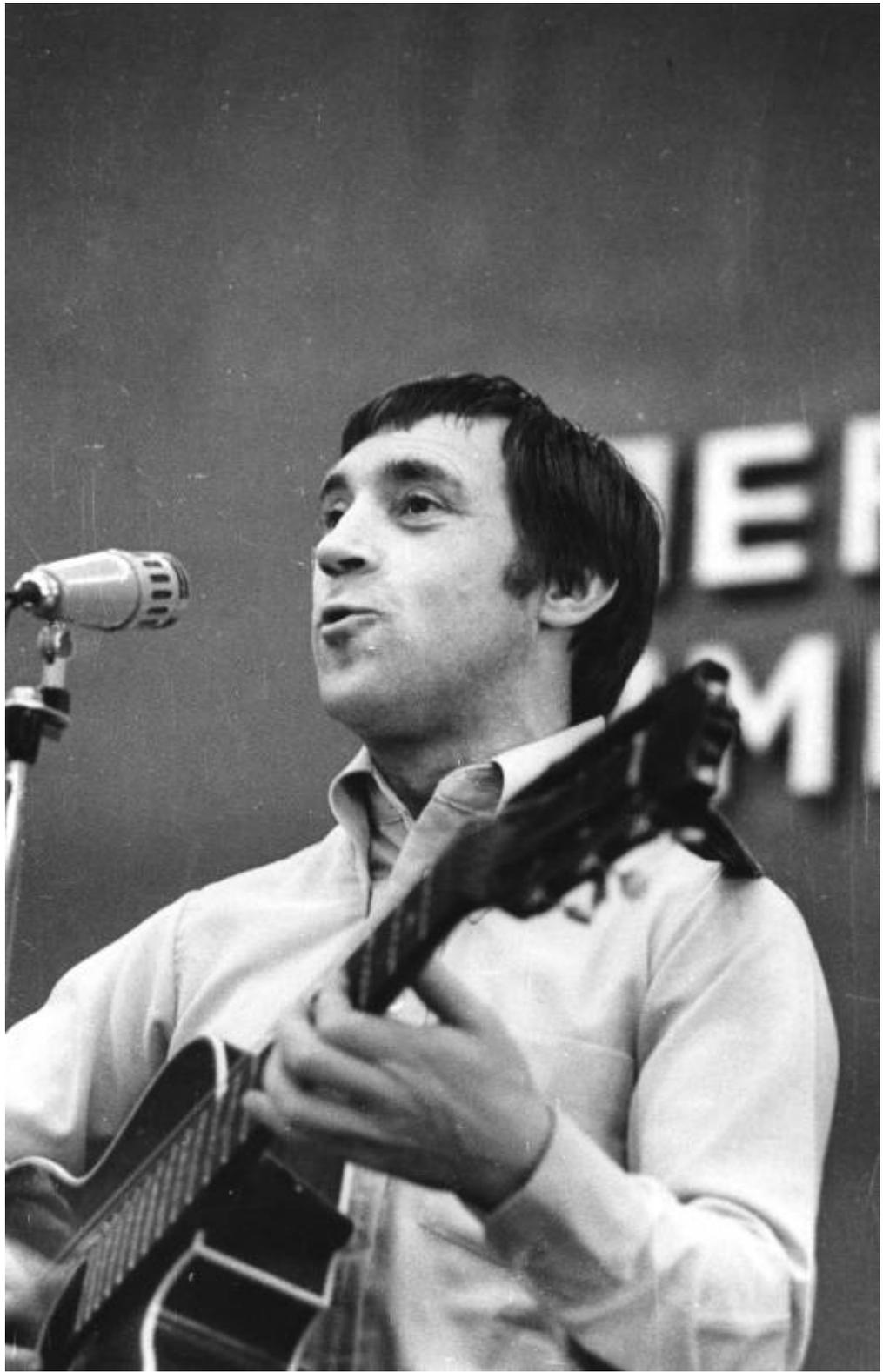

Бывший сотрудник ВАМИ Орик Михайлович Грязнов сделал прекрасную фотосессию с концерта Высоцкого в его институте. На этом снимке Орик Михайлович снят в середине 70-х годов – как раз тогда, когда он снимал Высоцкого. Фотографию Грязнова для публикации предоставила его внучка Полина Еременко

**ВПЕРЕД К
КОММУНИЗМУ!**

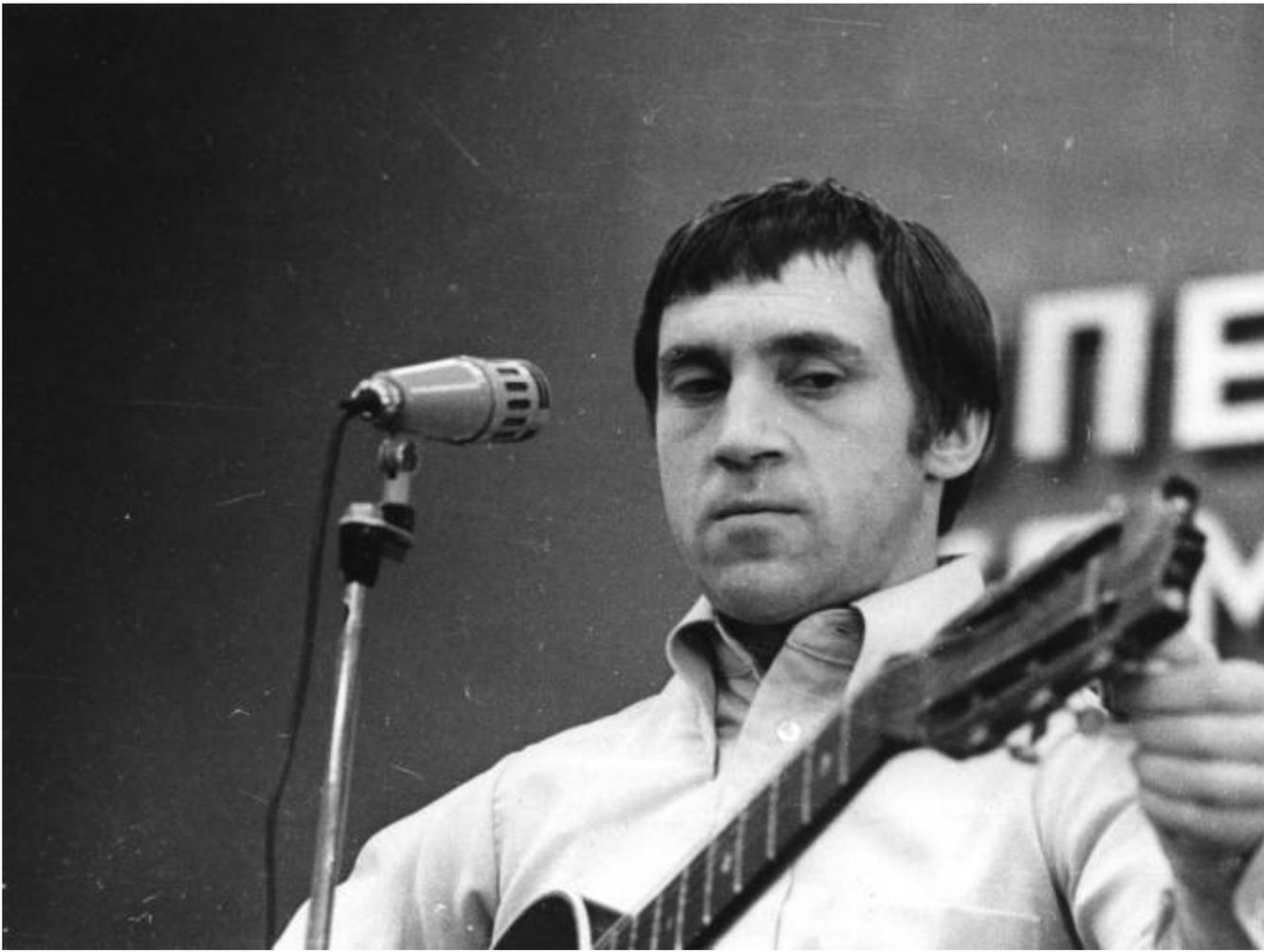

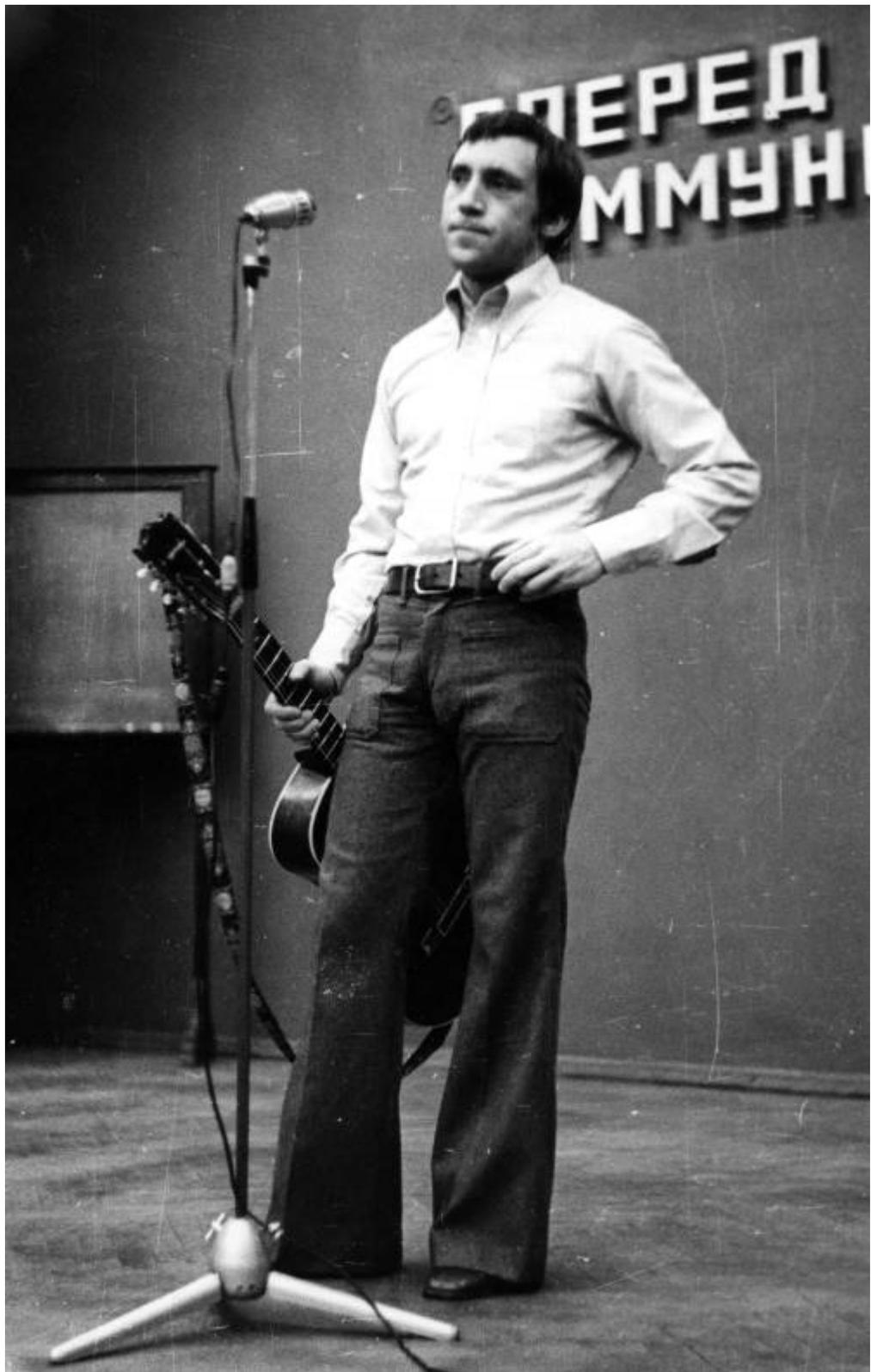

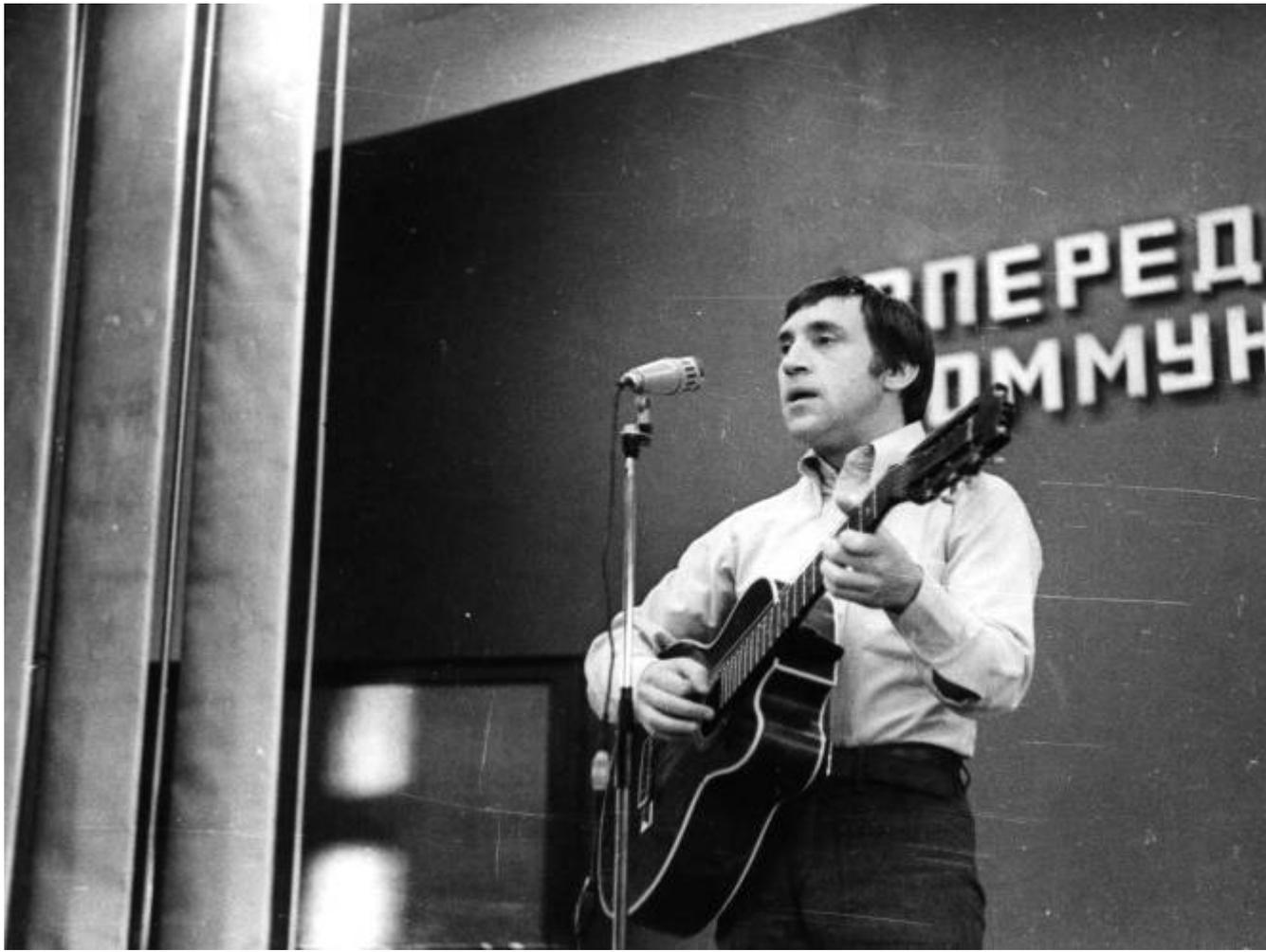

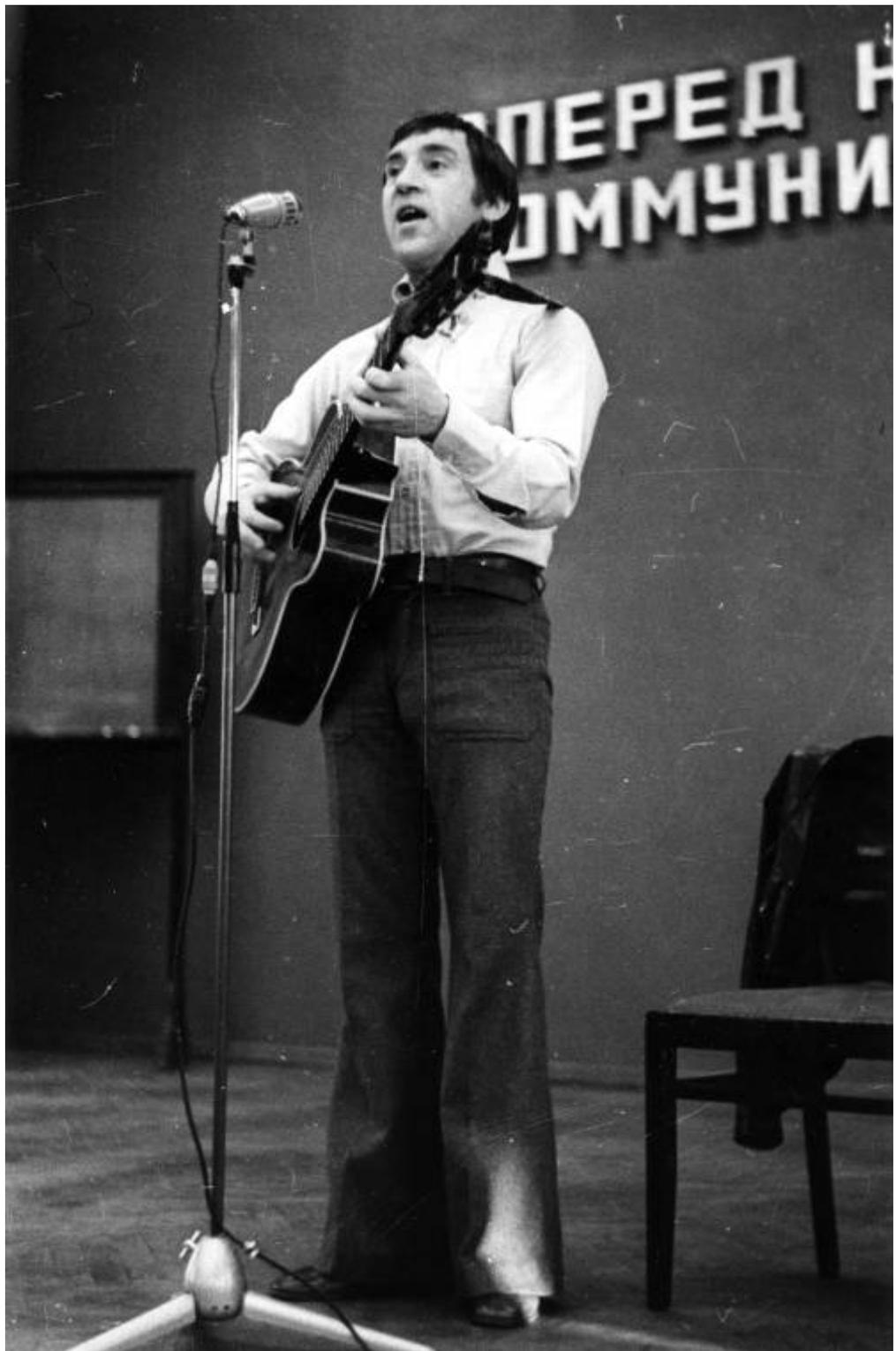

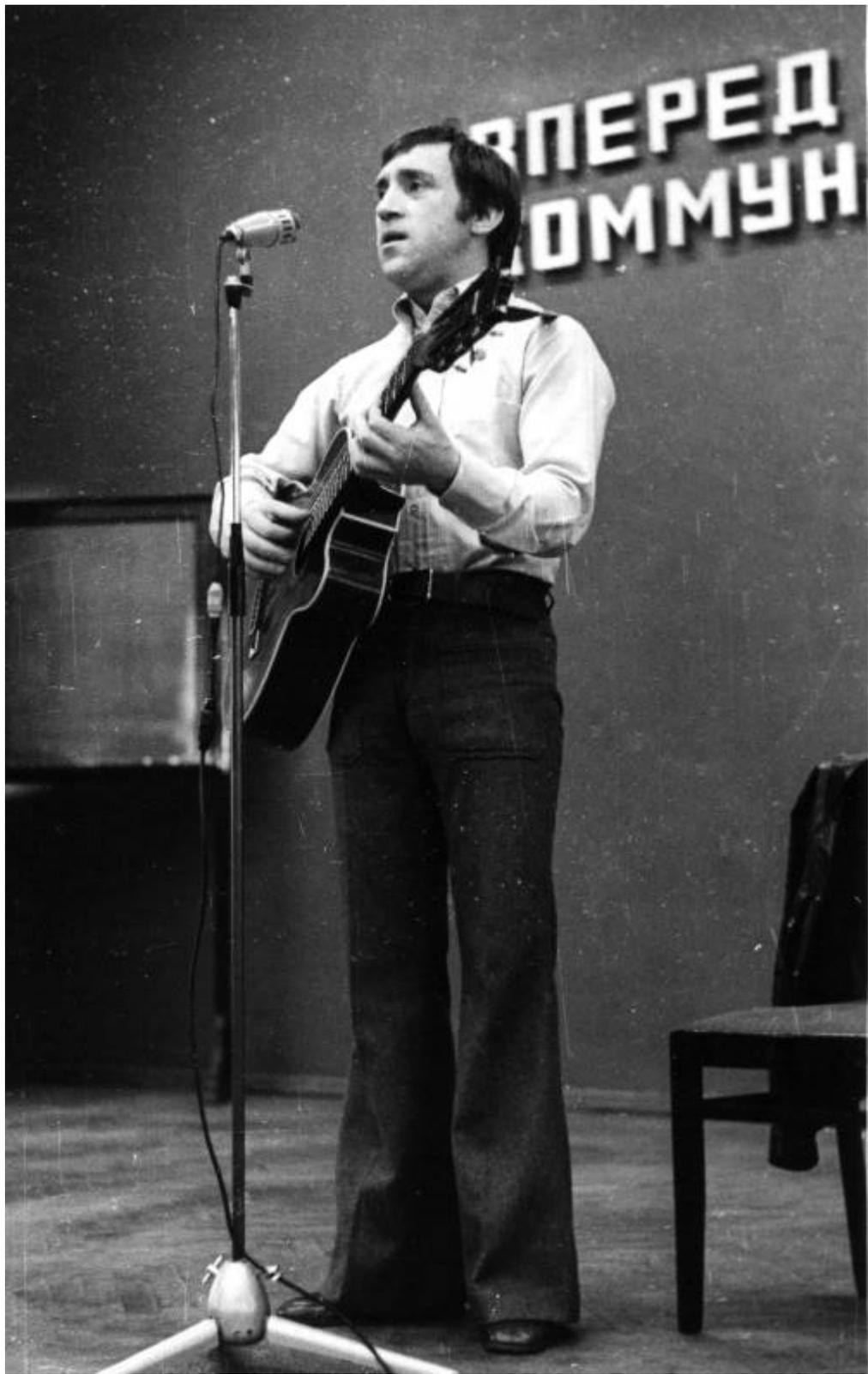

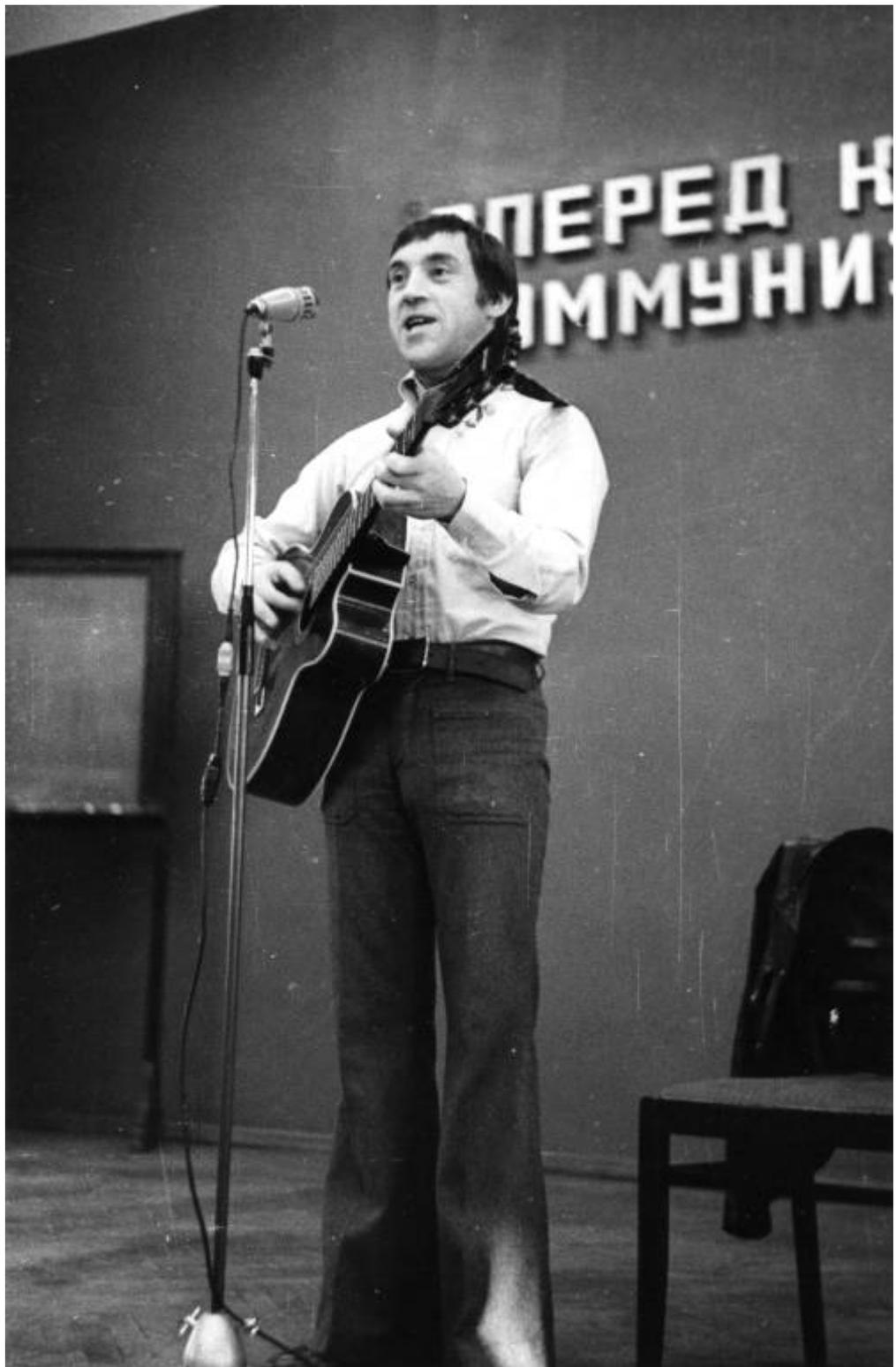

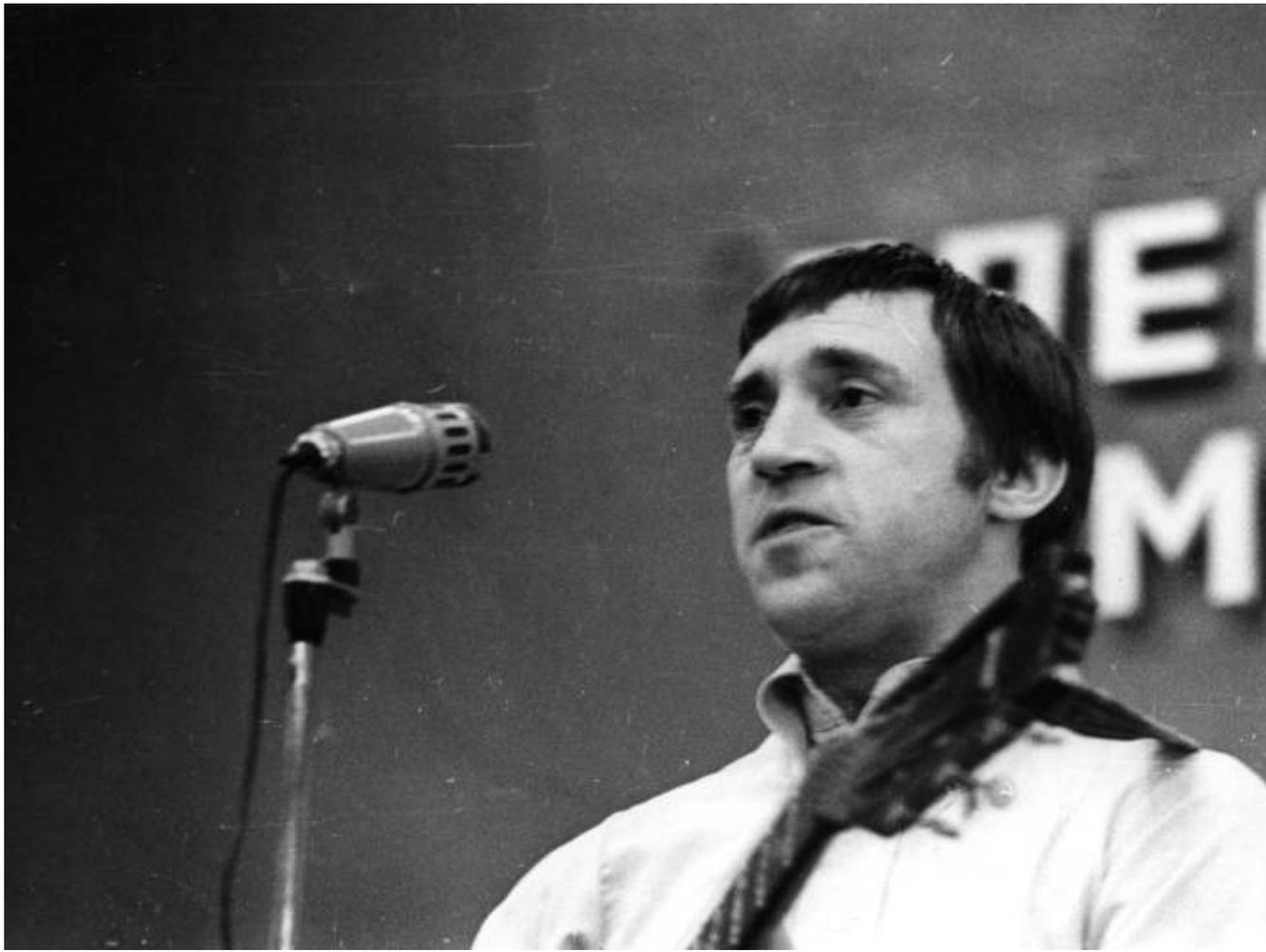

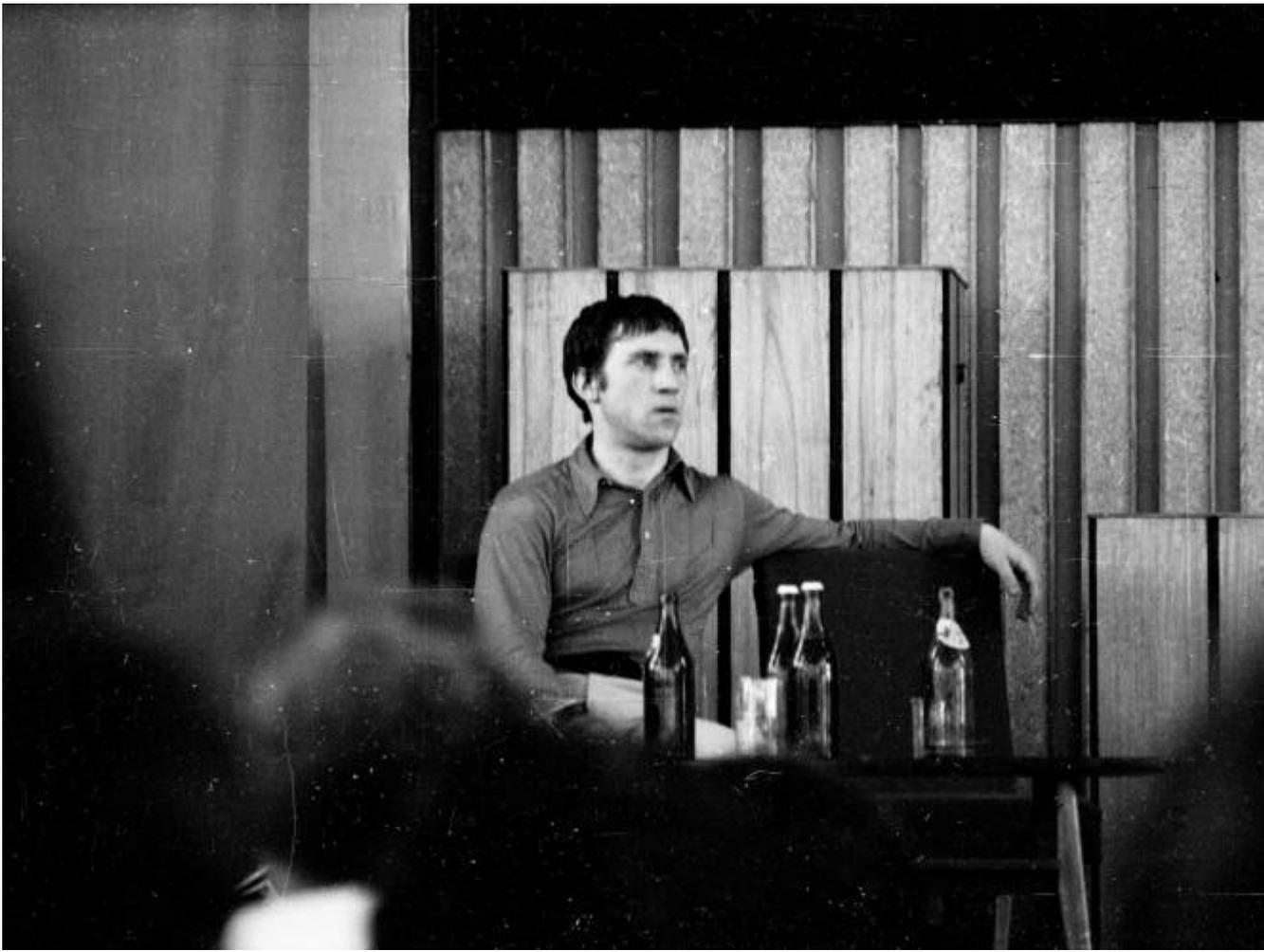
Вкладка 2

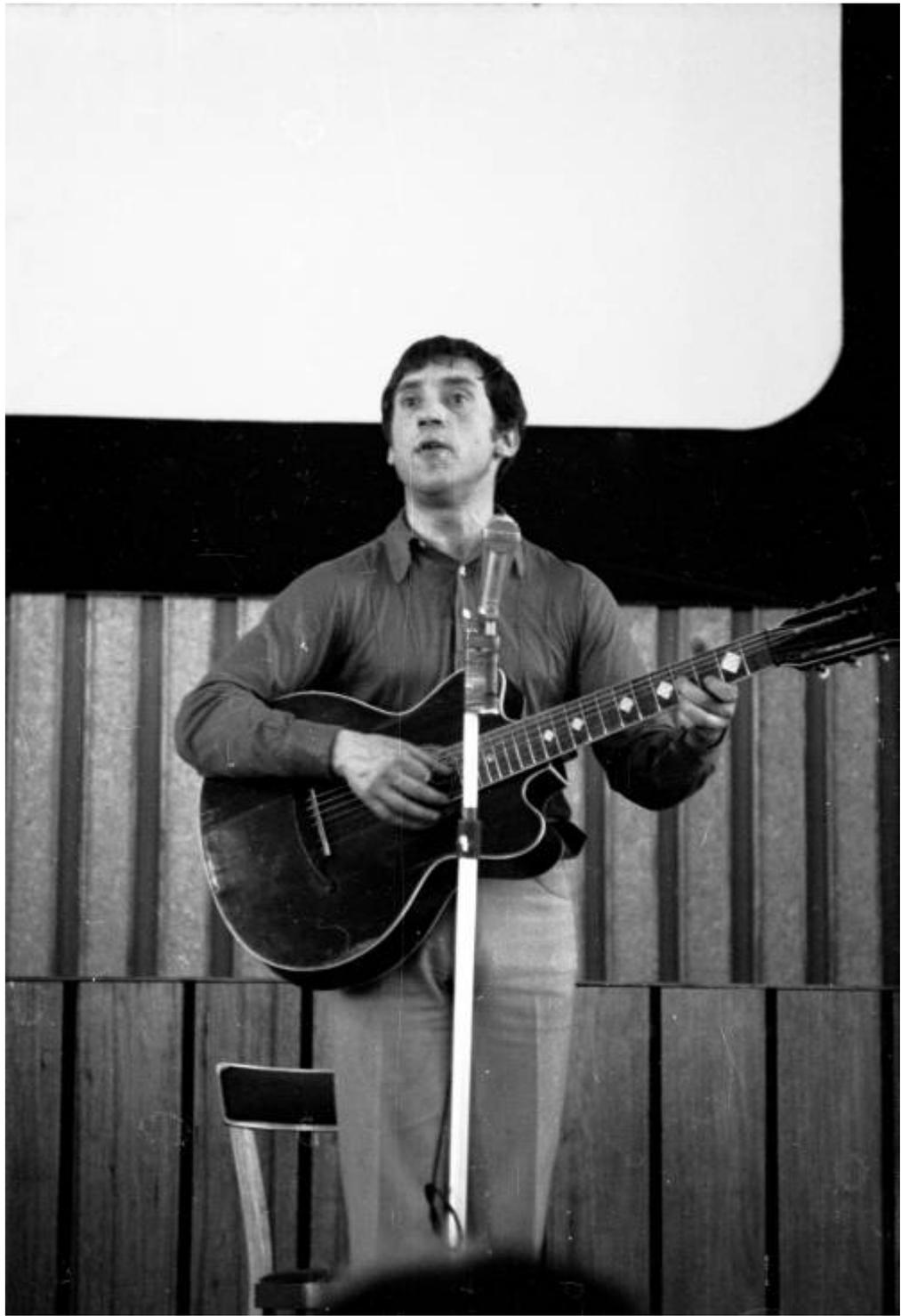

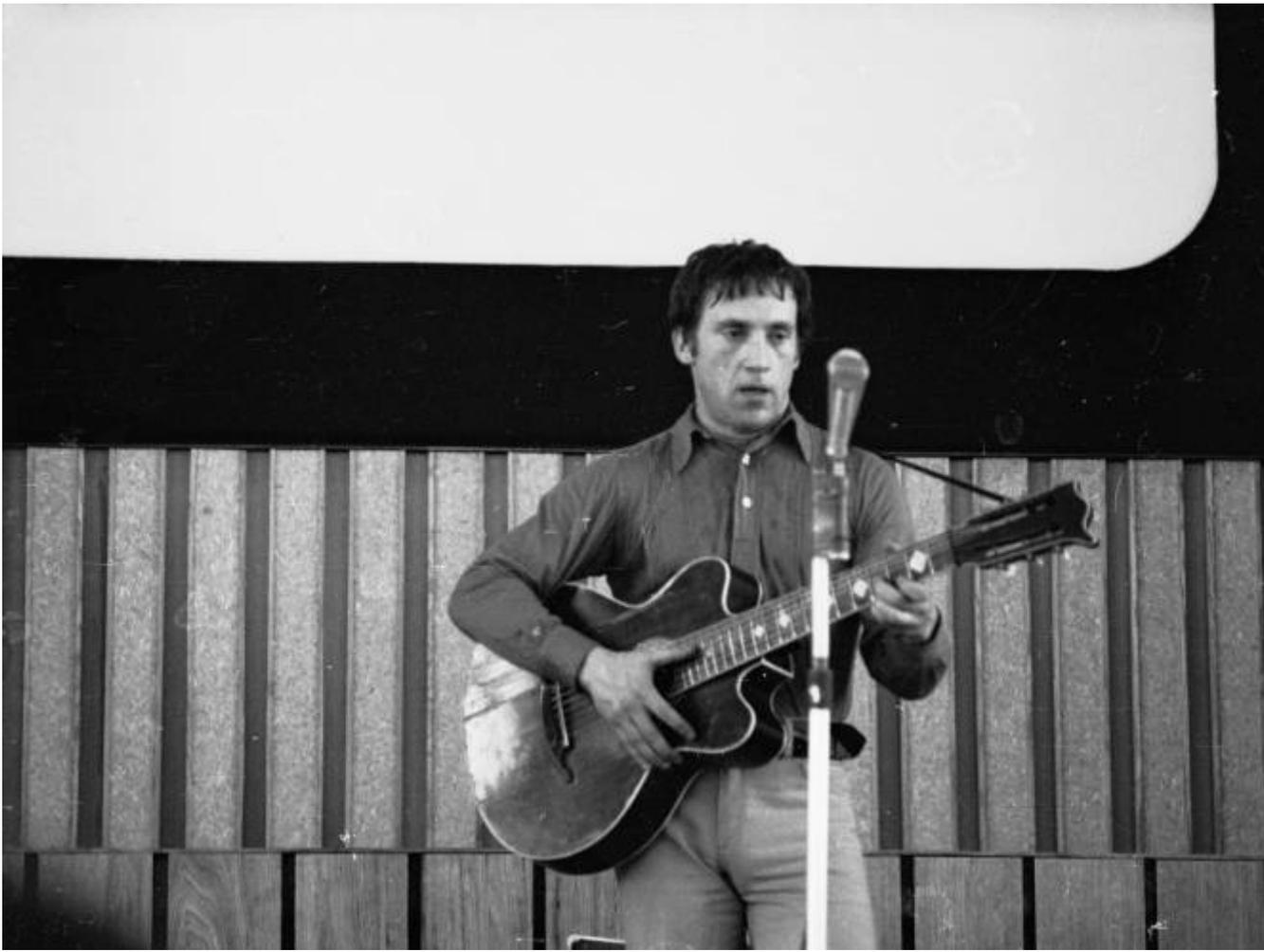
Эти фотографии с двух концертов Высоцкого в ЛИЯФе летом 1972 года сделаны бывшим электромехаником ЭВМ «Минск-22» Института ядерной физики, а ныне профессиональным фотографом Сергеем Эриковичем Хмельёвым. На фото Сергей Хмельёв в середине 70-х годов

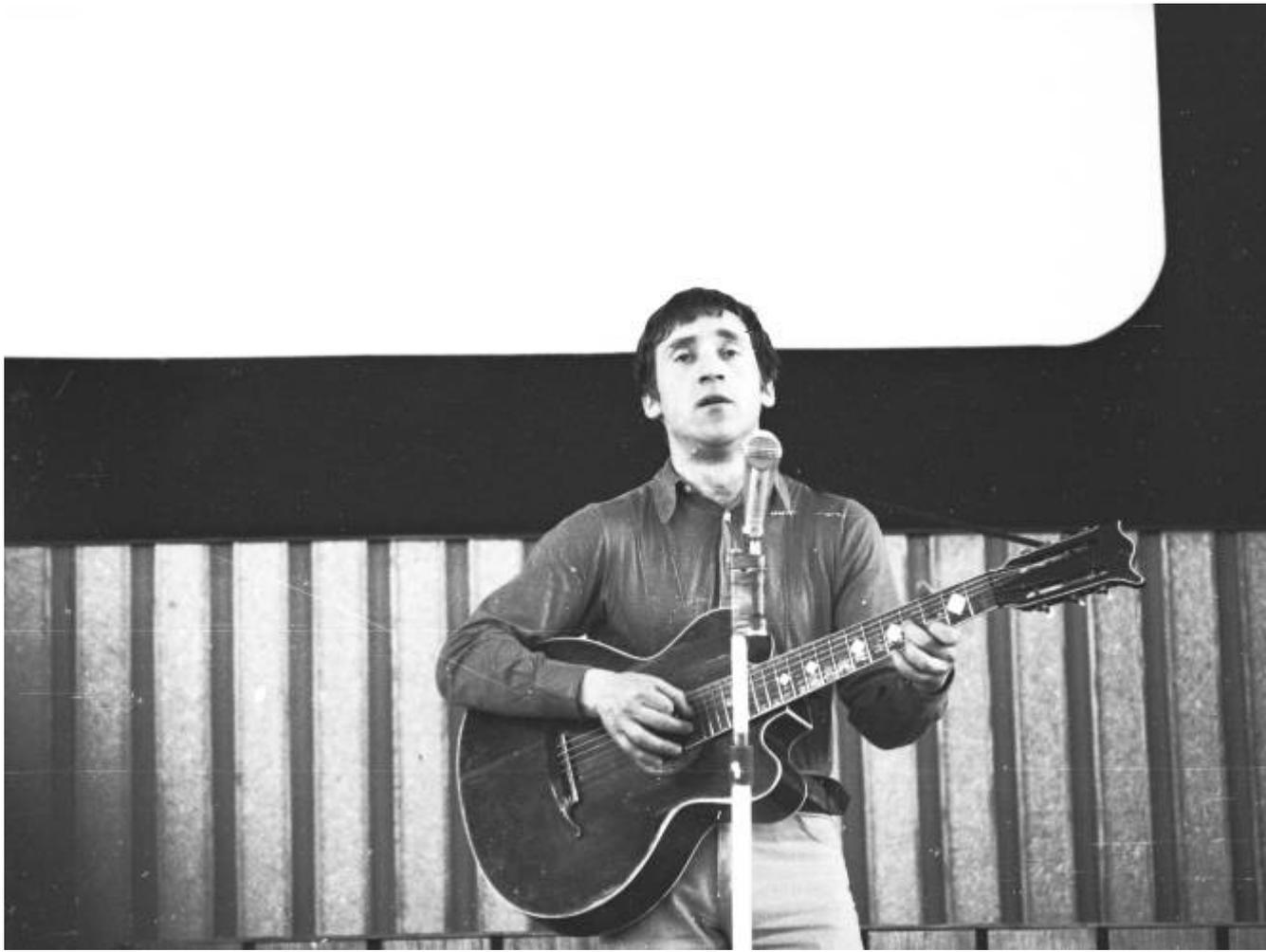

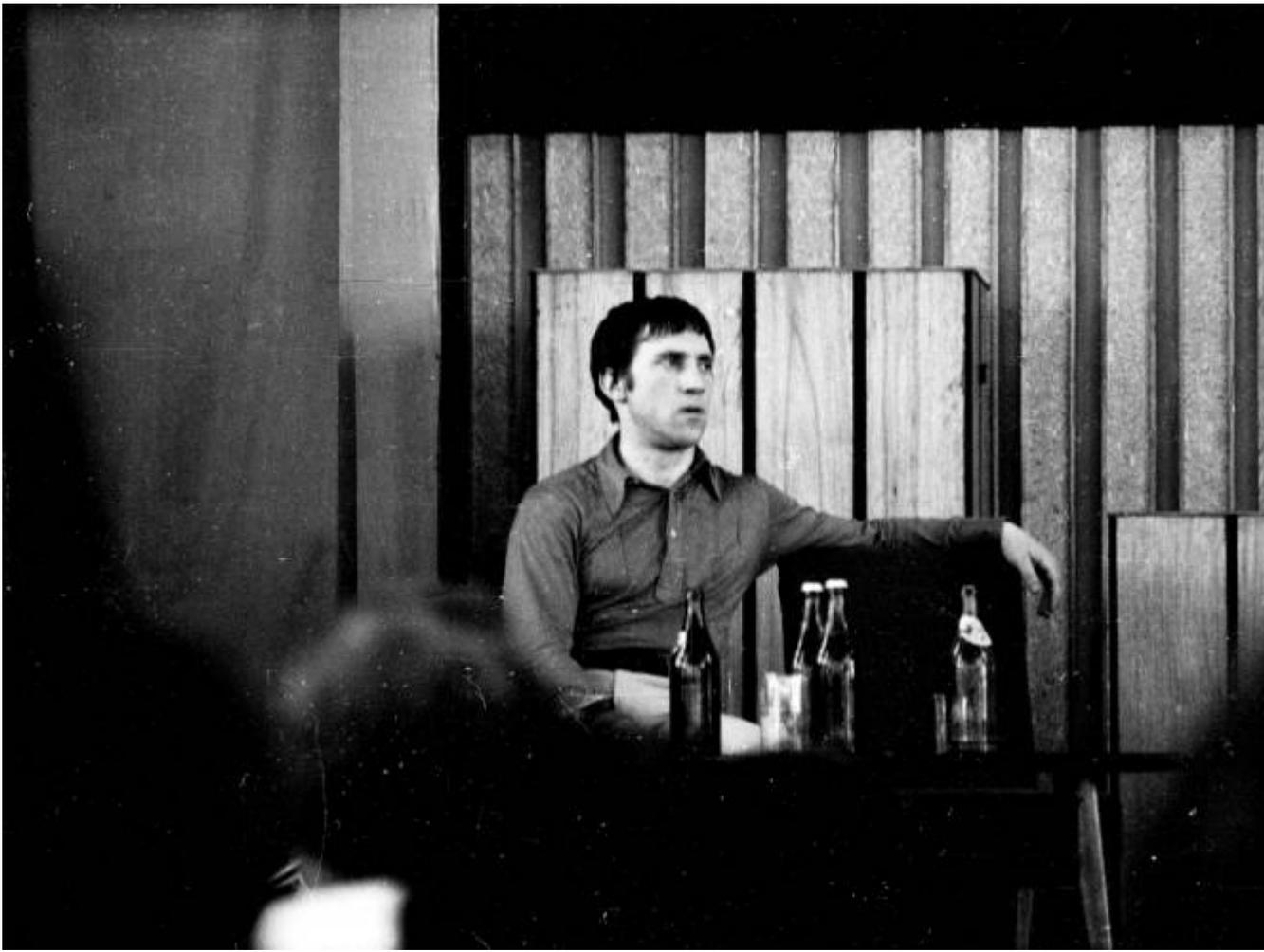

Эти фотографии Сергея Хмельёва с другого концерта Высоцкого в ЛИАФе летом 1972

года

